

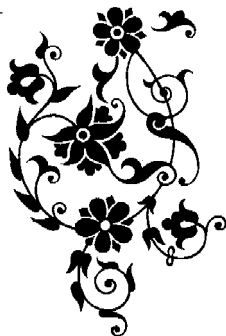
Москва
«Художественная
литература»
1975

Зульфия

избранное

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Перевод
с
узбекского

Москва
«Художественная литература»
1975

С(Узб)2
3-93

Вступительная статья К. Кулиева

З $\frac{70403-208}{028(01)-75}$ 138-75   Художник Ю. Космынин

© Издательство «Художественная литература» 1975 г.

О ЗУЛЬФИИ И ЕЕ ПОЭЗИИ

Решив написать о Зульфии и ее поэзии, я задаю себе вопрос: почему это должен сделать именно я? И сам же отвечаю: потому, что я давно знаю и люблю ее стихи. Она не только большой поэт, известный стране и миру, но и хороший, обаятельный человек. И мне приятно сказать о ней доброе слово собрата. Кроме того, я читаю ее книги в оригинале. Это тоже дает мне право высказать мнение о мастере, работу которого я ценю. А все же земляки Зульфии — узбекские поэты и литературоведы — знают ее лучше, чем я. Это я признаю. Однако решил написать вступительную статью к ее книге. И это, мне думается, правильно. Иногда интересно и любопытно слово о художнике, сказанное со стороны человеком, живущим не рядом, а где-то за рекой или за горой. Есть еще и другая причина, не менее важная, которая в таких случаях заставляет меня взяться за перо. Для нас, советских литераторов, драгоценны дружба наших народов и братство культур. И об этом мы должны говорить не только на торжественных собраниях или в часы застолья, но и писать о культуре, поэзии, искусстве наших народов, воздавая их мастерам, что я и стараюсь делать по мере сил и возможностей. Это каждый раз доставляет мне удо-

вольствие. Я люблю писать о тех, кто работает в литературе рядом со мной, о моих товарищах. Мне дорога не только культура родного народа, на языке которого я пишу. Это не просто слова, а подлинная суть моих понятий и ощущений. Я так же смотрю на горы. Этим же чувством продиктованы и мои строки о Зульфии и ее поэзии.

Зульфия однажды писала, что в ее биографии не было ничего героического. С этим нельзя согласиться, если к жизни художника подходить с учетом самого главного в нем — творчества, если учитывать внутренние законы искусства. Сколько пройдено, пережито и сделано этой красивой и умной одновременно женщиной, талант которой признан не только в нашей великой стране, но также в Европе и Азии! В жизни Александра Блока тоже не было ничего героического, если судить по внешней канве его биографии. А он самый трагический русский поэт двадцатого века и вообще один из трагических лириков во всей русской и мировой поэзии. Я могу позволить себе назвать его героическим художником. Такова суть сделанного им. Героизм художника — в его совестливости, верности своему призванию, высшим целям и идеалам искусства, в бескомпромиссности и служении народу, вскормившему его, верности самым светлым идеям времени.

Зульфия родилась за два года до Октябрьской революции. К ее счастью, ей суждено было мало прожить в старом мире. Но старые обычаи и традиции живучи. Ничто легко не уходит из жизни. И Зульфия, родившись в старом Ташкенте, должна была идти ко всему новому, ко всему советскому через большие трудности, преодолевая барьеры, которые ставили традиции и обычаи старого Вос-

тока, бывшего Узбекистана. Только так могла она стать художником нового мира, советским поэтом, которого сегодня знают и почитают не только в пределах и рамках родного языка. Хорошо понимая, что ее самохарактеристика продиктована скромностью, хочу сказать: для того, чтобы стать тем, кем является ныне народный поэт Узбекистана Зульфья, надо было обладать не только незаурядным дарованием, но и мужественным характером, стойкостью и большим жизнелюбием. Можно смело сказать, что ее жизнь не лишена была даже героизма. Мне кажется, что вообще в характере каждого крупного художника присутствует героическое начало. По моему мнению, нельзя отрицать того, что чаще всего художественному творчеству сопутствует драматизм чувств, ощущений, драматизм человеческого существования.

Зульфья говорит о своей матери, что она была птицей с подрезанными крыльями. То же самое могло быть и с дочерью. Но, к ее счастью, жизнь уготовила ей другую участь, куда более счастливую судьбу. И случилось так только благодаря небывалой новизне жизни народов всей нашей страны, лишь благодаря советской власти, которая дала возможность учиться, получить образование, а затем создала все условия для творческой работы и возвысила дочь узбекского труженика, как и, скажем, Расула Гамзатова, сына аварского горца, как Чингиза Айтматова, внука киргизского скотовода, как Давида Кугультинова, сына скромного сельского учителя-калмыка. Зульфья в своей автобиографии пишет, что ее мать никогда не выходила за порог своего дома. Удивительно! А дочь объездила мир и известна миру. В смысл этих слов стоит вдуматься. Выдающийся грузинский лирик Тициан

Табидзе писал, что поэзия и под чадрой бывает такой прекрасной, что невозможно в нее не влюбиться.

Это верно. Но поэзия Зульфии прекрасна без чадры и без паранджи. Ее лицо, к счастью, открыто с самого начала свету, небу, снегу, звездам, дождю, рассвету, полдню, вечерним сумеркам, лунному свету, и оно действительно прекрасно, как и лицо самого поэта. Потому мне и доставляет удовольствие писать эти строки. Я не раз видел в Узбекистане женщин, красивые лица которых закрывала от меня тяжелая черная, волосяная паранджа. Как мне хотелось видеть эти лица! Но, увы, темная сила паранджи была сильнее моих желаний. Все это так. Но ведь я, как уже подчеркивал выше, веду речь о большом поэте. В чем же заключена сила слова Зульфии, которая меня, живущего так далеко от нее, заставляет писать о ней? Считаю, что именно на этот вопрос, главным образом, я и должен ответить своей статьей. В работе замечательной женщины-поэта меня покоряет ее подлинность, не мнимая, настоящая народность ее поэзии, которая не чуждается и подлинной радости, и подлинного горя. А это, когда речь идет о художнике, называется талантом. Об этом замечательно сказал Борис Пастернак:

Талант — единственная новость,
Которая всегда нова.

Иные наивно полагают, что новизной поэзии является придумывание всяких ребусов, коверкание родного языка и прочие выкрутасы. Они заблуждаются. Новизна, как мне кажется, заключается в значительности содержания стихов, в самостоятельности образного мира поэта, в неповтори-

мости его почерка. Все это в наше время блистательно доказал Александр Твардовский. А если взять нерусских наших поэтов, то же самое сделали такие выдающиеся мастера, как Аркадий Кулешов, Расул Гамзатов, Давид Кугультинов, Мустай Карим. В их семью входит и народный поэт Узбекистана Зульфия. Кстати, насколько мне известно, она первая женщина в стране, удостоенная этого высокого звания.

Позволю себе привести несколько строк из частного письма Зульфии, в которых, по моему мнению, очень точно и искренно выражено ее отношение к поэзии: «Жизнь идет, унося с собой наши годы, взамен оставляя стихи, где жизнь души — ослепительная, до боли щемящая радость бытия, и старые шрамы, новые кровоподтеки, которыми нас, к сожалению, щедро одаряют наши дни. Но она, жизнь, этим все дороже и желаннее». Так мог сказать только настоящий художник. Каждый поэт знает себя лучше, чем мы, его читатели. Обратимся к стихам Зульфии, в которых она пытается определить свою задачу художника. Вот они:

Сказали мне: «Гори не угасая!
Мы знаем, что губителен пожар.
Но пламя сердца, песнь твоя простая,
Да будут нам как благотворный дар».

Я это пламя отдала долинам,
Чтоб ярко в каждом вспыхнуло цветке,
Студенческим вагончикам целинным,
Текстильщицам в рабочем городке.

Любви и правды огненная сила,
Казалось, двигала моим пером,
Ни горя, ни веселья не таила —
Я честно говорила обо всем.

Я — дочь народа, мастера большого,
Что трудится, поэзией дыша.
Сумею ли ему сказать я слово,
Сияющее, как его душа?

(Перевод С. Липкина)

Мне хочется подчеркнуть очень важную и верную мысль в этих стихах, которая останется вечным заветом для художников, а именно то, что художник должен говорить, не избегая ни радости, ни горя, честно. Без этого человек, называющий себя поэтом, окажется тем голым королем, хорошо знакомым нам по сказке Андерсена. Зульфия в этих своих программных стихах коснулась одной из самых необходимых для художника черт, отсутствие которой роковым образом сказывается всегда в его работе. Я верю приведенным мною строкам, в их искренность и правдивость, потому что довольно хорошо знаю их автора. Кроме того, осмеливаюсь утверждать, что Зульфия сумела сказать своему народу сияющие слова, являясь ныне одним из его крупнейших и известнейших поэтов. И для этого требовался не только незаурядный талант, еще надо было обладать мудростью и стойкостью, иметь мужество художника.

Мне посчастливилось впервые увидеть Зульфию в те годы, когда ей было всего лет двадцать восемь. Тогда она была счастлива, несмотря на горе и беды военных лет: рядом с ней находился ее любимый муж, талантливый поэт, красивый человек, Хамид Алимджан, сама она была не только молода, талантлива, здорова, но и красива. Я смотрел на нее с восхищением и думал: «Какой счастливый Хамид Алимджан!» Я не завидовал, а восхищался, глядя на эту молодую пару. Тогда, помню, я даже представлял себе Зульфию девушкой,

идущей по винограднику, глядящей на восход солнца ранним утром, видел, как падает на ее косу лунный свет в отцовском дворе. С тех дней прошло много лет, но я все равно каждый раз с радостью смотрю на Зульфию — она остается красивой и милой.

Счастье Алимджана оказалось кратким. Через год после того, как я впервые увидел Зульфию, ее постигло великое горе: Хамид погиб в автомобильной катастрофе. Выше я говорил о мужестве поэта. Когда к Зульфийе пришла большая неожиданная беда, она не опустила крыл, не сломилась. Это очень важно. Так чаще всего поступали крупные художники. А у них мы должны учиться не только художественному мастерству, но и жизненной стойкости, мудрости. Вспомним хотя бы Бетховена, извлекавшего из всех своих горестей и бед могучие и непобедимые звуки музыки. Это была прометеева мощь. Не каждому художнику, разумеется, дано быть Бетховеном, но каждый художник, независимо от степени дарования, должен нести в себе хотя бы отсвет этого прометеева огня, освещавшего жизнь Бетховена, и учиться у таких, как он. Именно это и сумела сделать Зульфия. Пусть ее стихи, написанные в те дни, когда раны сердца были еще свежи и большая тень неотвратимой беды падала на ее двор и ее жизнь, подтвердят сказанное мною:

В невидимом горю я пламени,
Что не погаснет никогда.
Печаль пришла, печаль нашла меня —
Моя печаль, твоя беда.

Засну — приснишься неминуемо,
Проснусь — ищу тебя в жару.
Моя строка, тобой волнуема,
Не подчиняется перу.

Могу ли стать спокойней, сдержанней?
О, почему, скажи мне все ж,
Любовь, чем ты самоотверженней,
Тем больше горя нам несешь?

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней.
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года,
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

(Перевод С. Липкина)

Мне хочется выделить две мысли в процитированных стихах. Когда беда неотвратима, человек должен стараться быть стойким вдвойне и достойно встретить горе, так же, как радость, как он раньше встречал радость. Он должен вести именно сражение с несчастьем, как и сказано у Зульфий. По мне, замечательны и заключительные строчки стихотворения:

И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

Это очень верно, правдиво и значительно.

Замечательно то, что из ее стихов вырастает цельный, честный, мудрый образ поэта Зульфий. Читая ее книги, я вижу, что у нее нет никакого желания и стремления казаться читателям лучше, чем она есть как человек и художник. Она говорит так, как ей хочется — просто, естественно, скромно. Она не признает позы и декламации. Отсюда и большое обаяние ее поэзии. Она права. Ей хочется оставаться поэтом народа, который вскормил ее,

дал свой язык — этот бесценнейший из даров. Благодарная дочь отвечает родному народу горячей, преданной любовью за все дары и, в свою очередь, отдает ему свой талант, вдохновение, все силы. Она заслуженно и достойно носит звание народного поэта. Зульфия прошла весь полувековой путь родной советской республики вместе с ней, была и остается свидетельницей возрождения и расцвета нового Узбекистана, его экономики и культуры. Все это стало счастьем для нее, и она выросла в одного из крупнейших певцов возрожденной социалистической Родины. Это и есть ее высшая радость и высшая гордость. И об этом сама Зульфия скажет лучше меня. Послушаем снова ее:

И лучшие из песен, спетых мной,
Советской посвятила я Отчизне,
Ведь счастье живо лишь в стране родной,
А без нее горька услада жизни.

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза:
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

(Перевод Вл. Державина)

Мы часто говорим и пишем о вредности и противопоказанности национальной ограниченности и местнической узости для художника. И это верно. Мне думается, всякая замкнутость в пределах родного дома особенно губительна в наш век. Я, например, не могу любить поэта, который ничего дальше отцовского двора не хочет видеть, не признает и не любит. Такое отношение к миру мне кажется непростительной для художника слепотой. Разве мыслимо, к примеру, представить себе такими Пушкина или Гете? Нет, конечно. И в этом от-

пошении поэзия Зульфии стоит на большой высоте, ее интерес к другим народам, их культуре широк, ей дорого все, что несет человеку радость и добро на всей земле. Зульфия — активный борец за мир, за дружбу и братство людей. Эта благородная тема также занимает большое место в ее творчестве. Ее стихи о России, Кавказе, Казахстане, Индии, Египте, Вьетнаме свидетельствуют о широте диапазона творчества народного поэта Узбекистана, о верности узбекского мастера великому чувству интернационализма. Об этом красноречиво говорят, в частности, строки из поэмы «Мушоира», в которых определен долг советского поэта — певца братства народов и культур, сущность революционного искусства:

Стихи вставали, как мосты,
Для нашей дружбы, нашего сближенья —
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.

(Перевод С. Липкина)

Большая поэзия всех народов всегда служила и будет служить именно сближению человеческих сердец, братству народов, оставаясь врагом ненависти и отчужденности между различными нациями, вражды. Это святой долг поэзии, ее великая миссия, непобедимая сила. И я с радостью подчеркиваю, что Зульфия верна этому долгу поэта и этой миссии поэзии.

Не об этом ли говорит нам ее стихотворение с прекрасным названием «Доброе утро, люди Мира!» В нем поэт берет на себя трудную ношу уважения и любви к людям, к труженикам мира и детям, тяжесть заботы и ответственности за них, за все живое на свете. Это ведь тоже навсегда завещано поэтам их великими учителями, и это осо-

бенно важно в наш век, когда смертоносное оружие, средства разрушения и взаимного истребления достигли небывалого совершенства и силы. В таких условиях художник не может не быть борцом за мир, за братство людей и народов, ибо его дело по своей природе в высшей степени человеколюбиво и гуманно, поэзия — порождение света, она — вечный враг тьмы и жестокости, несправедливости и смерти. В сердце поэта всегда будет звучать бессмертный пушкинский гимн свету, его боевой лозунг:

Да здравствует солнце!
Да скроется тьма!

А теперь опять послушаем строки Зульфийи из стихотворения «Доброе утро, люди Мира!»:

Соседи сейчас отдыхают, засыпает сейчас детвора,
А для меня наступает любимой работы пора.

На свет моей маленькой лампы, в рабочий мой уголок

Приходят родные мне люди со всех городов и дорог.

Строители, хлопкоробы, работники рек и гор
Со мной продолжают долгий искренний разговор.

И каждый хочет по праву увидеть в моих стихах
Свою трудовую славу, творческий свой размах.

Они мне вручили слово, за них я сейчас говорю,
Как пограничник в дозоре, я охраняю зарю.

Что может быть лучше для поэта, чем охранять зарю для людей, которые созидают, чувствовать себя причастным к их труду и судьбе, быть им братом, иметь право говорить от имени их и за них? Советский поэт Зульфийа чувствует за собой такое

право, имеет такое счастье. Она спокойно и сердечно говорит, как садовник, идущий по саду на заре: «Доброго утра, люди Мира на всей земле!»

Зульфия, как и положено большому мастеру, как подобает советскому художнику, поэту-коммунисту, с глубочайшим уважением относится ко всем народам, к их мастерам, к их культуре, она — певец интернационализма в высоком и подлинном смысле слова. Потому-то цикл ее индийских стихов был в 1968 году отмечен Международной премией имени Джавахарлала Неру, а в 1970 году ей присуждена премия «Лотос». Значительна не только поэтическая, но и общественная деятельность Зульфии. Она редактор республиканского журнала, депутат Верховного Совета Узбекской ССР. Поэзия и общественная работа у нее слиты. Она знает общественную силу поэзии, а в политической деятельности видит поэзию. Зульфия — цельный, сильный, мудрый человек со светлым сердцем, открытым всему хорошему и доброму на земле. Одну из своих автобиографий она заключает полными света и нежности словами: «Возьмите мое сердце, люди! Я для вас пою зарю!»

Она и останется такой и в жизни и в поэзии. Ей хочется помочь всем, кто нуждается в ее поддержке, подбодрить своим словом каждого труженика. Так велено от века поэтам. В поэзии Зульфии много света, тепла, сердечности, душевной энергии, оптимизма и любви к жизни.

Я понимаю, что представлять Зульфию советским читателям нет надобности — они хорошо знают ее. Мне просто хотелось сказать о ней доброе слово собрата, любящего и в какой-то мере

знающего ее поэзию, проникнутую сердечной любовью к миру и людям, по-хорошему простую и народную, пронизанную ясным светом и душевностью, умную и в то же время эмоциональную, выросшую из национальной почвы и обращенную ко всем. Я люблю есенинские слова из его замечательного обращения к грузинским поэтам:

Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.

Это очень верно. Я тоже стараюсь всегда так относиться к своим собратьям — хорошим современным поэтам и среди них к милой, умной и доброй Зульфийи. Она мой друг. Я кунак ей. И эти строки — всего лишь слова друга. И в это летнее утро, когда мое лицо освещено белизной снегов Кавказского хребта, сиянием Эльбруса и Казбека, я тихо говорю:

— Доброе утро, Зульфийя, сестра моя!

А еще повторяю ее прекрасные слова:

Помни про лучшую песню свою:
Лучшая песня всегда впереди!..

На Всемирном московском конгрессе миролюбивых сил, происходившем в ноябре 1973 года, мы с Зульфией были вместе. Тогда я сказал, что напишу ей стихи. Она, может быть, подумала, что пошутил. Но я действительно написал ей стихи, приехав в мое родное Чегемское ущелье, глядя на вечные снега гор, слушая шум речки Жалги и шелест листьев чинара. Поддавшись соблазну, это дружеское слово о моем друге Зульфийи хочу закончить стихами, обращенными к ней. Я попросил верного

друга горских поэтов — Наума Гребнева перевести мое стихотворение на русский язык. Поэты всегда по-братски должны выручать друг друга. Нам нельзя забывать образец отношений Жуковского и Пушкина. Это большой урок.

ЗУЛЬФИИ

Горит внизу горы осенний жар,
Блестит чуть выше снег ее покрова,
Я вижу снег и золото чинар,
И о тебе я вспоминаю снова.

Сестра моя, живи и хорошей,
Как прежде, суетой пренебрегая,
Напомяй мне о красе своей
Красою моего родного края.

Собратья, на тебя мы неспроста
Всегда смотрели восхищенным взором:
Твоя нас покорила красота,
А чистота была для нас укором.

Мне кажется, что излучает свет
Вся жизнь твоя и ныне и вначале,
Беду, что ты познала с давних лет,
И мудрость нынешней твоей печали.

Что делать, если падает листва!
Ведь я и осень причисляю к благу,
Недаром благодарные слова
Ложатся ныне на мою бумагу.

Прекрасна в мире всякая пора,
Весну и осень равно я приемлю.
Позволь благословить, моя сестра,
Твою поэзию, и жизнь, и землю!..

К а й с ы н К у л и е в

СТИХОТВОРЕНИЯ

здесь
родилась я

ПЕСНЯ

Прославляю тебя, воспеваю,—
Бесконечно ты мне дорога.
На равнине от края до края
В золоченых ларцах жемчуга.

Это хлопок блестит пред тобою.
Озаренный полднемным лучом,
Словно счастье твое золотое,
Словно радость во взоре твоём.

Ты коробочкам хлопка раскрыться
Помогаешь, свой труд полюбя.
Прославляю тебя, мастерица,
Воспеваю, сестрица, тебя.

Вдохновительница урожая,
Ты в поля уходила с зарей.
На работу тебя провожая,
Угасали звезда за звездой.

Мы гордимся тобой, героиня,
Бесконечно твой подвиг велик:
Где когда-то желтела пустыня.
Там теперь серебрится цветник.

1938

ЗДЕСЬ РОДИЛАСЬ Я

Здесь родилась я. Вот он, домик наш,
Супа¹ под яблонею земляная,
На огороде пизенький шалаш,
Куда я в детстве пряталась от зноя.

В садах зеленых улочек клубок;
Гранат в цвету над пыльною дорогой.
И в свежей сени рощи родничок —
Осколок зеркальца луны двурогой.

Заоблачные главы снежных гор,
Весенние, в тюльпанах алых, степи
И белых хлопковых полей простор —
Для глаз моих полны великолепия.

Затем, что здесь явилась я на свет,
Навстречу жизни здесь глаза открыла
И здесь, не зная горя с детских лет,
Свободу я и счастье ощутила;

---

¹ Су п а — глинобитное возвышение во дворе или в саду.

Затем, что здесь, ключей весны звончей,
Любовь во мне впервые зазвучала,
Что здесь я, в тишине живых ночей,
Весенним водам тайну поверяла.

Когда в садах звенели соловьи
И расцветали пышные сунбули¹,
То с ними песни родились мои
И, оперившись, крыльями взмахнули.

И лучшие из песен, спетых мной,
Советской посвятила я Отчизне.
Ведь счастье живо лишь в стране родной,
А без нее горька услада жизни.

Вот почему мне Родина милей,
Дороже мне, чем свет дневной для глаза:
Любовь к ней говорит в крови моей,
Напевом отзываясь в струнах саза.

Когда ворвался враг в родной предел,
Творя смертоубийственное дело,
За каждый дом, который там горел,
Я жаждою возмездья пламенела.

Я верила, что светлый день придет,—
Исчезнут эти тучи с небосвода,
И жизнь опять счастливо зацветет
Под солнцем правды, мира и свободы.

---

¹ С у н б у л ь — цветок.

С надеждою в грядущее, вперед
Гляжу я зорче молодой орлицы.
И ярко предо мною предстает
В победном торжестве своем столица.

И, верою незыблемой полна
В победу нашу, саз беру я в руки,
Тебе, о мать, тебе, моя страна,
Стихов, из сердца вырвавшихся, звуки!

1942

САДОВНИК ДАЛЕКО

Когда я тебя провожала, любимый,
Стояли морозы. А ныне — весна;
В саду распускаются нежные розы...
А сердце с тобою, а сердце без сна!

Чуть солнце зардеется, в сад выхожу я:
— Скажите мне, розы, скажи мне, мой сад,
Где добрый садовник ваш, где он?! — А розы
Раскроют бутоны и так говорят:

— Садовник далеко. Он там, где бушует
Метелица злая, где нету весны.
Он там, дорогая, он там защищает
Великое дело великой страны.

Чтоб нивам сожженным, чтоб сломанным розам
Восстать, возродиться, расти и цвести,
Чтоб в дыме пожарищ мятущимся птицам
В гнездовья вернуться и гнезда сплести;

Чтоб ложь перед правдой смирилась навеки,
Чтоб девичьи очи не гасли от слез,
Чтоб юноша девушке нежные розы
Рукой, победившей врага, преподнес.

Он там, твой любимый, он там, где герои
За дело свободы сраженья ведут.
Так пусть же отважным героям народным
Их девушки розы свои отошлют.

И ты отошли нас в подарок герою,
Гонцами негаснущей страсти пошли,
Чтоб в непогодь злую, в лихую опасность
Любовью твоей мы его сберегли.

Чтоб нежностью нашей, чтоб нашим дыханьем
Дышать ему в тяготе дымных боев,
Чтоб львиная в сердце вливалась отвага,
Чтоб слава с ним рядом — на веки веков!

Вот так, на рассвете, я слушала речи
Цветов обновленных и, сердце раскрыв,
Припала я к розам, тобою возвращенным.
Всю душу мою в поцелуй перелив.

1942

СЮЗАНЕ

«Я полюбил тебя, взглянув в твои глаза,
И в мире с той поры светло мне только с ними.
Волну несет поток и молнию — гроза,
А я твержу твое коротенькое имя».

Ты это говорил. Вечерняя заря
Над сонною землей тюльпаны осыпала.
Дыханье затаив, от радости горя,
Я слушала тебя. И глаз не поднимала.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзинке предо мной, как радуга, блистает.

И все цветы садов, цветы Чимганских гор:
И розы, и райхон¹, и астра золотая —
Приходят в дом ко мне, вплетаются в узор,
Охапки лепестков по шелку рассыпая.

Но только начала я это сюзане.
Иголки острое мне укололо руку.
Запахла дымом даль. В пороховом огне
К нам ворвались враги. И принесли разлуку.

---

¹ Райхон — цветок базилики.

И взял оружие ты окрепшею рукой.
И за твоим конем я шла, полна тревоги.
«Подруга, жди меня! Вернусь, окончив бой!» —
Донесся возглас твой с полуночной дороги.

На память о весне осталось сюзанае.
Ладонью провела по шелковому свитку
И, губы закусив, в тревожной тишине
Во весь размах руки разматываю нитку.

И, словно сквозь узор, глядят глаза твои,
И на шелку стежки — как строчки на бумаге.
И это сюзанае — письмо моей любви.
О верности оно, о славе и отваге.

Подруги помогать приходят иногда,
И, косы наклонив над яркими шелками,
Мечтаем вместе мы. А сквозь окно звезда
Внимательно следит за быстрыми руками.

Ты победишь врага. Вернешься. И вдвоем
Цветного сюзанае мы развернем узоры.
Сияньем солнечным оно наполнит дом,
И солнце никогда не спрячется за горы.

На память обо мне прими подарок, друг;
Он ярок, словно сад во время листопада.
Замысловатое искусство женских рук —
Забава для тебя, а для меня — отрада.

1943

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Как я люблю тебя, о золотая осень!
Рассветный холодок, росой омытый сад,
Деревья, что глядят в темнеющую просинь,
Их пламенеющий обветренный наряд.

Как я люблю, когда оранжевого цвета
На землю упадет листвы сплошной ковер,
И девочки, набрав огромные букеты,
Глядят на их причудливый узор.

А горы все растут. То хлопковые горы,
Молочно-белые, в серебряной красе.
Пушинка улетит в янтарные просторы,
Повиснет невзначай на девичьей косе.

Как я люблю, когда, все небо заполняя,
Певучие дожди мешают мне читать,
И, словно ртуть, вода блистает ключевая,
И ласточки в гнездо влетают отдыхать.

Нет, не устану я глядеть на золотые,
На красные листы бессолнечной порой,
На черные стволы, округлые, тугие,
С блестящей от дождя намокшею корой.

Когда же вновь сверкнут лучи за облаками,
Нахлынет синева и радость вместе с ней,
А небо зашумит широкими крылами
Летающих солнцу вслед веселых голубей.

Как дышится легко... Ни зноя, ни пылинки,
На солнце сушит клен шелка одежд своих.
И капли круглые, дрожащие дождинки,
Переливаются на листьях золотых.

Как я люблю свои осенние долины,
Седые вечера и розы поутру,
Деревья, что стоят, как пышные павлины,
Свой разноцветный блеск роняя на ветру!

Последних листьев шум... Небес
открытых просинь.
Нечаянный налет холодных ветерков...
Как я люблю тебя, о золотая осень,
Задумчивости дни, мгновения стихов!

1943

МОЕ ДИТЯ

Ну, как же мне его не ласкать,
Как не шептать:

«Мой светик, я тут...»

Слова любви текут с языка,
И, как от меда, сладко во рту.

Малыш мой, радость, солныце семьи,
Взошедшее на небо тьмы!
Едва откроешь глазки свои,
Вокруг тебя вращаемся мы.

Смех, лепет, шум ребячьей возни —
Все в душу проливает восторг:
На вечной ниве жизни возник
Еще один бесценный росток!

Защитой от вражды и от лжи
Дитя в моих объятьях лежит...
Вот этих щек, ручонок, волос
Что может быть прекрасней, скажи?

Дитя мое, никто никогда
Не сможет мне тебя заменить.
Тобой я, как наградой, горда,
Твой голос в моем сердце звенит.

Глазенки твои черные, но
Их взглядом светлый мир сотворен.
В них матери увидеть дано
Сияющее завтра твое.

В твое лицо, в медвяный цветок,
Влюбилось пынче солнце само.
А ночью слышен звезд шепоток;
Одна: «Он — мой...»,
другая: «Нет — мой!»

Расти спокойно, милый малыш,
Под сенью материнской любви.
Вокруг порхают, если ты спишь,
Несчитанные песни мои.

Нам ничего не страшно двоим:
От горя заслону тебя я,
А счастье все — пусть будет твоим,
Ягненок мой, отрада моя!

1943

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ И В ШИНЕЛИ

«Мы тесним врага все с той же силой.
Вдохновляет нас великий гнев...
Что же ты не пишешь?.. Позабыла,
Длительной разлуки не стерпел?»

«Не пишу?!» О, сколько я писала!
Нежным письмам не было числа!
Но для чувств моих бумаги мало,
Ведь любовь в разлуке возросла.

«Позабыла?!» Разве я из камня?
Верь, для сердца нет пути назад!
Нынче каждая звезда близка мне:
Гляну в небо — вспомнится твой взгляд.

По тебе тоскую, мой любимый!
Вспомни, милый, о моей судьбе!
Да, разлука стала нестерпимой,
И сегодня еду я к тебе.

...Позади земля Узбекистана!..
Ива тонкая, джида, прости!..
Тосковать о родине я стану,
И сейчас я слезы лью в пути.

«Где же он?» — зываю к птичьей стае.
«Близко!» — отвечают голоса.
Гладят волосы мои, лаская,
Светлые России небеса.

Милый! Буду я с тобою рядом.
Станет нежная рука стальной.
Если я сразу врага снарядам,
Родина гордиться будет мной.

Тем, что боль разлуки одолели,
Нипочем опасности и страх!..
Скоро я приду к тебе — в шинели
С боевым оружием в руках.

1943

МЫ ВСТРЕТИМСЯ!

Прощай, родной! Забудь свою Татьяну.
Не жди ее. Но только отомсти.

М. Исаковский

Я слышу, Татьяна, твой голос, твой стон,
Что рвет мое сердце на сотни частей.
Где смех твой, где юности чистой расцвет?
Чьей жертвой ты стала? Кто подлый злодей?

Мы жили, заветных мечтаний полны,
Как свойственно людям в счастливом краю.
Не зная невзгод, твой народ процветал,
Лелея заботливо юность твою.

Но кружится смерть над твоей головой,
И слезы твои — кипятка горячей.
Земля содрогается, слыша твой плач
И видя глумленье твоих палачей.

Но — жертва насилья — во вражьем плену
Душою отвергла ты рабства позор.
Татьяну рабынею сделать нельзя,
И смерть палачам твоим — наш приговор!

За шелк твоих кос, что топтали враги,
За то, что касалась их вражья рука,
За каждую горькую капельку слез —
Прольется их крови поганой река.

Пусть хищник вонзил свои когти в тебя,—
И в хищных когтях — избавления жди.
Возмездия руку простер твой народ,—
Крепись, набирайся терпения — жди.

Да, жди — хоть бы к горлу приставили нож!
Мы вырвем тебя из палаческих лап,
Из пасти драконьей мы вырвем тебя,—
Клинок наш остер и кулак наш не слаб!

К тебе наши грозные танки пойдут,
Гудя, самолеты к тебе полетят,
Отважные всадники пустятся вскачь, —
Врагам отомстят, а тебя защитят.

Погибнуть в плену мы тебе не дадим.
Крепись — и свободу желанную жди!
Ты косы цветами украсишь опять,—
Мы встретимся с нашей Татьяною,— жди!

1943

ТАЕТ СНЕГ...

Солнце сылет пригоршни огня,
Таёт снег под взмахом ветерка.
Склоны гор зеленым оттеня,
К нам летит весна издалека.

Проплывает белая гряда,
Разбиваясь в голубой волне.
У подножий прилегли стада,
Прядают газели в вышине.

На ветвях — зеленые чалмы,
На стеблях — цветистые глаза.
Скоро, скоро, сбросив плен зимы,
Запоет любовная гроза.

Ветерок, над пашней протянув,
Пробуждает воинов полей,
Приложив к алмазной флейте клюв,
Их в поля сзывает соловей.

Флейта будит мужество в груди:
«Хочешь ты, чтоб милый победил,—
Гневным плугом землю борозди!
Ты нежна, но руки полны сил.

Помни, мать, чей сын ушел туда,
Помни, девушка моей страны:
Коль иссякнет мужество труда,—
Оскудеет мужество войны.

Каждый грозно вскинутый кетмень
Нам сулит великий урожай.
Призывай победоносный день,
В ночь расплаты — дьявола ввергай!»

Слово клятвы облетает круг
Над землей, стяхнувшей зимний сон.
Человек сурово движет плуг.
«Смерть врагу посею!» — шепчет он.

Солнце сыплет пригоршни огня.
Тает снег под взмахом ветерка.
Склоны гор зеленым оттеня,
К нам летит весна издалика.

1943

ОТВАЖНЫМ

(Делегатам-фронтовикам)

Вестники победы, вам — привет!
Как своих, встречаем вас, друзья.
Жен, невест беспечных больше нет.
Дышит фронтом каждая семья.

Это вы про славные дела
Нам рассказ впервые привезли,
Полные разлуки и тепла
Нам слова родные привезли.

Вы — в глазах у всех и у меня.
Видим: тает недругов толпа.
Ваши мечь с высокого коня
Мечет смерть во вражьи черепа.

Вы в бою не дрогнете. В сердцах
Не угасла дедовская честь.
Есть у вас и крыльев гордый взмах,
И отвага пламенная есть.

Наша встреча светлая близка,
Час победы — верю — недалек.
Каждый взлет родимого клинка
Зажигает на земле цветок.

И чем больше гибнет тех зверей
От руки отважной, боевой,
Чем их больше гибнет,— тем скорей
Стужа смерти сменится весной.

Мы вас ждем. Глаза истомлены,
Ночь разлуки душу обожгла.
Мы вас ждем. Не надо нам луны:
Вашей славой наша ночь светла.

Мы вас ждем, отважные. В саду
Засверкали ветки миндаля.
Сон бежит от девушек. Труду
Раскрывает грудь свою земля.

Мы вас ждем с победой. Этот час
Снимет с сердца бремя всех тревог.
Будет праздник радости у нас,
Будут розы цвести у ваших ног!

1943

ОТОМСТИ!

Вчера домой с заката весть пришла
И сердцу, что надеялось и ждало,
Гася надежду, горе принесла.
И мир померк, и в мире тесно стало.

Лишилась сына мать, дитя — отца,
Любимого любимая лишилась.
Отчаяньем растерзаны сердца,
Опора милой жизни сокрушилась.

Израненный, он в плен захвачен был,
Но — даже по локтям веревкой скручен —
Врага, как пулей, каждым словом бил
И на допросе зверски был замучен.

В нем ненависть без края и конца
Жила к врагам. Ничья не властна сила
Была над ней. И сердце храбреца
Рука палачья злобно поразила.

Хоть лютых пыток было снести невмочь,
Он снес, ни стоном честь не опозоря.
И плачет мать теперь и день и ночь,
Потух очаг, и домом правит горе...

Горит в костре неутолимых мук
Замученного юная подруга.
Мсть! Только мсть! О, выслушай, мой друг!
Лишь в мести исцеленье от недуга!

Так отомсти за них, могучий мой,
За раннее вдовство сестер прекрасных.
За каждого малютку, сиротой
Родящегося, и за всех несчастных.

Мсти, мой бесценный, мсть твоя свята,
Как слово клятвы, как огонь молитвы.
И братьев лава грозная густа,
Летящая грозой на поле битвы.

Мсти, мой любимый! Чтоб под мирный кров
Шипящим гадом горе не вползало.
Чтоб само семя племени врагов
Иссохло, чтобы в мире их не стало!

1943

ПРИЗНАНИЕ

Ты отважен, юноша правдивый,
Полюбив, ты втайне не горишь.
Черноглазый мой, красноречивый.
О любви мне первый говоришь.

А свою любовь я в сердце скрыла,
К ней не допуская никого.
Я одна лелеяла и чтила
Тайный пламень сердца моего.

И любви закованное слово
Из горящих уст моих рвалось,
Но молчать решила я сурово,—
Пусть бы мне погибнуть довелось!

Я не знала: ты любил ли прежде?
Я не знала: ты другой любим?
Я не знала: верить ли надежде?
Я не знала: будешь ли моим?

Думала я: не велит обычай
Первой разговор любви начать.
Он — клеймо на чистоте девичьей!
Но теперь я не могу молчать.

Долго я в себе искала силы —
Силы не нашла сильнее любви,
Я люблю тебя, волшебник милый,
Душу мне любовью оживи!

1944

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ВОСПОМИНАНИЕ

Любимая, ты помнишь праздник Мая,
Когда с тобой мы встретились в саду?
Над нами ночь склонилась голубая,
Шептались тихо тростники в пруду.

В струистых сонных водах отражаясь,
Качалась одинокая звезда.
Мы рядом шли, и мне тогда казалось,
Что вместе мы с тобою навсегда.

Была ты в белоснежном длинном платье,
В венке из ранних огнецветных роз.
В ту ночь тебя невестою стал звать я,
Весь свет души своей тебе принес.

Как струны, нам под ветром волны пели,
Звенели, ударяясь в парашет.
На ветках соловьи роняли трели,
И сердце откликалось им в ответ.

В траве луны серебряные слитки
Сверкали под горой у наших ног.
Мне не забыть прощанье у калитки...
Не знали мы тогда с тобой тревог.

Сейчас, любимая, я от тебя далеко.
Вокруг меня в дыму лежат снега.
Сил не щадя в сражениях жестоких,
Повергнуть в прах поклялся я врага.

Бесстрашно встал я на переднем крае
Своей отчизны, честь ее храня.
Пиши на фронт мне чаще, дорогая,
Не плачь напрасно, помни про меня.

2. ВЕРНОСТЬ

Мой друг, твое письмо издалека
Доставила мне почта полевая.
В нем дышит лаской каждая строка,
Правдивая, сердечная, живая.

У нас весна... Лежат в цвету долины.
Прозрачна даль, спокойна и ясна.
Над нашим садом стала голубиной
Твоих родных небес голубизна.

На берегу пруда, где были встречи наши,
Пылают розы заревом зарниц.
Роса звенит в их лепестковых чашах
От дружных криков перелетных птиц.

В саду с твоею маленькой сестренкой
Мы бережно растим твои цветы.
В ее чертах, задумчивых и тонких,
Легко узнать, мой друг, твои черты.

В аллеях там, ко мне склоняя ветви,
Твоим дыханьем дышат тополя.
Твои слова мне повторяет ветер,
Твои следы там бережет земля.

Разлука долгодневная скрепила
Любовь и дружбу нашу навсегда.
Тебе верна по-прежнему я, милый,
Твоим гвардейским мужеством горда.

Вниманьем и заботой неустанной
В селенье я своем окружена.
Везде и всюду ты со мной, желанный,
Моя душа всегда тобой полна.

Рассвет в полях с бригадою встречая,
Хочу я, чтоб, подхвачена молвой,
Моя сравнялась слава трудовая
С твоей могучей славой боевой.

1944

ЗВЕЗДА

Как душно в комнате! Я выхожу во двор,
И светит мне звезда в тумане теплой ночи.
Я знаю этот свет. Я помню этот взор:
Да это же твои глаза глядят мне в очи!

Звезда, далекая и яркая, как ты,
Так пристально глядит, как будто утешая,
Как будто говорит мне тихо с высоты:
«Подруга, я с тобой, с тобой любовь большая».

1945

Мой друг, ты спишь в земле. Но как мне
нужен ты!

Поговорю с тобою, посижу я.

Давно ли ты, мой друг, мне приносил цветы?

Теперь к тебе с цветами прихожу я.

Забыть ли дни любви, горенья и труда?

Теперь ко мне навстречу ты не выйдешь.

Лишь радость видел ты в моих глазах всегда.

Теперь ты даже слез моих не видишь.

1945

МОЯ ПЕЧАЛЬ, ТВОЯ БЕДА...

В невидимом горю я пламени,
Что не погаснет никогда.
Печаль пришла, печаль нашла меня —
Моя печаль, твоя беда.

Засну — приснишься неминуемо,
Проснусь — ищу тебя в жару.
Моя строка, тобой волнуема,
Не подчиняется перу.

Могу ли стать спокойней, сдержанней?
О, почему, скажи мне все ж,
Любовь, чем ты самоотверженней,
Тем больше горя нам несешь?

Моей печали постижение —
В потоке месяцев и дней,
Хотя я с ней веду сражение,
Она становится сильней.

Твоим я счастьем счастье меряю,
С тобой слилась на все года,
И даст мне силу — твердо верю я —
Моя печаль, твоя беда.

1945

* * *

Счастливую любовь он воспевал — мой саз.
Смерть занесла кинжал, и песнь оборвалась.
Как лед разлуки, стал мой потускневший голос.
Неужто цвет увял и пламень мой погас?!

1945

ПРИШЛА ВЕСНА, СПРАШИВАЕТ О ТЕБЕ

Хамиду Алимджану

Живым дождем омыв миндаль,
В рассветный час пришла весна.
Полетом птиц наполнив даль,
Тревожа нас, пришла весна.

О, как любил ты час ночной,
Когда готов зацвести урюк,
И аромат земли сырой,
И почек хлопающий звук!

За ворот зиму ухватив,
В рожок пастушеский трубя,
Твердя любимый твой мотив,
Весна пошла искать тебя.

И, чтоб скорей тебя найти,
Став ветром, ворвалась в сады
И обыскала по пути
Все — от пустыни до воды.

И так озлилась, не найдя,
На белый свет, на свой простор,
Что стала бурею гудя,
И покатила камни с гор.

Она спросила пастухов,
Стада пасущих: «Где поэт?»
Но нет у горя добрых слов,—
Они молчали ей в ответ.

Тогда, оборотясь лучом,
Весна вошла в мой темный дом,
Спросив у слез моих: «О чем?»,
Склонилась над ребячьим сном

Моих детей, твоих детей.
И, не найдя тебя опять,
Не видя более путей,
Мне сердце начала пытаться:

«Где тот, который ждал меня
На перекрестке всех дорог,
Тревоги от себя гоня,
Налюбоваться мной не мог?»

Зачем покинул свежесть трав,
Тюльпаны и в цвету урюк?
Зачем, строки не дописав,
Перо он выронил из рук?

Где те прекрасные слова,
В которых я любила цвель,
В которых я была жива,
Еще прекраснее, чем есть?

Зачем ты в черном и в слезах?
Зачем молчишь ты мне в ответ
И снег не тает в волосах?
Где тот певец, где тот поэт?»

Дай руку мне... Молчат уста.
И молча я ее веду...
В тени безлистого куста
Могила выросла в саду.

Тогда весна умчалась прочь,
Неся с собой мою печаль,
И над могилой в ту же ночь
Зацвел, как облако, миндаль.

И песню, спетую тобой,
Запел на ветке соловей.
И мир, разбуженный весной,
Шумел над памятью твоей.

1945

ЗАЦВЕЛ УРЮК

«Зацвел урюк наш у окна»,—
Так ты писал, когда был жив.
Урюк цветет. Живу одна,
На сердце камень положив.

О, если бы могли года
Огонь разлуки погасить!
В изнеможении сюда
Пришла свиданья я просить.

Протосковавши вечер весь,
Опять в знакомый дом вошла,
Одна заночевала здесь,
Где я с тобой вдвоем жила.

Рекой добра и теплоты
Здесь наша молодость текла.
Здесь счастье было. Здесь был ты
Здесь я тобой полна была.

Здесь в доме каждый уголок
Напоминает ночи те,
И прежней песни уголок
Нет-нет и вспыхнет в темноте.

Здесь, глядя в милые черты,
Притихнув, молча я ждала,
Пока стихи допишешь ты
И оторвешься от стола.

Здесь ты их первой мне читал:
Ты, я и больше никого...
И поднимал глаза, и ждал
С немым вопросом: «Каково?»

В безрадостных своих ночах
Запомню до седых волос,
Как нежен был и величав
Тот, с кем так мало жить пришлось.

Горжусь, что ты писал при мне.
Пусть каждая строка твоя
Давно завещана стране,
Но первой слушала их я.

До смерти не забуду — нет! —
Тех прежних, тех счастливых нас.
Уже зарозовел рассвет,
Так и не дав сомкнуть мне глаз.

Твой голос как глухая боль:
«Зацвел урюк наш у окна...»
И со свидания с тобой
Опять я ухожу одна.

1945

НАВСТРЕЧУ

Потупившись, идет по пыльному Ташкенту
Средь праздничной толпы суровая вдова...
Старушка на букет повязывает ленту,
И пахнет розами густая синева.

Знамена алыми струятся парусами,
Колышется людской взволнованный прибой,
И арбы, крытые пунцовыми коврами,
И гулкие авто спешат наперебой.

К вокзалу все спешат, пылая нетерпеньем,
И плача, и смеясь, и вороша цветы...
Вдова глядит им вслед. И горестным смятеньем
Искажены ее спокойные черты.

И входит в дом она, где в теплых бликах солнца
Глазами строгими глядит навстречу ей
Большой портрет того, кто с битвы не вернется
И не осветит дом улыбкою своей.

Облита холодом внезапного страданья,
Как будто на портрет взглянула в первый раз,
Стоит она без сил и словно без дыханья,
И слезы крупные текут из черных глаз.

— Они идут встречать... Чтоб встретиться с тобою,
Весь мир бы я прошла послушною стопой,
Я жизнь бы отдала счастливою рукою
За краткий миг один свидания с тобой...

О, как цветы цветут!.. Все горести и беды —
Разлуки тяжкой мрак, давивший столько лет,—
Сгорели, сгнули в сиянии победы,
И воинов своих встречает наш Ташкент.

Они шагали в бой плечом к плечу с тобою.
Делили хлеб и соль, атаку и привал,
Они тебя, родной, засыпали землю,
Освободив село, где ты в сраженье пал.

Встречает их народ. А я, согнувщи плечи,
Потухшие глаза от светлых прячу звезд,
Одна стою. Цветы и те цветут для встречи,
И даже птицы к ним летят из тихих гнезд!

Решимостью полна, в цветник она вбегает,
Хозяйкою идет по пояс меж цветов
И розы яркие по цвету подбирает,
Отряхивая пыль с румяных лепестков.

На площади толпа шумит веселым ливнем —
Подходит эшелон! Подходит он, смотри!..
...И женщина стоит, обняв рукою сына,
С охалкой красных роз, в сиянии зари.

1945

ЗЕБО

I

Уж не во сне ли песни птиц звучат?
Откуда эти звонкие рулады?
Не гарь лесов и не сраженья чад,
А запах трав в дыхании прохлады.

И юноша проснулся. Луч дневной
Слепит, улыбкой губы озаряя.
Мать поливает двор, и синевой
Уже оделся день родного края.

Как хорошо глядеть в простор — туда,
Где блещут горы, в ледники одеты.
Бой отгремел, отхлынула беда,
И мирный день летит на крыльях света.

Как много в мире красок и красот,
Как вольно дышит грудь, а даль все шире.
И юноша из комнат в сад идет
И напевает песенку о мире.

II

И на широких молодых плечах
Танцует луч, пробившийся сквозь кроны.
Весь сад цветущий в солнечных лучах,
Наполнен светом каждый лист зеленый.

Разросся сад, он весь в листве густой,
Раскинули деревья лапы веток.
Не их ли он сажал своей рукой?
Теперь они в плодах, как в самоцветах.

• Так все светло, все радостно вокруг!
Журчит арык, задорен бег потока.
Вот персики, там сливы, здесь урюк —
Большие, налитые чаши сока.

• Не наглядеться на дары земли.
Чу! Голоса девичьи за оградой.
Все ближе. Слышно — песню завели,
Гляди — срезают грозди винограда.

Ай, девушки!.. Газели, серны гор!
Как в сказках, вы нежны и яснооки.
Волшебная краса чарует взор,
И почему-то запылали щеки...

III

Умолкла песнь. Лишь отзвуки летят,
Лишь эхо проплывает по округе.
Неся в корзинах спелый виноград,
Идут навстречу парню две подруги.

И юноша смутился, оробел,
Он все слова, должно быть, перепутал.
А виноград так сладок, сочен, спел;
А сердце так тревожно почему-то.

Вдруг улыбнулись девушки ему,
Гроздь подарили, но о винограде
Вмиг позабыл он: видно по всему,
На белое лицо, на косы глядя.

Неужто это правда? Ведь пред ним
Стоит Зебо, соседская девчонка!
Газели нежный взор неповторим,
И сердце бьется весело и звонко.

Сейчас он видит лишь ее — Зебо!
Он все забыл, он знает — счастье
рядом.

И платье яркое твое, Зебо,
В глазах его сверкает майским садом.

1945

МОТЫЛЕК

Девочка Хулькар, в пахучем
Я расту саду.
С мотыльком быстролетучим
Разговор веду:

«Высоко летишь иль низко —
Трудный путь далек.
На минуту опустишься-ка,
Милый мотылек.

Мы в саду тревог не знаем,
Весело живем,
И стихи мы сочиняем
Вместе с соловьем.

Видишь розу в белом платье?
Что, хорош наряд?
В красном праздничном халате
Ждет тебя гранат.

Удивительно душисты
Ирис и джида,
Так со мною подружись ты,
Прилети сюда!»

Мотылек слетел впервые
К девочке Хулькар,
И ему цветы живые
Принесла я в дар.

Я стихи ему читала
В шутку и всерьез,
Я гнездо ему сплетала
Из красивых роз.

«Этот сад,—сказал он,— чудо!
Здесь я жить хочу!
Никуда теперь отсюда
Я не улечу!»

...Солнце гаснет на закате,
Все деревья спят,
В красном праздничном халате
Задремал гранат.

Я сказала: «Ты бы лучше
До утра прилег.
До свиданья, друг летучий,
Милый мотылек!»

1945

НЕВЕСТА

Пейте, гости!
Ешьте что угодно.
Разве мало плова и вина?
Свадьба в нашем кишлаке сегодня.
Ярким светом ночь ослеплена.

Полная луна с небесной выси
Смотрит на невесту, чуть дыша,
Как блестит на тюбетейке бисер,
Как невеста нынче хороша!

Девушка и смущена и рада,
С плеч спадают две косы тугих.
Смотрят гости, не отводят взгляда.
Смотрит зачарованный жених.

Песенка «Яр-яр» уже звучала,
Может, в третий иль четвертый раз,
Отражались в налитых пиалах
Сорок с лишним пар веселых глаз.

Поздно уж, но окна не закрыты,
Ярким светом залит новый дом,
Там сейчас походкой деловитой
Входят в круг невеста с женихом.

Шире круг!..
И молодые оба,
Окруженные со всех сторон,
Заплясали под напев рубоба,
Под хлопки гостей и бубна звон.

Девушка танцует и стыдится,
Опускает голову на грудь,
Не решается поднять ресницы,
Чтоб мгновенье это не спугнуть.

Не спугнешь его ты, дорогая,
Много счастья на твоём пути.
Пред тобой дорога золотая,
Хорошо по ней вдвоем идти!

Не смущайся, подними ресницы,
Счастьем быть еще немало дней.
Это только первые страницы
Книги жизни радостной твоей.

В вашей жизни будет много света,
Много счастья..
Пусть она всегда
Будет весела, как свадьба эта,
И, как пляска эта, молода!

1946

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

И снова ночь ползет едва,
И снова сон нейдет.
От мыслей пухнет голова.
Подушка щеку жжет.

Луна недвижимая — в окне,
Лучи — подобьем струн...
Вздохну и отвернусь к стене.
И там, гляжу, на сюзане
Горят пять пестрых лун.

Давно молчания печать
На рты друзей легла...
Но вдруг я чувствую:

печаль

От сердца отошла.

Как будто жизнь,дохнув теплом,
Тоске сказала: «Нет».
Смотрю: за голубым стеклом
Наметился рассвет.

И вновь не отвести мне глаз
От блеска бытия.
Душа, ликуй! Звени, мой саз!
Жизнь, я одячь тебя!

О, как сверкают крылья птах!
Как травы пьют росу!
Я — ветвь, и в солнечных лучах
Я вновь тянусь, расту...

1946

СИРЕНЬ

Сирень,
                  сегодня в утреннем тумане
Я видела, как легкий ветерок
Своим прохладным шелковым дыханьем
Погладил каждый твой листок.

Ты шевельнулась, дрогнула листвою,
Бутоны превратились вдруг в цветы.
Так что же он сказал тебе такое,
Что расцвела, что засияла ты?

Я знаю, он пришел к тебе с приветом,
Который передал любимый друг.
Ты озарилась радостью и светом
Любви, не знавшей горя и разлук.

Ты замирала и качалась снова,
Ты долго ветерку смотрела вслед...
Когда же мне от друга дорогого
Счастливым ветер принесет привет?

1946

МЕЧТА

Как тебя ни гнуло б, ни клонило,
Выпрямишься с прежней прямоюй,
Если есть в тебе живая сила,
Та, что называется мечтой.

Дом, в котором и двоим-то тесно,
Дом, в котором жизнь пустым-пуста,
Станет шире, чем простор небесный,
Если в нем пропишется мечта.

Сердце без мечты — без крыльев птица.
Но, когда мечта к нему придет,
Заодно с вселенной может биться
Сердце, устремленное в полет.

Захочу — с мечтой, подругой смелой,
На вершине встречу синеву,
А глядишь, мечта — как лебедь белый:
С нею все моря переплыву.

Чуден мир, мечтой преображенный,
Труд природы, труд людских веков,
Ясно, благодарно отраженный
В зеркалах прозрачных родников.

Нам нельзя мечту переупрямить,
Ведь мечта сильнее всех светил.
И того приводит нас на память,
Кто из памяти не выходил.

Жизнь тогда рождается сначала —
Что ушло, то возникает вновь.
То, что я мечтою называла,
Назову по-новому: любовь.

Проницательнее светит разум,
И яснее времени поток:
Пыль дороги кажется алмазом,
В каждом камне вижу я цветок.

Каждая былиночка прекрасна;
Все, что дышит и живет кругом,
Жаждет и настойчиво и страстно
Стать моим трудом, моим стихом.

Сны, что приходили к изголовью,
Властно оживают наяву:
То, что называла я любовью,
Ныне вдохновеньем назову.

А в душе то робость, то отвага,
И со мной до самой темноты
Карандаш и белая бумага —
Светлое оружие мечты.

1947

ЗДЕСЬ БУДЕТ ДОРОГА

Они идут пустыней впятером;
Длинна дорога, и тяжел их путь.
Песок на их губах, песок кругом.
Жара кругом. Ни сесть, ни отдохнуть.

Пять человек идут, и никому
Не видно ни жилища, ни следа,
Лишь где-то вдалеке блестит Аму,
То, может быть, мираж, а не вода.

Был труден путь их. Был их путь
далек,
Вздымался к небесам песчаный шквал,
И люди молча падали в песок,
И с головой песок их засыпал.

Пред ними было восемь дней пути,
И ветер злился и песком шуршал:
«В мои владенья кто посмел прийти?
Кто разрешил им, кто им право дал?»

И люди отвечали: «Эй, пусти!
Пусти, пустыня, нас и не пугай!
Да, мы осмелились сюда прийти,
Чтоб оживить бесплодный этот край.

Что говорить, пустыня, ты сильна,
Но мы тебя сильнее: мы — народ!
Мы знаем, будешь ты удивлена,
Когда здесь первый паровоз пройдет».

В пустыне снова тишина и зной,
И людям снова по жаре идти.
За ними вехи линией прямой
Рисуют трассу нового пути.

Здесь ничего покуда не растет,
Покуда только солнце землю жжет.
Пока кругом ни тени, ни воды.

Но через год пустыня зацветет —
Отсюда только в трех часах езды
Прекрасный город будет через год.

Нет, не напрасно по пескам одни
Шли эти люди, обжигая грудь.
По вехам, что поставили они,
Строители проложат новый путь.

И скоро в этом выжженном краю
Прорежет воздух поездной гудок.
И здесь пройдет одна из тех дорог,
Что в коммунизм ведут страну мою.

1947

НА МОСТУ

В прохладный вечер на мосту
Горят две пары глаз...
И, освещая высоту,
Сверкают, как алмаз.

Раздвинул месяц облака,
Потушил жаркий взор
И слушает издалика
Чуть слышный разговор.

«Хоть верь, подруга, хоть не верь,—
Так юноша твердит,—
Но для меня весь мир теперь
В тебе единой слит».

Он ждет ответа. Но в ответ
Струится тишина.
А девушка — ни да, ни нет
Не говорит она.

«Боишься ты моей любви?
Кто огорчил тебя?
Скрывать огонь в своей крови
Кто научил тебя?»

Он ждет ответа. И звезда
В ручье отражена.
А девушка — ни нет, ни да
Не говорит она.

«Скажи, что любишь, мой цветок.
А если слова нет,
Пускай хоть взгляда огонек
Заблещет мне в ответ!»

И месяц в облаке блестит,
Как в серебре алмаз.
Но тихо девушка стоит,
Не поднимая глаз.

Но вот взглянула. И очей
Уже не отвела.
Румяной красотой своей,
Как роза, расцвела.

В прохладный вечер над ручьем
Две пары глаз горят.
И звезды с месяцем тайком
Про счастье говорят.

1947

СТИХИ О ТАДЖИКИСТАНЕ

I

На крыльях ветерка, с приветами, с цветами
Узбекистанскими, в Таджикистан к друзьям
Спешу, спешу... И наконец я с вами,
Вершины гор, что встали к облакам.

Меня сама заря встречала у вагона,
На пиках снежных гор рубинами горя;
На город засмотрелась я влюбленно,
Он молод был и светел, как заря.

О город юности, отваги и дерзання,
Живой, как со скалы сбегаящий поток!
На величавые твои люблюсь зданья,
На ровные лучи твоих дорог;

На желто-розовый прозрачный пламень сада,
Где ранней осени атласная пора...
Старик, укрывши корни винограда,
Мне рассказал, каким ты был вчера.

Разгладив бороду белей снегов Памира,
Гордясь своим трудом и радуясь судьбе,
Садовник рассказал мне красочней шаира¹,
Как городом стал старый Душанбе.

---

¹ Шаир — народный поэт.

«Что было раньше здесь? Развалин
древних глина,
Безрадостная пыль, пенцадный солнцепек,
На улочках верблюдов казался исполином,
Но осенью и он тонул в грязи дорог.

Что мы видали здесь? Нужду и скорбь
видали,
Бред лихорадочный, трахому и цингу;
Три деревца на площади торчали,
Но тень от них была всего с таньгу¹».

Садовник поднял взгляд на город, озаренный
Сиянием земных, людьми зажженных звезд,
На тополеи пирамидальных кроны,
Поднявшихся во весь могучий рост.

Своими добрыми и мудрыми руками
Он этот город-сад лелеял и растил.
И город щедрыми, чудесными дарами
Садовника сегодня наградил.

II

Песне-страннице на месте не сидится,
Все ей — путь, движенье, непокой.
Вот она качается, как птица,
Над седою вахшскою волной.

Перед ней громадой величайшей —
Скалы, скалы в синем блеске льдин,
А внизу тюльпаны, словно чаши,
На альпийском бархате долин.

---

¹ Таньга — монета.

Караван зеленый тополиный
По дороге к городу идет...
В горном сердце, в высоте орлиной
Ручеек серебряный поет.

Песне той на легких крыльях мчатся,
Узнавать следы богатырей,
Созидателя-народа счастье
Здесь, в стране таджиков,— перед ней.

Люди дерзко раскололи гору,
Надвое громаду рассекли.
И открылся радостному взору
Света путь во все края земли.

А в горах среди ледяных алмазов,
На Варзобе, в новом городке,
Девушка, смугла и черноглаза,
Держит силу света в кулачке.

С пульта глаз не сводит чаровница,
Мастерица золотых чудес.
Новый свет по проводам струится
К городу из этой горной ГЭС.

Вот и песня тихо опустилась
К маленькой горячке на плечо,
Отраженным светом засветилась,
Улетела, став сама лучом.

А в сияющей долине Вахша,
В той, что хлопка белого полна,
Мне припомнилась родная наша,
Хлопковая наша Фергана.

Хороша земля Таджикистана,
Мне б певцам завидовать ее,
Если б не краса Узбекистана —
Вдохновенье светлое мое!

III

Над заснеженным пиком Памира
Кумачовый вздымается флаг.
Этот флаг для трудящихся мира,
Для народов — свободы маяк.

И с надеждою братья с Востока
Сквозь снега, в непроглядной ночи,
Видят, как над горами высоко
Блещут нашего флага лучи.

А под флагом, вся полная света,
Созиданья и песен пора.
Собрались хлопкоробы, поэты —
Замечательных дел мастера.

Тут душою нельзя не согреться,
Доброта и внимательность тут,
И слова, что от самого сердца
Прямо к сердцу другому идут.

Тут узбекская песня — не гостья,
А любимая с детства сестра.
Как у нас — винограда здесь гроздь,
Как у нас — здесь природа щедра.

Потому мы друг другом любимы,
Что под солнцем одним рождены,
Что скрепляем трудами своими
Книгу дружбы Советской страны.

IV

И в сумеречный час, когда осенней мглою
Окутаны верхушки тополей,
Я уезжаю, расстаюсь с тобою,
О город дружбы радостной моей.

И сердце полнит сладкое волненье
Внезапных расставаний, новых встреч.
Родной земли огромно притяженье,
И как любовь к ней в сердце не беречь!

Но знаем, нет для песни расстоянья,
Коль зазвенит — услышите, друзья!
И в час, когда придут воспоминанья,
То в Душанбе отправлю песню я.

1947

В ПОЛЕ

Ранняя осень пахнула дыханием тревоги,
Листья хлопчатника съежились, словно от
боли,
Туча приблизилась, пыль поднялась на
дороге...

В поле, друзья!
Дорогие товарищи, в поле!

Сборщики хлопка, хоть солнце еще за
горами,
Двинулись в поле в холодной
предутренней рани.
Поле зелеными, влажными плещет
волнами,
Стая полевой — словно парус в зеленом
тумане.

Хлопок, уже не вмещааясь в коробочек
гнезда,
Белым своим рукавом машет нам
издалека.

В поле, друзья!
Собирайте пушистые звезды,
Белые звезды бесценного нашего хлопка!..

Вон Турсуной, председатель, стоит у
навеса,
Вон Мухаббат фартук свой волокном
наполняет.
Дни на учете, минута — и та полновесна.
Каждая сборщица это сейчас понимает.

В хлопке созревшем — ее годовая работа,
Тайные думы, надежды ее и отрада,
Звон кетменя, и жемчужины летнего пота,
И всенародная радость высокой награды.

Вырастить хлопок она обещала весною,
Клятва стране повседневно ее окрыляла.
Надо воды — и сама становилась волною,
Надо тепла — и сама, словно солнце,
пылала.

Золотом белым, мелькающим перед
глазами,
Хлопком рассыпано в поле обильное
счастье!
День упусти — и, быть может, дождями,
снегами
Хлопок погубит осепнее злое ненастье.

Нет, не дадим и пушинки одной непогоде,
И паутинки одной не оставим на поле!
Слава упорству, живущему в нашем
народе,
Слава труду вдохновенному, творческой
воле!..

Вон Махриба и Зухра, осторожно ступая,
Хлопок несут, словно роз белоснежных
корзины,
Хлопок к хирману несут. И заря золотая
Им освещает тропу средь зеленой равнины.

1948

СОЛОВЕЙ

Плеск воды, блеск звезды, трепетанье ветвей,
Влажных роз молодое цветенье...
И поет соловей, друг цветов соловей,
Прославляя весны вдохновенье.
Под луною разносится звонкая трель —
Соловьина льяется газель.

Ты постой, соловей. Ты не пой, соловей,
Дай свой голос попробую я...
Может быть, этой песне весенней моей
Улыбнутся сердечно друзья.
Я спою про счастливую долю мою,
Про любимую землю спою.

Ведь недаром шутливо друзья соловьем
Называют счастливого поэта.
Может, это и так, коль поем мы вдвоем,
Коль поем с соловьем до рассвета.
И плывет в лепестковую эту метель
Соловьина наша газель.

1949

МОЕЙ ПОДРУГЕ

Сегодня на рассвете птицы пели,
Благоухали вешние цветы,
И на меня глаза твои смотрели —
Передо мной опять возникла ты.

Заря блеснула на сердечках почек,
Поднявшись над расцветшею землей.
Далекий путь зари из мрака ночи
Мне почему-то путь напомнил твой.

Совсем безлунной и совсем беззвездной
Была та ночь, откуда ты пришла.
В те времена всходило солнце поздно
И не давало света и тепла.

Но солнца свет проник в твою лачугу,
Придя из-за далеких гор и рек.
Тебе сказала Родина, как другу:
«Ты человек — живи, как человек!»

И ты впервые ощутила лето,
Свод неба ощутила голубой,
Глаза твои, отвыкшие от света,
Вдруг увидали мир перед собой.

И это было юности началом,
Началом жизни и путей больших.
В те дни заря впервые засверкала
Румянцем ярким на щеках твоих.

И ты вдохнула ветры полевые,
Ты в мир вошла, прекрасный и большой.
Он тоже увидел тебя впервые
Такой свободной, сильной, молодой.

О женщина, твоя дорога к свету
Была длиннее Млечного Пути.
И много горя на дороге этой
Тебе, мой друг, пришлось перенести.

Твоею красотой торговали,
Тюрьмою были отчие края;
Во мраке старой жизни погибали
Любовь твоя и молодость твоя.

Ты не жила, ты мучилась веками.
Но вот исчезла над тобою мгла,
И сильными, свободными руками
Ты горячо всю землю обняла.

Ты сеешь хлеб. Ты всходишь на высоты.
Ты у станка стоишь в цехах больших.
Ты смотришь ввысь и видишь самолеты,
И в небесах сама ты водишь их.

В науке и труде ты неустанна,
Ты говоришь о жизни, о мирах.
Ты все законы библий и коранов
Наукой жизни обращаешь в прах.

Твоя судьба безбрежна, словно море;
Чисты твои стремленья и дела.
И пусть в пути с тобой встречалось горе —
Пряма твоя дорога и светла.

Война тебя не смяла, не сломила.
Когда она пришла в огне, в дыму,
Ты мужа в путь-дорогу проводила,
«С победою вернись!» — сказав ему.

Пусть волосы твои украсил иней
Немного раньше срока. Ничего!
Ты молода, и в сердце не остынет
Огонь большого чувства твоего.

Я вижу, как полями и садами,
Где зацветают вишни и хурма,
Идешь ты, озаренная лучами,
Идешь ты, излучая свет сама.

И этот свет, как свет звезды далекой,
Летит за рубежи соседних стран,
И угнетенной женщине Востока
Он светит, проникая под чачван¹.

И свет доходит к ней сквозь мрак
проклятый,
Неся частицу твоего тепла.
И ждет она его, как ты когда-то
Во мраке ночи этот свет ждала.

1949

---

¹ Ч а ч в а н — сетка из конских волос, закрывающая лицо.

ДВЕ ПОДРУГИ

Розовеет синий край небес,
Всходит солнце на крутые горы,
Хлопка, вновь раскрывшегося, блеск
Затопил широкие просторы.
Раздвигая пышную листву,
По волнам зеленого прибоя
Девушки не ходят, а плывут,
Соревнуются между собою.

Хороша красавица Гульшан,
Сдержанна она и молчалива,
А подруга, бойкая Айша,
Своевольна, как поток, шумлива
И порой остра на язычок...
Хоть подруги меж собой не схожи,—
Так они дружны, что волосок
Между ними проскользнуть не может.

И прилежно трудятся они,
Хлопка розы белые собирая.
Поле все покрылось в эти дни
Белизной от края и до края.
А над ними — алый небосклон,

Пробужденья голос соловьиный,
И коробочек чуть слышный звон,
И далекий шелест тополиный.

Выпрямив высокий, стройный стан,
Засучивши рукава по локоть,
Говорит Айша: «Смотри, Гульшан,
Как сегодня в поле много хлопка.
В дни войны с зари и до зари
Хлопок собирали мы да дети,
А теперь вот в поле посмотри! —
И джигиты за колхоз в ответе...»

В отдаленье тополей листва,
Как узор тончайший, серебрится...
Хлопка вороха подняв едва,
Двинулись к хирману мастерицы.
А хирман — все выше, все белей,
Словно снежная гора сияет.
На вершине, в пламени лучей,
В час полудня солнце отдыхает.

Зазвучавши где-то за горой,
Песня огласила поднебесье,
И, от солнца заслонясь рукой,
Девушка заслушалась той песни.
На подругу глянула Айша:
«Как поет! Как звонко и высоко!
И в труде — широкая душа,
И на фронте смелым был, как сокол,
Наш Камиль».

«Нет... это Туляган», —
Торопливо молвила Гульшан
«Эй, подружка! Что любовь скрываете?
Стуком выдают ее сердца...»

Как же это ты не отличаешь
Голоса известного певца?
То Камиль поет, тебя любя,
Разум отнимая у тебя».

«Растопчу любовь я вместе с пылью,
Если станет разум отнимать.
Я — неровня гордому Камиллю,
Так зачем его мне замечать?»
И Гульшан движением привычным
Белый ворох подняла с земли,
И коснулся хлопок щек девичьих,
Что, как маки алые, цвели.

Но не хочет замолчать подруга:
«Что за вздор? Ему неровня — ты?
Где найдет достойнее он друга,
В ком найдет он больше красоты?
Он — Герой Советского Союза,
Ты — герой колхозного труда,
Будет день, и у тебя на блузе
Золотая заблестит Звезда!»

«Ну, зачем ты? А не любит если...»
«Не имеет права не любить!
О таких, как ты, поются песни,
Девушки должны такими быть!»
«Что ты, что ты...»
«А вот то! В районе
Больше всех ты хлопка собрала.
Председатель сам по телефону
Про твои докладывал дела!
Может, потому Камиль гордится,
Что в труде догнать тебя
стремится?»

Тут Гульшан, лица уже не пряча,
Веселее вдоль рядка пошла:
«Ах, пришла бы к юноше удача,
Я вдвойне бы счастлива была...»

За работой спорой минул день,
За сердечным этим разговором;
Сумерки окутывают горы,
Как джиды причудливая тень.
Днем удачным табельщик доволен:
Полновесен хлопок, труд высок.
Девушки идут тропинкой с поля;
С гор летит навстречу ветерок.
Под луною в ручейке лучатся
Струи света сквозь просвет теней.
Девушкам луна желает счастья,
Доброй ночи и веселых дней.

1949

Грозит посягнуть их стая на мирную эту ночь,
И голосом всей Отчизны я говорю им: «Прочь!

Вам, зачинщики бойни, знайте, не запугать
Вашей атомной бомбой нашу Родину-мать.

Вас, поджигателей, люди сбросят с планеты прочь!
Я говорю вам это, простого узбека дочь,

Я, что июльской ночью бодрствую в тишине
И охраняю землю, давшую счастье мне».

Кремлевские звезды прямо в окошко мое глядят.
Полон благоуханий тихий ташкентский сад.

Прямо у этого сада — новых плотин огни...
Ветер с вершин коммунизма, побед и дерзаний дни!

Я лампу гашу — не надо, мне без нее светло!
Радуя сердце поэта, солнце уже взошло.

Лучи его освещают рукопись на столе...
Доброго утра, люди Мира на всей земле!

1950

НА ОЗЕРЕ

На озере кто из вас не был?
Спешите сюда!
Вода здесь, как небо...

А небо

Синей, чем вода.
Дыхание свежей прохлады,
Касаенье ветвей...
Вы видели озеро?

Надо

Увидеть скорей!
Здесь лодки — в упругом движенье.
И водная гладь
Качает кустов отраженья
Опять и опять.
И солнце, начав на рассвете
Свой путь голубой,
Помедлит над зеркалом этим,
Любуясь собой.
Раскинулась праздником ярким
Природа вокруг,
Приняв драгоценный подарок
Из дружеских рук.
Вадымаются весла проворно,
Играет волна

На озере том рукотворном,
Прозрачном до дна...
Раздолье здесь песням счастливым.
И, слушая их,
Притихли плакучие ивы
И берег притих...
Утешено жадное зреньё...
Как эхо — в тиши,
Рождается стихотворенье
В глубинах души.

1950

ВЕЧЕР НА РЕКЕ

Поднялась луна из-за горы,
Берег озарив мало-помалу.
Посреди причудливой игры
В зеркало реки луна упала.

И очнулась я, пробуждена
Речкой, ветерком, иной ли силой?..
Встречу с ним напомнила луна,
Душу мне волнение стеснило.

1950

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Лучей дневных последний взмах,
И — стих курортный гул.
На низких южных небесах
Свет первых звезд блеснул.

В туман закутались река,
Зубцы вершин и скал...
Но миг — и бор издалека,
Белея, засверкал.

Туманы тихо разошлись,
Открылся небосвод,
И сосны-свечи смотрят ввысь,
Где лунный лик плывет...

Все спит вокруг... Но в этом сне
Жизнь все-таки слышна,
Она в сторожкой тишине,
В листве затаена.

Слагают жизни тайный гимн
Деревья, присмирив.
Уснули птицы. Снится им
Предутренний напев.

Смотрю с балкона, с высоты
На узкий лунный путь.
Трепещут иглы и листы,
Река блестит, как ртуть.

Луна бросает на меня
Серебряную нить,
Да, эта ночь сиянью дня
Не хочет уступить!

1950

ЖЕНЩИНА В ПАРАНДЖЕ

Женщин жизнерадостные лица,
Девушки, идущие гурьбой...
Как же я могла не огорчиться,
В этот полдень встретившись с тобой?

Стая птиц над городом резвилась,
Было много света и тепла
В час, когда, как тень, ты появилась,
По цветущим улицам прошла.

Я спрошу, и ты должна ответить,
Я хочу услышать твой ответ:
Где ты подняла обноски эти,
Берегла зачем их столько лет?

Почему же солнце золотое
Спрятано от взора твоего?
Или же лицо твое такое,
Что стыдишься показать его?

Нет, не хуже, чем у многих женщин,
Лик, что скрыт твоею паранджой,
Может быть, на нем загара меньше,
Но ведь ты сама тому виной.

Ты отгородилась от знакомых,
От весны, от света, от тепла.
То, что все уж бросили давно мы,
Почему с земли ты подняла?

Я прошу тебя остановиться,
Посмотреть внимательней вокруг:
Разве ты не видишь яснолицых
Женщин, девушек — твоих подруг?

Перед ними солнечные дали,
Хорошо идти им по земле,
Петь на молодежном фестивале,
Важные дела решать в Кремле,

Сеять зерна хлопка на равнине,
А потом тот хлопок собирать,
Покорять безводные пустыни,
Силу рек в сиянье превращать.

Посмотри на лица молодые...
Что же ты проходишь? Погоди.
Видишь ты, как звезды золотые
Светятся у многих на груди!

Ты ведь тоже можешь стать такою.
Что же ты идешь и смотришь вниз?
Почему меж счастьем и тобою
Этот черный занавес повис?

Сбрось с лица ты мрак многовековый,
На тебе не просто ведь чачван,
На тебе минувшего оковы,
Горестного прошлого туман.

Женщина, стой! Я жду ответа.
Подними чачван и погляди.
Видишь, сколько перед нами света?
Видишь, сколько счастья впереди?

1950

ВОЗЛЕ ФОНТАНА

Над вершинами деревьев — луна,
Свет всех лампочек затмила она.
И бессонны двух влюбленных сердца —
Тишина их стуком оглушена.

И клокочет и вскипает фонтан,
Жемчуга в траву роняет фонтан,
Украшает он весельем воды
Миг счастливый, что двоим нынче дан.

Вот луна погасла.

Вспыхнул рассвет.

Скрылись двое,

ни души в парке нет.

Пусть же радость этой чистой любви
Освещает их судьбу много лет!

1950

МАТЬ

На коне черногривом домой возвращается
Председатель колхоза, объехав поля.
В колыбели ребенок, как облачко белое,
Улыбается, пальчиками шевеля.

Вот с коня соскочила. И, полная нежности,
Наклоняется мать, как рассвет над цветком.
Что на свете чудеснее детского лепета
И дыхания, пахнущего молоком!

О, с каким нетерпеньем ее ожидали здесь,
О, как нежно ребенка она обняла!..
Материнская грудь пахла теплою мятою,
Словно летнее солнце, горячей была.

А когда засыпает ребенок накормленный,
Виновато ему улыбается мать,
И неслышно уходит из маленькой комнаты,
И, как ветер, уносится в поле опять.

В поле ждет ее хлопок, ждут люди любимые,
И вечерние сводки, и столько забот!..
Эта юная женщина с тихой улыбкою
Образцово большое хозяйство ведет.

Вот и ночь. Потемнели просторы зеленые,
О, трудом заработанный час тишины!
И хозяйка колхоза сидит, призадумавшись,
На скамье. И в глазах ее звезды видны.

А вокруг нее дышат кусты пышноцветные,
Отражаясь в бегущей по полю воде,
Длится ночь, и клинка рукоятью алмазною
Месяц в каждой блестит поливной борозде.

Каждый куст, каждый слабенький стебель
хлопчатника,
Как детей на груди, согревала она.
И чем больше труда и заботы в них вложено,
Тем счастливей народ, тем прекрасней страна.

Спит ребенок. Спит поле в сиянии месяца,
А душе материнской покой не знаком.
Понимает ли мать, что мечты ее, помыслы
Этот мальчик впитает с ее молоком?

Понимает! Поэтому с ласковой гордостью
Смотрит в детские очи, в просторы степей —
Видит этот колхоз повсеместно прославленным,
Видит сына хозяином новых полей.

Пьют прохладную влагу кусты полусонные,
Тихо дышит дитя, улыбаясь во сне...
Над задумчивой матерью звезды кремлевские,
Незакатные звезды горят в вышине.

1950

Все прекрасное, святое,
  все, что вижу я вокруг,
О тебе напоминает,
  о тебе, мой чистый друг.

Я вести борьбу не в силах,
  потому что я слабей,—
С блеском глаз, кипеньем сердца,
  волей твердою твоей.

Но когда в былые годы,
  что мне снятся до сих пор,
Знали мы обиды горечь
  и вели порою спор,

Знали вспышки и размолвки,—
  о мой друг, скажи! — тогда
Разве были мы несчастны,
  в те, бессмертные, года?

1950

В СОСНОВОМ ЛЕСУ

Тучи растаяли на небосклоне,
Тихо, светло, и дождя больше нет.
К солнцу протянуты сосен ладони,
В каплях — зеленый изменчивый свет.

Только что вымытый, полный сиянья,
Лес окружает меня красотой,
Хвои намокшей впиваю дыханье,
Тихо шагаю тропинкой лесной.

Из красноватого камня ступени
На гору с берега речки ведут.
Хрупкие, бледные жители тени —
Здесь боязливо фиалки цветут.

Что мне дорога! Ступени оставив,
Я пробираюсь средь мшистых корней,
Лезу, цепляясь за камни, за травы
И за пушистые полы ветвей.

Сосны все чаще, а небо все ближе,
И, окунувшись в небес бирюзу,
Издали речку певучую слышу,
Бархатный шелест долины внизу.

Тихо под ветром качаются сосны.
О, этот моря соснового шум!
Травы пахучие, светлые росы,
Крылья орлиные трепетных дум!

Нет, не напрасно искали поэты
Песен истоки в Кавказских горах.
Утро!

Зеленой росинкою света
Ты и в моих засверкало стихах.

1950

ПОБЕДИТЕЛЬНИЦАМ

Победительницы, девушки мои,
Героические девушки, — привет!
Вдохновительницы, девушки мои,
Счастлив вашею победою поэт.

Пусть простят герои-юноши мне вновь,
Что о вас мои стихи и в этот раз.
Что же делать, если вы — моя любовь,
Если песни сами пишутся для вас?

По следам моих стихов, пропетых вам,
Всю республику могу я обойти,
Всем колхозам, кишлакам и городам
Розы красные сегодня поднести.

Поздравляю, хлопкоробы-мастера,
Победительницы хлопковых полей:
К солнцу высится алмазная гора —
Хлопок солнечной республики моей!

Эту гору мы поднимем на руках,
И ее мы поднесем отчизне в дар.
Вот — сокровище, возвращенное в полях,
Крепость мира, по его врагам удар.

Строки рапорта спокойны и просты,
В них взволнованно увидела я вдруг
Образ вашей благородной красоты,
Вдохновенье и проворство ваших рук.

Вы сумели степи трактором поднять,—
В Мирзачуле вы прошли по целине,
Знали вы, что хлопок весь с полей собрать,—
Это значит объявить войну войне.

О красавицы республики моей,
Героини неустанного труда,
О любимицы отцов и матерей,
Пусть украсит Золотая вас Звезда!

...И сверкает хлопка белого гора
От земли и до небесной вышины.
Это — щит наш, хлопкоробы-мастера,
Охраняющий отчизну от войны.

1951

ВЕСНА

Небо ярко-голубое,
Тучки не увидишь в нем.
Вся земля передо мною
Расцветает с каждым днем.

Роща зеленеет слова,
Сад зеленый ясполик.
От тюльпанов степь пунцова,
И не степь она — цветник.

И фиалка молодая,
Расцветая в тишине,
Звонких соловьев скликая,
Говорит им о весне.

Радостным горят рассветом
Неба дальние края.
Над весенним первоцветом
Льетса песня соловья.

Заглянуло солнце в горы,
Степи ясные цветут.
Изумрудные просторы
Оживил отраднй труд.

Над землей весны дыханье,
Выйти в поле — самый срок.
На поля идут дехкане,
Их ласкает ветерок.

Черноглазы и румяны
Девушки среди степей,
Словно нежные тюльпаны,
Сердце радуют людей.

В поле хорошо на воле
Встретить золотой восход.
Трактор ходит в вольном поле,
Трактор девушка ведет.

Дышат утренней порою
Сотни, тысячи цветов.
Расцветает все живое,
Нет для чувства берегов.

Видя весь расцвет природы,
Все цветы и все цвета,
Просиял белобородый
Уважаемый ата.

Блещет небо голубое,
Блещет степь. Простор широк.
В час весны прекрасней вдвое
Счастья нашего цветок.

Человек весной моложе,
Ведь душа весной полна.
Наше будущее — тоже
Беспредельная весна.

1951

ЧАБАН

Прослушавши обыденное чудо —
«Последние известья» из Москвы,
Чабан Норгул, большой, широкогрудый,
Из юрты вышел в царство синевы.

Как хороша весна степного края!
Растаял снег не только на бугре,
То тут, то там проталина парная
Темнеет, словно чернь на серебре.

Запели чабаны, звенят дутары,
Все ярче первых всходов изумруд,
И, песней охьяненные, отары
К нему, как волны серые, текут.

На степь родную в блеске первозданном
Глядит Норгул; он сердцем к ней прирос.
Как звездам — нет числа его баранам,
Которых поручил ему колхоз.

Он рад, чабан, — близка весны отрада.
Он рад, чабан, что в жилах кровь бурлит,
Что грузный ход породистого стада
Миры великих радостей сулит.

Отстав от маток, ранние ягнята
По пастбищу забавно семят...
Где в мире край, что ценит труд так свято?
Кто в мире так каракулем богат?

Он рад, чабан,— на благо всей Отчизне
Растут его колхозные стада.
Он рад, чабан, он рад счастливой жизни —
Достойному венцу его труда.

Есть у него подружка в комсомоле:
Любимая любимому под стать
На хлопковом необозримом поле...
Страна растит их, как родная мать.

Идет весна — пора любви и славы,
Прекрасна жизнь, и ясен небосвод.
На свежие нетоптанные травы
Чабан отары тучные ведет.

1952

ДЕВУШКА-ЗООТЕХНИК

Нет конца джайлау¹, нет начала,
Как протяжной песенке степной...
Сердце у джигита застучало:
Топот он услышал за спиной.

Знал он: это прискакала снова
Гостья — зоотехник Ойджамал;
Тоже дочка чабана простого —
Ей колхоз образование дал.

Любит Ойджамал карабаира²
И лавины племенных отар,
Трудится для родины и мира,
Отдавая делу сердца жар.

Молодой чабан был сух и краток
(Только очи черные горят):
«Думаю от каждой сотни маток
Получить сто тридцать пять ягнят».

Верит зоотехник: быть победе!
Есть у парня опыт, мастерство —
И глаза... Глаза его в беседе
Были убедительней всего!

---

¹ Д ж а й л а у — пастбище.

² К а р а б а и р — порода лошади.

Девушка учила, чуть краснея:
«Овцематок надо поберечь.
С каждым днем их бремя тяжелее,
Не гоняй их, кормом обеспечить».

И, баранов глядя без опаски,
На ходу дала приказ она:
«Выделить им лучшие участки,
Где вода чиста, трава сочна!»

«Рад повиноваться, дорогая»,—
Мысленно чабан ей отвечал,
Молча и почтительно шагая
Позади ученой Ойджамал.

Отбыл зоотехник...
Но, пожалуй,
Ей чабан успел шепнуть тайком:
«Чтобы каждый день ты приезжала,
Запружу всю степь молодняком!»

1952

СНЕГ

Как белых вишен лепестки,
Снежинки кружатся в саду,
Белы снежинки и легки,
Земля в снегу, ручьи во льду.
Но даже в этой белизне
Мои все думы о весне.

На крышах снег, на ветках снег,
И солнце с облачной горы
Глядит на новых санок бег,
На игры шумной детворы,
А щеки у ребят красны,
Как розы первые весны.

Под мягким снегом спит земля,
В тулупе белом хлопковод
Обходит снежные поля,
И дням холодным счет ведет,
И видит в серебре воды
Весны незримые следы.

В груди земли живет весна,
В ручьях и в сновиденьях птиц.

Глядит из глаз твоих она
Сквозь снег, коснувшийся ресниц.
Снежинки кружатся, легки,
Как белых вишен лепестки.

1952

Ты улетел; но, грустный и горящий,
Твой взгляд остался в сердце у меня.
Что может быть сильнее того огня,
Которым полон взгляд животворящий?

1953

ИДУ Я ГОРОДОМ РОДНЫМ

Иду я городом родным, где свет струится,
Где оживление царит в толпе людской,
Где, как в Москве, машин стальная
вереница
Все время катится певучею рекой.

Как славно быть волной народного потока!
Смотрю — и кажется, что каждый мне
знаком.

Не знаю их имен, но я не одинока,
Одним стремлением мы дышим и живем:
Красу грядущего приблизить к нашим
будням,

Страницу новую увидеть в книге лет.
«Где близкие мои в потоке
многолюдном?»

И солнце ласково сказало мне в ответ:

«Все те, кого сейчас лучами я коснулось,
Все те, кто выбрал путь боренья и
любви,
Все те, с которыми я для труда
проснулось,—
Вот близкие твои, товарищи твои!»

И мне представилось:

там, на подъемном кране,
Туркменка трудится, и новый дом встает,
И этот новый дом в ее Туркменистане
Как солнцу светлый гимн, что девушка
поет!

И мне представилось: там, на реке
Сибири,
Электростанцию возводят мастера,
Чтоб свет грядущего сиял вольней и
шире,—
Там близкие мои, мой брат, моя сестра!

Страна живет во мне,
и сердце так похоже
На карту Родины!
Как ни был бы далек —
В тайге или в степи, суровый иль
пригожий,—
Но дорог, близок, мил мне каждый
уголок.

Откуда б я взяла огонь для песни
сердца,
Когда бы не было тепла моих друзей?
Приходит песня к ним, чтоб ярче
разгореться,
Родиться заново и зазвучать сильней.

Не зная их имен, я нахожу повсюду
Товарищей, подруг далеких, но
родных;

Они живут во мне.

И счастлива я буду,
Когда и в их сердца войдет мой

скромный стих.

1954

С НОВЫМ ГОДОМ!

В эту ночь не слипаются глаз твоих щелки,
Золотит твое личико звездочка елки,
А сердечко твое бьется громче, сильней,
Радость жизни моей, гордость жизни моей!

В потолок упирается елка макушкой
И тебе улыбается каждой игрушкой,
С каждой ветки подмигивает огоньком,
А ведь дед твой был в детстве лишь
с горем знаком...

Новый год наступает, и новое счастье
Переполнит сердечко, раскрытое настееж.
Столько благ для тебя Новый год
приберег,
Что в охапку тебе не схватить их, дружок.

Пусть сияет на радость узбекским ребятам
Елка русского леса в уборе богатым,
В блеске лампочек, что зажжены Ильичем.
Так давай же друзей мы твоих созовем!

Если дом не вместит — мое сердце вместит
их.
Отразись в их глазенках, восторгом
омытых,

И в напевах, бесхитростно сложенных
мной,
Отзовись самой юной и звонкой струной!

Бьют часы... Веселись, распевая с друзьями.
Дай-ка я поцелую твой лобик упрямый,
Белый, словно над хлопковым полем
рассвет...
С Новым годом, дитя, мой последний
расцвет!

1955

МАРТОВСКИМ УТРОМ

Румяная, над снежными горами
Заря восходит, разгоняя тень.
Весенним утром с первыми лучами
Моя столица начинает день.

На тротуарах лужи просыхают,
Отсвечивая блеском золотым.
И спутница меня перегоняет:
Спешит она к ученикам своим.

Профессор — дочь узбекского народа,—
Она открыла тайны древних гор,
Ее лицо в сиянии восхода,
И глубь земли ее пронзает взор.

Она годами горы изучала,
Вершины, перевалы их прошла.
И редкие сокровища металла
Она, досель сокрытые, нашла.

Она спешит, чтоб передать студентам
Секрет своих открытий и побед.
И ветер странствий солнечным Ташкентом
Летит по улице за нею вслед.

А горы белоснежные, сверкая,
Торжественный приветствуют восход.
У их подножья, корпуса вздымая,
Металлургический гудит завод.

О, как она звучна и величава,
Победы песня над родной землей!
А в песне этой и твоя есть слава,
Моя подруга, друг чудесный мой!

1955

КОГО ТЫ ЖДЕШЬ?

На дорогу смотришь вновь и вновь!
Вижу, ты забыла о покое.
Что с тобой, красавица?.. Любовь?..
Я-то знаю, что она такое!

Обещал прийти и не пришел?..
Мучишься, а все же смотришь гордо.
Сердце у тебя, как мягкий шелк,
Но свои слова ты держишь твердо.

Вижу — губ душистых лепестки
Пламеннее, жарче заалели,
Мечут искры гнева и тоски
Милые твои глаза газельи.

О дитя, тебе противна ложь!
Ты поступок не свершишь коварный...
Милая, скажи: кого ты ждешь?
Как зовется он, неблагодарный?

Нет, не нужно!.. Лучше промолчи!
Надо ль называть непостоянство?!
Все бывает: радуги лучи
Вдруг исчезнут, расцветив пространство.

Не грусти!.. Звезда взойдет, блестя,
Для души, не знающей измены.
Верь, любовь найдет тебя, дитя,
Счастье ты отыщешь непременно!

1955

НЕ ПРОЙТИ ВОЙНЕ!

Промелькнуло ласточки крыло
В день весны, что мне милей всего,
И свой след беспечно провело
Над губами сына моего.

Сколько света в сердце он зажег,
Юности живое волшебство!
Ласточка оставила пушок
Над губами сына моего.

Как растешь ты быстро! Погоди!
Перегнал ты, перерос ты мать.
Спутник мой большой! К своей груди
Можешь голову мою прижать.

Сын мой, свет мой чистый и родной,
Ты к себе привлек друзей сердца,
Но бывает грустно мне порой,
Что с тобою рядом нет отца.

Слово есть ужасное: «Война».
Смерть шагала из конца в конец,
И у многих отняла она
Счастье — друга называть «отец».

И у маленьких моих детей
Это слово отняла война,
Но зато растила их пещней,
С материнской ласкою страна.

Как отец, трудясь из года в год,
Я детей лелеяла как мать.
Вот и сын мой вырос, чтоб народ
Мог его с надеждою принять.

Как скала, он устремился ввысь,
Доверяюсь я ему вполне.
«На мои ты плечи обопрись»,—
Говорит он Родине и мне.

Я всего лишь мать, но я полна
Мужества, что не горит в огне.
Громко говорю я: «Сгинь, война,
Сын мой нужен Родине и мне!»

Не хочу я, чтоб сгущалась мгла,
Чтобы сына вихрь войны обжег,
Не хочу я, чтобы гарь легла
На уста, на ласточкин пушок.

Матери! Не наше ль молоко
Человеческий вскормило род?
Пусть летит наш голос далеко,
Пусть к свободе голос наш зовет:
«Если встанем все, стена к стене,
Не пройти и не бывать войне!»

1956

СВЕТ

Уходя, сказала мать седая:
«Дочка, спи!» — и погасила свет,
Но земля, по-прежнему сверкая,
Мне дарит и запах свой и свет.

Разве не со мною мир широкий,
Даже если комната темна?
Разве могут не светиться строки,
Если вся душа озарена?

Мама, не зажгу я лампу снова...
Тот, о ком поведала ты мне,
Тот, кто для меня родней родного,
Светит мне, как светит всей стране.

Нас, детей, учила ты: «От века
Не было подобных Ильичу!»
Он возвысил званье человека;
Я его путем идти хочу.

В тюрьмах, в ссылке, сам лишенный света,
Он из искры пламя добывал,
Чтобы вся земля была согрета,
Чтобы день для всех людей вставал...

Грозные прошли десятилетия —
Этот свет в моих глазах живет,
Чтоб могла в грядущее смотреть я
И по жизни двигаться вперед.

Он — в моей мечте, в моей работе,
В сердце я храню его завет.
Пусть в стихе, что вы сейчас прочтете,
Лениным зажженный вспыхнет свет!

1957

ВЕЛИКОЕ РОЖДЕНИЕ

Садилось солнце где-то за горой,
Как будто после дня трудов устало.
На поле предвечернею порой
Приезжий гость увидел аксакала.

Работа спорилась у старика
В руках, что были крепче твердой стали,
И хлопка вороха, как облака,
У ног его послушно замирали.

Не одолели старика года,
Не сгорбили дни горестей и боли.
На грудь его спадала борода
Белее хлопка, что сушился в поле.

Бросало солнце свой осенний свет,
За дальнею горою догорая...
«Скажите, мистер, сколько есть вам лет?» —
Спросил приезжий из чужого края.

И аксакал сказал ему в ответ:
«Жизнь — это свет, и счастье, и свобода.
А потому мне только сорок лет —
Я начал жить с семнадцатого года!»

1957

раздумия

ТЕБЕ, ЕГИПЕТ!

Мне хочется запеть — да будет песнь крылата! —
Но слов я не найду, волнением объята.

Мы, Средней Азии горячие сердца,
Египту песнь поем, приветствуем борца.

Меж нами пролегли моря и горы мира,
Но рядом встал Ташкент, как друг и брат Каира.

Оковы разорвал познавший волю раб,
И стал хозяином своей земли араб.

Для счастья трудятся сирийка, египтянка,
Певунья Азия и Африка-смуглянка!

Я видела народ, что всюду знаменит,
Я видела тебя, бессмертный Порт-Саид.

Я видела твой прах, суровый, величавый,
Я видела твой стяг — то был тюльпан кровавый,

Окрасила его твоих героев кровь,
Погибших за тебя, в тебе оживших вновь.

Пред павшими в борьбе я голову склонила,
И мне послышалось сердцебиенье Нила;

Со мною говорит, свободною дыша,
Египта Древнего прекрасная душа.

Что породило нас? Как стало милым, близким
Искусство Бухары умельцам аравийским?

С громадой пирамид что сблизило Памир?
И я слышала одно лишь слово: «Мир!»

За что мы боремся отважно и открыто —
Детей и матерей опора и защита?

Сказала мне Москва, ответил мне Каир:
«За то, что нужно всем, и нам и вам,— за мир!»

1957

ЧАСТИЦА СОЛНЦА

Настала на собрание та минута,
Когда чачван с себя сняла она,
И бросила, и засияла, будто
От туч освобожденная луна.

Она, согретая душевным словом,
Пошла домой по улице, туда,
Где все каким-то незнакомым, новым
И сказочным казалось ей тогда.

Она навек запомнит скрип калитки,
И злую тень отцовского лица,
И брошенный хурджун¹ — ее пожитки,
И вместе с ним проклятие отца.

Но все же не свалил ее ударом
Ни крик отца, ни материнский стон.
Огопь великой истины недаром
В девичьем сердце был уже зажжен.

Пред молнией бессильны даже горы:
Ни кручи скал, ни их извечный лед
Не в силах погасить огонь, который
Та молния в самой себе несет.

---

¹ Х у р д ж у н — переметная сума из ковровой материи.

И девушка пошла навстречу свету,
Прочь от старья, от мрака и беды.
Наверпо, так же вдаль летит комета,
Навеки отрываясь от звезды.

Десятилетия пролетают быстро.
Я на свою ровесницу гляжу
И вижу путь до женщины-министра
От девушки, сорвавшей паранджу.

Она, сейчас чуть-чуть уже седая,
Усталая по улице идет.
Как в дни былые, дочь свою встречая,
Старик отец дежурит у ворот.

В ее глазах огонь неугасимый...
Старик запомнил: много лет назад
В тот горький день у дочери любимой
Таким же пламенем светился взгляд.

Давно и сам уж понял он, что эта
В глазах людей горящая заря —
Не что иное, как частица света,
Частица солнца — солнца Октября.

1957

ЗАВИСТЬ

Колышется река передо мной,
Так много жизни в этом колыханье.
Река сверкает солнцем и весной,
Живительно для нас ее дыханье.

И это зависть вызвало во мне?
Подобен океану мой народ,
А речка, что скрывать, немногословна,
Где ей положено, там и течет,
А я по всей земле пройду свободно.

Так что же зависть вызвало во мне?
Но от реки я глаз не оторву,—
Вскипают волны, пенятся в избытке,
Они вобрали неба синеву,
В них блещут солнца золотые слитки.

Щебечут птицы над водой реки,
Им по сердцу волнистые качели.
Коснувшись влаги свежей, ветерки
С ее прохладой в город полетели.

Не это зависть вызвало во мне...
Живое пламя в сердце у меня,
В нем есть любовь и ненависть святая:

Ведь я сама возникла из огня,
Дочь солнечного, огненного края.
Так что же зависть вызвало во мне?

Слежу я долго, жадно за водой,
Мне глиняная видится ограда.
Держа кетмень в руках, старик седой
Поит речным потоком землю сада.

Косичек влажных льется серебро,
Вода струится по земле душистой;
Моя душа, чтоб с ней творить добро,
Стремится к ней, к такой простой и чистой.

Девчонка пригоршнями из реки
Пьет воду... Как мне хочется, чтоб каждый,
Чье сердце зажжено высокой жаждой,
Испить пришел бы из моей строки!

...Так вот что зависть вызвало во мне!

1958

* * *

Я двигаюсь водным, земным и воздушным путем.
Державы, поля, города, кишлаки пролетели.
Земля расстилается пестрым лоскутным шитьем:
Различны привалы, дома, и раздумья, и цели.

Со мной мои спутницы: песня, мечта и любовь.
Всегда я в пути, как земля, как родная планета.
И даже во сне отправляюсь я странствовать вновь,
В постели, как в лодке, стремлюсь я к причалу
рассвета.

Пусть время спешит, нам стреножить его не дано,
К дням людским тяготею земным притяженьем.
О чем ни пишу, все движением жизни полно,
И движется сердце мое непрерывным движеньем.

1958

ЧИТАТЕЛЯМ

Когда, еще в девические годы,
Зажгла для вас я искры первых строк,
Он слился с мощным пламенем свободы,
Тот неприметный, робкий огонек.

Сказали мне: «Гори не угасая!
Мы знаем, что губительен пожар.
Но пламя сердца, песнь твоя простая,
Да будет нам как благотворный дар».

Я это пламя отдала долинам,
Чтоб ярко в каждом вспыхнуло цветке,
Студенческим вагончикам целинным,
Текстильщицам в рабочем городке.

Любви и правды огненная сила,
Казалось, двигала моим пером,
Ни горя, ни веселья не таила,—
Я честно говорила обо всем.

Я — дочь народа, мастера большого.
Что трудится, поэзией дыша.
Сумею ли ему сказать я слово.
Сияющее, как его душа?

1959

ПОРТРЕТ, КОТОРЫЙ Я ЕЩЕ ДОЛЖНА НАПИСАТЬ

Я в пути. Не хочу, не желаю покоя.
Только ты и нужна мне,

земли новизна!

Почему-то живет во мне чувство такое,
Что и я всем на свете нужна.
Я иду кишлаком, свежесть утра вдыхая,
Эту землю дочерней любовью любя.
Соотечественница моя дорогая,
Что мне жизнь, что мне песнь — без тебя?
— Здравствуй,— я говорю героине

свершений.

На лице простодушном — отваги печать.
А черты ее — песенных строк вдохновенней,
Тех, что я собираюсь начать.
Обожгло азиатское солнце косынку,
Азиатская пыль на ее сапогах.
Солнце радостно в каждую входит морщинку,
Солнце блещет в глазах, на руках..
Эти грубые пальцы дарят меня светом,
А глаза — нерожденную песню — теплом.
О, каким опишу тебя словом или цветом,
Жаркой кистью, живым ли пером!
Словно к жизни самой, я к тебе приближаюсь,
Моего поколения ты стала судьбой,

В ОКЕАНЕ

Океан. Пароход. Светлый, радостный час.
А на пальмах — гляди — обезьяны.
Словно тысяча глаз, солнце смотрит на нас,
И в сердцах — этот свет несказанный.
Вновь мы стали детьми у природы в плену.
Нет, не выпустит нас чаровница!
Песня льется, несет за волною волну.
Что ж молчишь ты? Молчать не годится!

Эта песня — как знамя, чей зыблется шелк,
Это — друг, что беседует с другом.
Мой земляк, мой товарищ, зачем ты примолк?
Почему ты охвачен испугом?
Ты, нахмурилась, не слушаешь песни слова,
А слова подозрений тех праздны.
Видно, ты позабыл, что давно я вдова,
И твои подозренья напрасны.

Не позволит он мне — тот, кто в сердце моем, —
Увести тебя тропкой тревоги,
Чтоб детей ты покинул, оставил свой дом...
Нет любви, нет на этой дороге!
Подозренье, ты мне угрожай, как прибой,
Берег бурной волной рассекая,
Но смотри, я стою, как скала, пред тобой,

Я сильнее, чем буря морская!
Я останусь такой, как все эти года.
Пусть же мчится вода океана,—
Тот, кто в сердце моем, не умрет никогда,
Он со мною всегда, постоянно.

1961

Давно твой взгляд я не ловила взглядом,
Поэт моей души, моей земли;
Давно с тобой мы не сидели рядом,
Беседы задушевной не вели.

А сердце! Сердце позабыть не может
Той книги, где живет твоя любовь.
Едва лишь ветер струны растревожит,
Оно звенит: «Найди ты друга вновь!»

Та сила, что сердца соединила,
Влечет к тебе, не ведая преград.
Хочу я все забыть, но эта сила
С годами стала пламенней стократ.

О, если бы назло природе, если б
Назло богам и всем врагам на страх
Ты ожил бы и радостно воскресли б
Все наши поцелуи на устах!

Владыка сердца моего! Впервые
Я стала б на колени пред тобой,
Чтобы войти в твои глаза живые
С моей любовью и моей судьбой!

1961

НАВСТРЕЧУ ПЕСНЕ АЛАТАУ

В какую бездну сбросить я смогу
Все то, что путешествовать мешало!
В огне какого гнева я сожгу
Мое перо, что долго так молчало!

Пора, как ветру, мне начать полет,
Пора мне обратиться в слух и зренье,
Чтоб видеть, слышать, как земля поет
И превращается в стихотворенье!

Уму и сердцу нужен ли покой!
О Алатау, я покой разрушу!
Вот песня льется горною рекой —
И я навстречу ей открою душу.

1962

КОКЧЕТАУ

У казахов спросите, красива ль гора Кокчетау,
Где чиста, как любовь, первозданная голубизна.
Отраженье в воде как волшебную книгу читаю,
И чудесна ее новизна.

Но и этого мало: поэт с вдохновенною песней
Появился и горную даль предо мной распахнул.
Он сказал: «Ты поверь мне, что станешь моложе,
прекрасней,
Если ты поглядишь в Ойнакул».

О Зеркальное озеро, камнем на дно твое лягу,
Затеряюсь я в роще твоих заплывавших берез,
Но возьми меня, властное, дай мне воспеть твою
влагу,
Ту, что мне чародей преподнес.

Смотрят два моих глаза, как два удивленных
джейрана,
На открывшийся мне с высоты беспредельный
простор.
То, что виден мне мир далеко-далеко, разве
странно?
У весны, у любви зоркий взор!

Все тропинки, как строки стихов, для меня
зазвенели.

О, как сердце бурлит! Нет, оно — не озерная гладь,
Жаждет песни оно от иголки каждой, как ели
Жаждут лапами солнце достать.

Видишь, сердце пылает, как солнце в полуденной
хвое!

Я хочу, чтоб слова получили закалку в огне,
Чтоб согрело людские сердца это пламя живое,
Что сегодня зарделось во мне.

Люди здесь, на горе, крепкогруды и схожи с орлами,
Их глаза — как родник, жаркий взгляд задушевен,
как друг.

Их молчанье — молчанье вулкана, а песня —
как пламя,
Что из кратера вырвалось вдруг.

Кокчетау! Кумыс мне твои предложили вершины.
Что за райский напиток, в нем юная сила жива!
Я в траву погрузилась — и сразу исчезли морщины,
Чуть ко лбу прикоснулась трава.

Эти белые девичьи юрты покинуть мне жалко,
Материнское пенье домбры с моим сердцем слилось.
О мой друг, без меня ты машину отправь иль
русалкам,

Чтоб катались, ты в озеро брось!

Никуда я из этого рая теперь не уеду,
Без меня состоится торжественный пир и прием!
Надо с озером-зеркалом нашу продолжить беседу,
Мы с березами день проведем!

Но взглянул наш хозяин глазами косо́го разреза,
В них решимость. Стоит он скалой, что не может
упасть!
«Нас в ауле читатели ждут,— голос тверже железа,—
А у них над поэзией власть!»

Уезжаю, но здесь мое сердце, а вместе со мною —
Сердце свежего, светлого края, где радостно жить.
Я завидую песне, что сложена горной странюю,
Мне бы тоже такую сложить!

1962

ЧАРОДЕЙСТВО ОБЛАКА

Не нравились мне раньше облака,
Я не стремилась в сеть небесных кружев,
Но в Казахстане так она легка,
Что трепещу, волнение обнаружив.

Не гладила рукой на гребнях гор
Я облаков разорванные клочья.
Ужели облаками с этих пор
Мне умывать лицо и днем и ночью!

Пусть превратится в шелковый платок,
Пусть облако окутает мне шею,
Пусть арфой обернется — весь Восток.
Я песнями очаровать сумею!

Живительной, как солнечный восход,
Пусть напоит меня водой сырою,
Пусть для меня из радуги сопьет
Цветной камзол узбекского покроя.

Когда душа не хочет мятежа,
Стремительное облако мятежно,
Когда же закипит моя душа,
Оно прильнет ко мне светло и нежно.

Когда вершина станет мне мила,
Оно от глаз моих вершину спрячет,
Нависнет, если захочу тепла,
Повеет холодом, дождем заплачет.

То ходит по земле, как пешеход,
То в озере, как челн, плывет, не тонет,
Его не принимает небосвод
И от себя земля сурово гонит.

О пасынок, твоя игра
Бессмысленна, но чистым станет небо,
Как только ты пойдешь путем добра,
Да и земля получит вдоволь хлеба.

Мир засверкает шире и светлей,
Земной простор не будет затуманен.
Ты сделаешься нужным для полей,
Не чародей, а хлопкороб-дехканин.

Из чар твоих я вырвусь. Мы пойдем
С тобою по моей земле. Отныне
Пролейся ливнем теплым, стань зерном,
Раскройся хлопком на родной равнине!

Пойдем по той земле, где нет сирот,
Где не в почете у людей бродяги.
До встречи на земле, где ждет народ
Сердечной песни и весенней влаги!

1962

ТЮБЕТЕЙКИ С ПУШИСТЫМИ СУЛТАНАМИ

То ли дождик весенний блестит на камнях и
струится,
То ли быстрые рыбки резвятся в объятиях речных,
То ли с песней выходит Куляш — дорогая певица,
То ли в сердце поэта крылатый рождается стих?

Приближается музыка, людям даруя веселье,—
Это к нам приближаются девушки пестрой гурьбой.
Как нежны, как задорны, игривы глаза их газельи,
Это степи весной, это сам Казахстан молодой!

На овальных щитках тюбетеек пушисты султаны,
В черных косах — монеты: подвесков звенит
серебро.
Перья филина, эти султаны — как сон несказанный,
Чтобы их описать, Ауэзова нужно перо!

И шуршат, и скользят, и трепещут с оборками
платья,
Будто выросли чудом на тропке засохшей цветы.
Улыбаются губы, и в сердце готова принять я
Прелесть этой улыбки, сияющий свет доброты.

Это семь лебедей белоснежных, властительниц
края,
Величаво плывут по воде, что воспета певцом.

Молодой мой товарищ, от страсти рассудок теряя,
Хочет взяться за весла, наняться на лодку гребцом.

Слишком грубы слова, и спросить я пытаюсь
глазами:
«Чудо-лебеди эти откуда плывут и куда?»
«Из колхоза — к друзьям. А друзья, понимаете
сами,—

Те орлы молодые, которые ждут их всегда.

Юный друг мой в отчаянье... Семь сновидений
румяных
В семь сторон устремляются, будто бы семь
ручейков...
Долго буду я помнить об этих пушистых султанах,
О чудесном уборе, оставшемся с давних веков.

Понимаю: как видно, красавицы эти в наследство
Получили изысканный вкус от своих матерей,
Поэтичную душу, способную с малого детства
Ощущать красоту, от которой на сердце теплей.

Если вызвать хотите повсюду восторг или зависть,
Непременно наденьте казахский народный наряд,
И царицей вы станете алма-атинских красавиц,
Вы услышите, как с восхищеньем о вас говорят.

В раннем детстве и я тюбетейку с султаном
носила,
Я добром поминаю мою незабвенную мать,
Что меня уважать и ценить красоту научила
И обычаи наших друзей всей душой понимать.

1962

ВЕЧЕР НА БАЛХАШЕ

День отдыхает, устав от гостей и забот,
Сумрак плывет над Балхашем.
Сердце мое, вместо солнца, пусть ярко сверкнет
В тихом убежище нашем!

Разве ты спрятало, солнце, от нас красоту,
Звонкое золото света?
В сердце моем — это озеро, горы в цвету,
Краски нарядного лета.

Можно ли думать о сне в живописной стране
Песен и щедрого слова?
День подарил меня влаге вечерней, и мне
Участь мила рыболова.

Льется, как сталь Темиртау, к подножью горы
Этот Балхаш, это чудо!
С юртой акына сравню я рыбачьи костры,
Волны — с горбами верблюда.

Рыбу вспугнуть я боюсь, будто слово; вот так
В муках рождается строчка.
Свежий кумыс предлагает мне старый рыбак:
«Выпей, поможет он, дочка!

Все здесь твое. Наше счастье придет, погоди,
Скоро с добычей мы будем.
Рыбкой трепещет волна, сердце бьется в груди...
Счастье так надобно людям!

Тропка луны золотится у нас на глазах,
В озере ширится зыбко.
«Гостья, добычу бери!» — говорит мне казах.
Что там на удочке? Рыбка?

Но чешуей — серебром древних денег блестя,
Горькой полна укоризны,
Смотрит она так беспомощно, будто грустя
И умоляя о жизни.

Друг мой рыбак, ей свободу вернуть разреши:
К озеру тянется рыбка,
Словно к любимому, к волнам смятенной души
Нежной подруги улыбка.

Пусть моя песня засветится, как чешуя!
Глянув на лунную воду,
Рыбку заметишь — так знай: это песня моя,
Дай же ей, рыбке, свободу!

«Ладно,— рыбак говорит.— Но тогда сотвори
Песню такую, как это
Чистое озеро в блеске вечерней зари,
В золоте лунного света!»

1962

УДОЧКА

Мой Казахстан, ты, волшебством
Взяв удочку, забросил.
Не рыба я. Во мне огнем —
Лучей горящих россыпь.

И я на удочку любви
К тебе сама попала
И здесь в кипенье чувств творить
Из солнца песню стала.

Распутав леску, соткала
Слова про край чудесный.
Я б в юрту белую вошла,
Чтоб в ней остаться песней...

1962

ДЕРЕВО

Одинокое дерево гнулось под ветром.
Тот пытался его повалить, поломать,
Он сорвал с него листья и днем неприветным
Наступление начал опять.

Истекало, бессильное, кровью зеленой,
О пощаде дрожанием веток моля,
Ветер бил его в злобе своей непреклонной,
И от боли вздыхала земля.

И свалилось оно и не взвидело света,
И осеннему ветру открылись пути...
Может быть, упаду я, как дерево это,
Но мой день будет вечно цвести.

1963

РАЗДУМИЯ

То ли, торопясь, меня торопит
Прожитых годов нелегкий опыт?
То ли пройденных дорог наказ
Слышу каждый день и каждый час?

То ли жизнь настойчиво, как мать —
Та, которую хочу понять,—
Говорит мне: «Счастья ты просила —
Так ищи его, ищи всегда!»
То ли в сердце иссякает сила,
Будто в тихом родничке вода:
Никого не напоив как следует,
Высохла,— никто о ней не ведает?

Но приказ «Трудись!» во всем мне
слышится.

Оттого-то мне так жадно пишется!
Я упорно буду рыть иглою
Землю, а живой родник открою!
Если я увижу, что не светится
Пламя счастья в сердце у меня,
Вспыхну я сама — и всем, кто встретится,
Буду я источником огня!

Отниму могущество у слова,
У неугасающей звезды,
У горы, у гордой той гряды,
Что, как мой отец, седоголова,
У речной стремительной воды,
Что блестит, трепещет каплей каждою...

Я томлюсь такой же светлой жаждою,
Как пустыня, ждущая канала.
Кажется: такую мощь познала,
Что поднять легко мне шар земной.

О чудесном космосе наука
Породнила так меня с луной,
Что луну, как внучку или внука,
Будто мне планеты — дом родной,
Я возьму да посажу на плечи!

Дорог сердцу голос человеческий,
Я беру слова у всех людей —
Капельки сливаются в ручей
И становятся судьбой народной.
Из ручья я пью и отдаю
Каждому по капле жизнь мою,
Чтобы не была земля бесплодной.
Вольно дышится, когда пою,
Жадно пишется в родном краю!

То парю я над страной, как птица,
То свой мед коплю я, как пчела.
И покуда сердце будет биться,
Для людей готова я трудиться,
И не скажет сердце:

«Жизнь прошла...»

1965

НЕБОЛЬШОЕ СЕЛЕНЬЕ

Небольшое селенье шумит, как родник,
И в язык этих мест я вникаю.
Я устала. Присесть не успела,— старик
Подает мне холодного чаю.

Ах, отец, не живая ли это вода
Мне на долю сегодня досталась,
Потому что, как только пришла я сюда,
Так рассталась со мною усталость!

Будто внутренний голос мне властно сказал:
«Все лови своим слухом и взглядом!»
Мне гудение слышится... «Универсал»?
Значит, поле колхозное рядом.

Песнь реки, словно лепет младенца, сладка,
Щебет птиц, и полдневное пламя,
И похожа на легкую рябь родника
Точь, рассыпанная тополями.

Сколько дарят урючины круглых монет:
Золотых здесь не меньше миллиона!
Сквозь листву льется свет, синий свет,
звонкий свет —
То дробится стекло небосклона.

В речке утки-пловчихи сноровкой горды,
И узбечка на велосипеде,
Словно лебедь, белеет у горной гряды
И спешит, словно весть о победе.

Говорит мне старик: «Это наш агроном,
Подчиняется ей вся долина».
Опьяненные юным, сверкающим днем,
Вышли девушки из магазина.

Агроном... Скоро ль вниз возвратится она?
Я слежу за ней пристальным глазом.
Это ты поднимаешься вверх, Фергана,
Это светится людям твой разум!

1965

ТАКОЕ СЕРДЦЕ У МЕНЯ

«Ты плакала?» — я слышу твой вопрос.
О, как неглубоко твое участие!
Поймешь ли, что источник этих слез
Там, где берет свое начало счастье?

Такое сердце у меня, что в нем
Как будто бьются все сердца людские.
Для счастья столько звучных слов найдем,
А скорбь и боль беззвучны, как немые.

Вот женщина: красива, молода,
Известный хлопкороб, и часто речи
О ней слышны... Но к ней пришла беда:
Разлука, за которой нету встречи.
И та беда во мне отозвалась.
Что делать нам? Избавит ли от муки
Нас утешение, что боль разлуки
На свет с любовью вместе родилась?

Но горько мне, невыносимо горько!..
Течет река прозрачная с пригорка,
И камни разноцветные на дне
Как бы напоминают сюзане,
Что юной предназначено невесте.
И мучусь я с моей подругой вместе...
«Зачем ты плачешь!» — говоришь ты мне.

Я плачу, потому что знаю счастье —
Быть спутницею всех людских судеб,
Ко всем питать горячее пристрастие,
Со всеми боль делить, как делят хлеб.

Как будто зеркалами жизни стали
Мои глаза, что ненавидят зло.
Мне от такого счастья так светло,
Что вижу я невиданные дали!

Ты друг мой? Так на слезы не гляди,
А растворишься в потоке счастья светлом.
Ты недруг мой? Так рядом не иди:
Ты захлебнешься, сломлен резким ветром.

И след, что ты оставишь на пути,
Слезами светоносными я смою.
О, как полна я радостью земною!
Пусть никогда я не приду к покою,
Лишь так и только так хочу идти!

1965

ГОВОРЯТ...

Говорят, что слава озарила
Раненную влет судьбу мою:
Горе, как свинец, в груди таю,
А глаза глядят с веселой силой.

Говорят: она, мол, чашей счастья
Женского — увы! — обнесена,
Но иною обладает властью...
Разве не счастливица она?..

Что — свинец?!

Порою четверть века,
Не ржавея, он лежит в груди.
В мире, окрылившем человека,
Всюду счастье, где ни погляди!

Но судьбы не знавшие богатой
Боль ущерба смогут ли понять?!
Сердце, цветшее в любви когда-то,
Разве сможет расцвести онять?!

В чем же счастье наше?..

Все ж по праву
Я слыву счастливицей, друзья —
Я с народом разделяю славу...
Этим и светла судьба моя!

1965

САДОВНИК

Идет садовник. В цветнике —
Его душа.
Секатор у него в руке,
За поясом — теша¹.

Плывет над садом синева,
Пронзительно блистая.
В саду есть прелая листва,
И травка молодая,
И солнце есть, и ветерок, —
Всего не счесть.
Есть бархатистый мотылек
И гусеницы есть.

Есть все, есть все, чтобы цветы
Росли кругом:
В одном — источник красоты,
Источник запаха — в другом,
А третьи ради зла живут
И корень жизни рубит.

Лелеет добрых садовод,
А злых не любит.

---

¹ Т е ш а — топорик.

Он действует тешой своей,
Сперва очистив
Кусты и почву от червей
И прелых листьев.

Но вот уже сучков сухих
Закончена подрезка...
Не так ли создается стих —
Взыскательно и веско?

Шагает он, цветенью рад,
По солнечной дороге.
Он как отец глядит на сад
И как ваятель строгий.

Он долго в их вникал черты,
Смотрел проникновенно,
Пока не отобрал цветы
И бережно и вдохновенно,
То отдаляя их от глаз,
То приближая,
Покуда в розах не зажглась
Краса земная.

Он любовался: вот сапфир,
А вот алмаз.
Казалось, в розах целый мир
Живет сейчас!

Садовник на супу принес
Охапку роз.
Охапка радовала взор,
Но он продолжил свой отбор.

Он выбрал лучшие из лучших,
Поклясться был готов:
Нет в мире более пахучих,
Приманчивых цветов!
Они достойны высшей чести
На празднествах людских:
Они достойны, чтоб невесте
Их преподнес жених!
Садовник счастлив: он уверен,
Что не был труд его потерян,
Что совершенства он достиг,
Что дар его хорош...

А ты, поэт, когда свой стих
Ты в сердце создаешь,
Когда очистишь ты сперва
Свои отборные слова
От хлама и от сора,—
Уверен ли, что мастерства
Достигнешь так же скоро?
Что твой цветник шумит листвою
И что поэзии живой
Явил ты образец?
Как только скажешь ты, поэт:
«Я создал лучший плод и цвет»,—
Тогда тебе конец.

1965

МОЛОДАЯ ВДОВА

На лице появились морщины страданья.
Хочешь в землю зарыть свою молодость
вдовью?

Но не примет земля твоего увяданья,
Ибо вместе с тобой дышит новой любовью!

Задушить хочешь чувство, что зреет несмело?
Но когда наступает пора созреванья,
Надо новому чувству отдаться всецело,
Надо жизнь полюбить — нет прекрасней
призванья!

Память прежней любви оскорбить ты боишься?
Но она тебе счастья желает чуть слышно.
Почему ты от ветра и ливня тайшься?
Если корни крепки, листья вырастут пышно.

«Половиночка счастья,— нас учит присловье,—
Словно зеркало, на две разбитое части».
Ветром жизни развей одиночество вдове,
Ибо жизнь — это цельное, полное счастье!

1965

ВЕЧЕР

В той тишине, что всюду разлита,
Сменяется согласным звуком гласный,
И горизонта алая черта
Напоминает мне уток атласный.

Окончен день работ и день забот.
Пора домой семейным возвратиться,
А молодых в свое гнездо зовет
Таинственная, вещая жар-птица.

Там, где арык блестит стальным путем,
Как саженцы, что выросли дружно,
Беседуют влюбленные. О чем?
Мне отгадать нетрудно, но не нужно.

На всей земле они теперь одни.
Замолкни, ветер луговых раздолий,
И ты склонись, трава, и ты усни,
Трудолюбивое родное поле!

Как уголь в кузце, остывает день,
Предвестник ночи — месяц — на востоке.
Но двум сердцам чужда ночная тень:
В них разгорается огонь высокий.

1965

ЛЮБОВЬ

Когда восходит диск рассветный
над сном
                                полей и городов,
от всех поверий
                                и поветрий
освободиться мир готов.
Сдается мрак,
                                и сумрак тает,
и все, что полночи к лицу.
Мир,
                                пробуждаясь,
                                обретает
неизъяснимую красу!
Так и любовь... До срока дремлет
во всем —
                                бессмертном и живом;
ее огонь, как время древний,
в себе несем, пока живем.
Он спрятан в нас,
                                как искра в камне.
Но стоит ей сверкнуть хоть раз,
все безразличье разом канет,
вся холодность покинет нас.

И счастья лик, едва разгадан,
глядит из каждого окна,
и сердца солнцем незакатным
любая даль освещена.
А ты шагал по жизни строго,
весь этот пыл тебе претил.
Силков не ставил по дорогам,
по тайным тропам не бродил;
всем ухищреньям нежным чуждый,
с расчетом трезвым заодно,
за раковиною жемчужной
не опускался ты на дно.
За годом год стремился, ровен;
и ночь — как ночь, и день —
как день...

Так на каком же повороте
тебе открылась эта даль?
Когда, имен не называя,
ворвался в сердце ветер, свеж,
и встала туча грозовая,
вся исторгающая свет?
И тенью крыл своих покрыла,
и светом ярким облила,
и без сраженья покорила,
и, покоривши, вознесла...

Любовь!

Она не просто слово,
что, может быть, других звучней.
Ты в ней не повторишь другого,
и сам не повторишься в ней.
Она не дрогнет пред грозою —
она сама и есть гроза,
и не прельстится красотой —
она сама и есть краса.

ВИШНИ, СТОЯЩИЕ В ОДНОМ РЯДУ

Это вишни выстроились в ряд!
Нет, костры в одном ряду горят!
Утром прелесть вишен обожгла меня.
Показалось: ветви — в белом пламени —
С солнцем говорят!

Днем у вишен свадебный наряд.
Отчего их лица так горят?
Свадьба ль комсомольская готовится?
Вишенки пред зеркалом становятся,
Выстроились в ряд.

Вечером, когда плывет закат,
Вишни, что в одном ряду стоят,
Караваном хлопковым мне кажутся...
О мой день, как ты прекрасен вновь!
Пусть навек в моем сознание свяжутся
Труд, цветы, любовь.

1965

ПЛОВЕЦ И МЕЧТА

Как солнце жидкое на юге,
Переливается вода,
Где плавают мои подруги.
Я им завидую всегда.
Им в море весело резвиться,
А я стою на берегу
И чувствую с тоской: я птица,
Но полететь я не могу.
Я вижу: девочка надела
Спасательный воздушный круг,
И в море маленькое тело
Вошло неспешно и несмело,
И волны расступились вдруг
Пред этой детской отвагой,
Что спорила с морской влагой,
Мужая в торжестве своем.

Так в море жизни мы плывем.

Плывем и не глядим с испугом
На синь, что всюду разлита,
И благородная мечта
Спасательным нам служит кругом.

И на какой бы широте
Валы морские ни шумели,
Пловец, доверившись мечте,
Достигнет заповедной цели

1965

ЗЕРКАЛО

Нас провожал в дорогу день
погожий,
Здесь — дождь и дождь,
и тысячи людей
Под зонтиками на грибы
похожи.
Сезон дождей.
Наборщицы со свежеею
газетой
У типографии в условный
час
Советской песней,
по-японски спетой,
Встречают нас.
Темны их пальцы и темны
спецовки,
Но в их глазах какой-то
светлый зов.
Сердца их бьются, как слова
листочки,
Слова борцов.
Старинных знаков их
не понимая,
Почувствую листочков
правоту:

Они, как чайки,
  в теплый
  вечер мая
Взлетят в порту...
Вслед за хозяином проходим
  чинно.
Работницы нас ждали,
  как сестер,
Но заглушает гулкая машина
Их разговор.
Нам по старинке
  поклонились низко
Все, ни на миг работы
  не прервав;
И дернула меня линотипистка
Вдруг за рукав.
Два зеркальца она в руке
  держала,
Одно из них она вручила
  мне,—
Оно подруги прелесть
  отражало
В чужой стране.
Работа, напряженная работа
Людей и созданных людьми станков...
Там, где ценнее жемчуг
  Мокомото
Всех жемчугов,
Я поняла, что и жемчужин
  краше
Та дружба, что вошла
  в судьбу мою,
И зеркало рабочей дружбы
  нашей
Не разобью!

1965

БАХШИШ

Рассвет, как дым, что пахнет сытной пищей.
Огромный город с виду так богат,
Но он похож на дом невесты нищей,
Где украшенья взяты напрокат.

«Бахшиш!..»¹ О, сколько чаяний и жалоб
В том слове, что все время ты твердишь!
«Бахшиш! Бахшиш!..» Земля вольней
дышала б,
Когда б ты, парень, не просил: «Бахшиш!»

Бахшиш — звонок на шее верблюжонка,
Что караван надежд спешит догнать,
Когда «Бахшиш!» кричишь ты резко, звонко,
Не унижаешь ли отчизну-мать,
Как будто бросила она ребенка
И ничего о нем не хочет знать?

Ты — жгучим зноем кованная сила,
Ты — мышцы, что терпеньем налились.
Ты мне напоминаешь кипарис,
Чьи корни грубость нищеты вспоила.

---

¹ Б а х ш и ш — подавание.

Бывает больно иногда смотреть
На океан, слепительный и синий.
Взглянуть на лик, что потемнел, как медь,
Еще больней — я поняла отныне.

Твою печаль я сердцем узнаю.
Тебя все время точит, точит мука.
Не так ли ствол могучий каучука
По капле источает мощь свою?

О, если бы плоды созрели сразу
В тепле, в слезах твоих раскрытых глаз!
Но зуб неймет, хотя и видно глазу,
В стране, что райским садом разрослась!

Ты создал край, подобный сновиденью,
Оберегаешь каждый лепесток,
Чтоб на него не сел и могылек,
А сам бредешь бездомной, чуждой тенью.

На древней сей земле священен слон,
Повсюду почитается корова,
Лишь ты, изгой, бедой испепелен,
Лишь ты, хозяин, не имеешь крова.
Когда ж ты робкое свое «Бахшиш!»
В меч разума и правды превратишь?

Твоя нужда растет, как листья чая
Твоих полей... Ужели сто богов
Блаженствуют на ложе облаков,
Не слушая тебя, не замечая?

«Бахшиш!..» Глаза и сердце, как рука,
Протянуты... О чем ты просишь страстно?
Брат, сердце я тебе отдать согласна,
А медью не унижу бедняка!

Ты просишь счастья! Но его не просят.
Оно твое. Оно в земле, в реке,
В твоих садах, что щедро плодоносят,
В твоей ко мне протянутой руке!

1965

ЧУЖАЯ НОЧЬ

Трудно длится ночь в чужой стране.
Темный город не сулит мне встречи.
Скоро ль острых звезд засветят мне
Электрические свечи?

Все вокруг чужое, я одна,
От родных вдали, но в колыханье
Воздуха мне слышится дыханье:
То со мною здесь моя страна.

Силы черпаю в ее отваге
И живу, дышу ее добром.
Не она ли водит по бумаге
Здесь моим пером?

Ночь таинственная и чужая,
Ты прочтешь ли рукопись мою?
Запоешь ли, заново слагая,
Песню ту, что я сейчас пою?

Чужеземка, вникни в эти строки,
Ты темна, а рукопись ясна:
Здесь огонь, что вспыхнул на Востоке,
Жизнь моя, моя страна.

1965

ЗВЕЗДЫ ВУАДИЛЯ

К нам в Вуадиль приехал гость далекий.
А ночь в речном потоке
Звенит, поет,
Деревья за руки берет
И загораживает путь,
Как будто говорит: «У нас побудь!..»
Покой огромен,
Долог,
И темен-темен
Полог.

Вдруг звезды жаркие зажглись,
И пламя озарило высь,
И каждый листик на земле, и завязь...
Не так ли добрая пылает зависть,
И сердце, где друзей не молкнут голоса,
И гостя старые и умные глаза!

* * *

Наш гость в такую ночь не хочет сна,
Не принял он снотворного.
Его душа потрясена
Могучей красою края горного.
И различает взор,

Что к темноте уже приучен:
По гребням снежных и бесснежных гор,
Из-за ветвей урючин,
Листву чинар тысячелетних
То золота, то серебра,
Плывет в одеждах легких, летних
Рассветная заря.

Пленила гостя эта прелесть!
Казалось, из-за гор
Внезапно искры разлетелись.
Рассыпался ночной костер.

Долину радует
И каждый дом,
А звезды падают
Дождем, дождем...

* * *

Бродячий ветерок, прохлада ли ночная
Повеяли, благоухая,
Но гость уснул, и спал он, как
ребенок

И вот почувствовал спросонок:
Земля с себя стряхнула сон,
И вместе с ней проснулся он.
Взглянул: по всей долине изумрудной,
Где воздуха струятся переливы,
Идет, сверкая, день работы трудной,
Горячий и счастливый.
А солнце плещется, не в силах
уместиться

В сердцах людей.
Загаром кроются приветливые лица

У стариков и у детей.
Он по земле проходит древней,
Что Вуадилем названа.
Как можно Вуадиль считать деревней?
Здесь город, и живет здесь новизна
В своем стремительном сиянье!
Вот бронзовое изваянье:
Деревня на ладонях вознесла
Прославленного сына.
В плоды воплощены его дела,
И вся просторная, зеленая долина
Его благодарит за честные труды,
И на груди его три яркие звезды,
Что гостю звонко говорят,
Его язык осиял:
«То звезды новые горят,
То звезды Вуадила!»

* * *

Земля здесь трудится давно,
Видны ее трудов приметы вековые.
О, сколько мертвых здесь погребено,
Чтоб для живых работали живые!
И гость, сюда приехавший впервые,
Глядит, а сердце влюблено
В просторы эти полевые,
Где хлеб и слава — два соратника,
Где целый океан хлопчатника!

Старик, седой и смуглый,
Его лепешкой угощает круглой,
А девушки — зеленым чаем.
Глаза их звездами горят. Но мы-то знаем,

Что звезды эти —
Те самые, что на рассвете
Рассыпались над вуадильским краем!

* * *

— Так неужели здесь один колхоз? —
Гость задает вопрос.—
Здесь целый материк,
И он велик!
Хлопчатник — словно море, и оно
Деревьями окружено,
Но где же люди в море-океане?
Когда же здесь работают крестьяне?
— Час отдыха у нас.
Лишь солнце трудится без перерыва,—
Сказал старик неторопливо...

* * *

На полевом колхозном стае
Все больше девушек, парней,
И по полю рассыпались дехкане,
Как множество трепещущих огней.
Подвластна им зеленая долина,
Им подчинилась гордая машина.
Гость дышит полевым пахучим жаром.
На свете он живет давно,
Но солнцу потекло сегодня, как вино,
По жилам старым.
И, сбросив тяжесть лет,
За поливальщиком пошел он вслед
И встал над яром.
Вода, не умолкая,

Как девушка, смеялась, озорная.
Казалось, говорит вода:
«Всегда, всегда
Я молода.
Иди за мной: в моем краю
Найдешь ты молодость свою».

* * *

Запомнился вечерний сад,
Где листья песню заводили,
Где вишни встали в ряд
Над гостем — вот они горят,
Как звезды Вуадиль!

Четыре девушки пришли с подарком,
Таким же ярким,
Как их Восток.
Вручают на прощание платок,
Расписан бисером он с четырех сторон.
Гость удивляется, как чуду:
— Повсюду звезды здесь, повсюду:
Украшен ими небосклон,
Они в глазах и на груди
Идущих впереди,
Они в саду, они в ночной реке,
Они на шелковом платке...

* * *

Гость покидает Вуадиль.
Его автомобиль
Покатится по улицам, одетым
Широким лунным светом.

Ночь азиатская вблизи и вдалеке
Зовет, пылает,
Счастливого пути на звездном языке
Ему желает.

Цветы у девушек в руках,
Как звезды в облаках.
Да, звезды здесь повсюду утвердили
Свои лучистые права,
И дружбы светятся слова,
Как звезды Вуадиля!

1965

А белый палец след кольца хранит,
Пронзает сердце болью отупелой.
Поток грохочет, алчной злобой взмыт,
Ударами как будто крошит тело.

Врезая цепи волн, она плывет,
Преследует, преследует потерю...

А дома — муж. Он дням теряет счет.
Он ждет лукавоокою. Он верит...

1965

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Нагрелся воздух... Марево. Жара.
Под знойным небом развернулось поле.
Хлопчатник жадно пьет лучи с утра.
Растут кусты, тепла набравшись вволю.

А мы в тени... Под ветки, в холодок
Заходит председатель на мгновенье.
Хоть у него достаточно тревог,
Но все же он — в хорошем настроенье.

— Сегодня снова нормы превзошли
И сдали государству добрый кокон...—
Поднялся, что-то углядев вдали:
— Обед не запоздал бы ненароком!

— Заботлив наш Раис,— сказал сосед,—
Все — в хлопотах, дай бог ему здоровья!
Чуть что не так: работа ли, обед,
Он — с помощью, с советом наготове.

В сторонку председатель отошел,
Глядит на поле: каждый кустик дорог!..
А я смотрю вокруг: лучи — как шелк,
На небе облака — что хлопка ворох...

Раис уходит по дороге вниз,
И марево над ним струится зыбко...
— О всех печется добрый наш Раис,—
Мой собеседник продолжал с улыбкой.

Есть девушка у нас — быстра, умна,
Доярка знаменитая в округе...
Стать доктором задумала она,
Учиться хочет, исцелять недуги...

Кто может нынче юным помешать?!
Цветут, как розы средь большого сада...
А перед этой выросла преграда:
Не хочет слушать об учебе мать!

Как видно, правду говорит народ:
«Боль не пройдет, пока не лопнет чирей».
Не сразу созревает каждый плод,
Остались пережитки в нашем мире.

Старуха дочку мучает, любя:
«Что ты придумала, скажи на милость!
Нет, птичка!.. В город не пущу тебя!
Живи со мною!.. Хватит, поучилась!»

А дочка слезы льет и день и ночь,
В дому у них — нехорошо и шумно.
Беда!.. Но девушке взялся помочь
Раис, наш председатель многодумный.

Да нет, он применять не вздумал власть,
Нет, он старуху убеждал с любовью,
С терпением... И старая сдалась:
«Пусть едет!» Но поставила условие:

«Пусть учится. Так, верно, суждено.
Но не пуцу девчонку в одиночку.
Упрямыцу отправишь в город, но...
Отправишь двух, Раис: меня и дочку».

Что делать?!

Согласился наш Раис.

Он приложил немалые усилия,
И мать и дочка в город подались,
Вспорхнули вместе, словно птичьи крылья.

Студентка в общежитии живет,
А мать вахтером служит в общежитье...
Да все ж в колхоз вернулась через год:
Не городская, — сами посудите!

Мать разрешила дочери: «Учись!» —
Однако беспокоится немного.
Глядите, — к ней направился Раис:
Потолковать, унять ее тревогу...

Чтоб совладала со своей тоской,
Не помешала б счастью дитяти...
...Теперь вы сами видите, какой
Большой души Раис, наш председатель!

1965

СТРОКИ ПАМЯТИ

Все, что ни сбудется --
все позабудется:
свадеб туман, облаков колыбель,
день, когда первенцем сердце любит,ся,
час, когда горечь входит к тебе.
Друга измена,
мука работы,
юные годы,
прошлые годы...
Только вовеки любовь не состарится —
и сохранится с ней рядышком та
горечь отчаянья: вечно останется
смертью оставленная пустота!
Что там ни сбудется —
но не забудется
перед рассветом рухнувший дом
и, как вдова безутешная, улица —
в миг этот первый, с горем вдвоем.
Что там ни сбудется,
что ни исполнится,
стоит палаток вспомнить ряды —
снова нам руки братские вспомнятся,
что удержали над бездной беды...
Как я бродила тогда в этом городе
с сердцем, разбитым, как эти дома,—

в муке молчания, в горестном говоре
общую боль испивая до дна!
Гром из-под ног
голосом рока
сон наш до срока
грозно пресёк.
Швы разошлись
в мирном убежище,
в грохоте, скрежете
разом вчерашняя кончилась жизнь...
Слышу злоецее это гудение
и материнской тревоги слова,
дрожью ребенка в полуночном бдении
снова на миг наполняюсь сама.

Город мой древний, предков наследство,
ты ль еще это?..
Как же забыть нам братскую помощь,
око прожектора в душную полночь
и экскаваторов добрый гром,
братские руки, что из развалин
снова наш город к жизни воззвали
и возвратили рухнувший кров!..
Вот я и снова брожу в этом городе,
прямая, как водопад с горы,
но не встречаю в уличном говоре
и отголоска горькой поры.
Улицам новым — трагедии сверстницам —
долгая, светлая юность дана.
Окна, как очи влюбленные, светятся —
это любовь заселила дома!
...Пусть не случится беды повторенье.
Если же встанет над ясностью дней —
город мой милый, город мой древний,
ты устоишь перед ней!

В дружном усилье
верные руки тебя возводили.
Вложено сердце в дома.
Башни, как песни, летят в поднебесье!
Строки той песни
я повторяю сама.
Гляну — я солнце слепит мои очи...
А в ароматной ночи,
город мой милый, город мой отчий,
окон ловлю я лучи.
Братья-строители! Подвиги ваши
передо мной наяву:
точно по Волге, Днепру или Вахшу,
реками улиц плыву.
То, что подсказано жизнью самою,
просится в песню мою.
Реки сливаются в мощное море,
братья — в большую семью.
Тем, что отстроили радостный город,
будем гранить без конца
памятник вечный, памятник гордый —
памятник в наших сердцах!

1967

ВЕСЕННИЙ ВОДОПАД

Властной радости кудесник,
Влагой музыки богат,
Вдохновения предвестник,
Дарит песню водопад.

Пыль серебряную с ходу
Изо всех швыряет сил,
Словно в битву за свободу
Он со скалами вступил.

Словно он зиме в отместку,
Заковавшей воду в лед,
Подчинил живому плеску
Все, что дышит и цветет.

Солнце-лучик мечет стрелы,
Выгнув радугу, как лук,
И поток стремится смелый
На долину и на луг.

Чтоб трудиться стала влага,
Чтобы мир его признал,
Водопад земле на благо
Ищет речку иль канал.

Так и ты, мой стих певучий,
Сна не знаешь на пути,
Чтоб работою созвучий
В сердце чистое войти.

1968

СЕБЕ

Что ж ты притихла? Зачем ты грустишь?
Радости в ясных глазах не видать...
Хочешь затворницей в келью уйти?
Мнишь ли ты в битве одна побеждать?

Где твоя воля, и гордость, и пыл?
Власть над разлукою? Смех над судьбой?
Взор, что и в сумраке пламенем был?
Где разминулась надежда с тобой?

Годы прошли? Не беда, что прошли!
С кем навсегда остаются они?
Неповторимая, в темной дали
Жизнь озарила прошедшие дни...

Все устает на дороге. С людьми
Сядь, отдохни; это дружеский круг!
Сердце ли чье к тебе рвется — уйми
Боль его ран и направь его стук...

Если же чей-то стихает напев,
Смех беззаботный уходит из черт,—
Ты возврати ему песню и смех,
Хоть бы и собственной песне в ущерб.

...Тысячи замыслов, ждущих руки,
Взлетов и спадов, трудов и даров...
Ты исходила материки:
Вспомни! — и вычерпай кладезь дорог.

Выйди на поиск огня своего!
Вспомни себя! (А верней — позабуди!)
Слушай! Из хаоса, из ничего
Сок исцеленья для мира добуди!

Выйди из немощи темных углов,—
Кто-то заждался пера твоего!
Выйди — и выжми из камня Любовь:
В ней осмысление вся и всего!

Не покоряйся же впредь бытию:
В реку ревущую смело входи!
Помни про лучшую песню свою:
Лучшая песня всегда впереди!

1968

МОЙ РАССВЕТ

Спят поля, спокойствие храня,
Хлебом одарив страну родную,
А рассвет, что в сердце у меня,
Гонит прочь из дома тьму ночную.

Утро светит правде и добру,
Звонко утверждая справедливость.
Утро я у ночи отберу,
Чтобы на бумаге вечно длилось.

Я заставлю бледную луну
Жаром стихотворным разгореться,
Я в свеченье звездное вдохну
Пламя человеческого сердца.

Прикажу, чтоб утренняя рань
Никогда не ведала ненастья,
Чтобы утро превратилось в ткань,
Ярко излучающую счастье.

То погаснет, то сверкнет роса...
Утро, утро, начинайся с ночи,
Зашумите, строчек голоса,
Наполняя долгий день рабочий!

Вот дитя заплакало... О мать,
Накорми его в тиши рассвета,—
Высоко дано ему летать,
Старая мала ему планета.

Огоньки то близко, то вдали,
В окнах возникают постепенно...
Здравствуй, утро новое земли,
Здравствуй, утро — музыка Вселенной!

Принеси покой иль непокой,
Стань моей тоской или весельем,—
Только не бесплодную строкой,
Только не безжизненным издельем.

1968

ОСЕНЬ

Вот и осень... Но я не прошу об участие.
Мысли жаждут пера, сердце жаждет труда.
Пусть нередко несчастьем сменяется счастье,—
Жизнь прекрасна всегда и всегда молода!

Пусть валил меня вихрь, я опять поднималась,
Снова пламя струилось по веткам моим.
Мало было плодов, но и самую малость
Я наполнила жаром и чувством живым.

Пели песню мою близкий друг и далекий,
И порою перо пламенело в огне...
Если завтра мои прочитаете строки,
Пусть вам светит, как пламя, рассказ обо мне.

1968

ВЕТЕРОК

Мне твои неведомы черты,
Для меня невидим ты в долине,
И кого напоминаешь ты,
Ветерок, не знаю и поныне.

Не держала я в руке твою
Руку, что мое ласкает тело.
Я твою улыбку узнаю.
Но ее воспеть я не успела.

Ты даруешь людям благодать,
Ты явился из волшебной сказки.
Где, чтобы тебя живописать,
Звуки я найду, слова и краски?

Кто ты? Почек молодая дрожь
Иль чарующий полет плясуньи?
То ли словно птица ты поешь,
То ль травой трепещешь в новолунье!

То ли это пенятся ключи?
То ли томно плещутся излуки?
То ли это звездные лучи
Светлые к земле простерли руки?

То ль к груди прильнувшее дитя
Мне дарует чистоту дыханья?
То ли, тканью шелковой блестя,
Облаков раскрылись одеянья?

То ли песня, в сердце рождена,
Ищет, ждет сочувствия людского?
То ли стародавняя весна
Молодостью вечной веет снова?

То ли ты, прохладный ветерок,
Робких листьев осушаешь слезы?
То ли прилетел в заветный срок
И велел устам раскрыться розы?

Подари мне свежесть доброты.
Охвати меня ширококрыло,
Даже если я твои черты
Кистью слова не изобразила!

1968

ЗЛО

Властно

мрак всю землю проглотил,
Все лучи, все искры погасил он,
Только этих маленьких светил —
Глаз моих —
он потушить не в силах.

И спешит молчание помочь,
Изловчась, все заглушает звуки.
Непроглядна

и безмолвна ночь,
Мрак и злость,
и ревность,
мечь и муки...

Тяжким грузом плечи истомит,
Но моей он воли не задушит,—
Искрошу я этот полог тьмы,
Все, что им содеяно, разрушу!

Пусть лишь мрак

услышал голос мой,
К людям моя радость
все ж пробьется!

...И еще раз
по ресницам
боль,
Как свинец расплавленный, прольется...

1968

ЛУННАЯ НОЧЬ

Бывал ли ты в ночном саду,
Обрызганном луною?
Земного мира красоту
Постиг ли ты со мною?

То дремлет в облаках луна,
То внемлет веткам вишен,
То скачет неуком она,
И в речке топот слышен,
То блещет зеркалом в пруду.
Я встала над водою
И встретила в ночном саду —
Лицом к лицу — с собою.

Ловлю звезду, еще звезду
И смешиваю вместе,
И по родной земле иду
С охапками созвездий.

Земля похожа на ковер:
Луна, как мастерица,
Древесный выткала узор
И листьями гордится.

Забыты лужицы дождем,
И тысячи осколков
Луна разбросила кругом.
Как будто их нащелкав.

Блестит роса — иль то огни,
Рассыпанные ветром?
И все таинственно в тени.
И ясно в мире светлом.

Как может спать сейчас в гнезде
Бесчувственная птица?
Но сон живет во всем, везде,
И только мне не спится.
Лицо подставила луне,
И в ярком чуде этом
Луна — на мне, луна — во мне,
Слилась я с лунным светом.

Зачем же радость бытия
Мы делаем короче,
От наших дел дневных тая
Блестящий праздник ночи?

1968

ГНЕЗДО

Птенцы устремились в сверкающий путь,
Как в пасти дракона,— в гнезде своем птица.
Тоскует и ноет под перьями грудь,
Печальное сердце дрожит и томится.

— Где ваши птенцы? — задают ей вопрос
То птица-соседка, то ветка густая.
А их ветер дней подхватил и унес,
Умчалась крылатая юная стая.

То дети шумят или ветер? И мать
Свой дом опустевший никак не наладит,
Лишь грудью, в тоске наболевшею, гладит
То место, где дети любили лежать.

1968

ГДЕ ТВОЙ ПРИВЕТ?

Пламенем зари земля согрета,
Пробуждаются и звук и цвет.
Каждый день — я не забыла это —
Начинался с твоего привета.
Нет тебя. Но где же твой привет?

— Здравствуй! — Твоего ждала я слова.
Так земля ждала: придет рассвет.
Ты — начало бытия земного,
Ты — во мне, в моем стихе, и снова
Я хочу услышать твой привет.

Солнце не скужится на свеченье,
Нам его даруя с давних лет.
Иль моя любовь, мое мученье
Потеряли для тебя значенье,—
Что же ты скупишься на привет?

Ищет астроном звезды незримой —
Даже днем — далекий, слабый свет.
Так ищу твой свет неугасимый,
Спутник юности моей, любимый,
Жажду я услышать твой привет.

Разве больше не пылают зори,
И надежды нет в глубоком взоре,
И любви на свете больше нет?
Разве в непогоду иль весною
Встретиться не хочешь ты со мною?
Мой поэт, о где же твой привет?

1968

СНОВА ЦАРИТ ВЕСНА

Сошли снега, зима почила.
Весна рукою прихотливой
На небе тучки измельчила,
Взяла у ветра вздох счастливый.

Листы раздвинулись, как перлы,
Запели птицы... А прольется
Внезапный жемчуг — дождик первый,
Никто под крышу не забьется.

Цветы спешат: их тьмы и сонмы
Вбирают теплый воздух дола.
И солнце — мира друг бессонный —
Уносит сумерки из дома.

Горит и светит персик вешний,
Цветок девически румяный,
И гордым жемчугом черешня
Жемчужится под неустанной

Рукой природы. Не забыла
Природа-мать и сердце это:
Пришла, как юность; окрылила
Перо, вернула чувство света...

Весь мир шумит и распевает,
Восторгу нет конца и края...
Весна растенья рассеивает,
Лучи, как руки, простирая...

И вдруг... Как будто враг нагрянул,
Как будто голод... Все пропало!
И мрак настал, и свет отпрянул:
Увы! — все это царство пало!
На всех ветвях цветы завяли;
Деревья в саванах туманных
(И на руках не подержали
Своих детей благоуханных!).

Природа в снег ушла глубоко,
Но все не плачет, все крепится
И просит, молит солнце-бога
За все живое заступиться...

И вот — опять разбила льдины,
Приподняла росток согбенный,
Все капли скорби до единой
Отерла с глаз весны нетленной.

Над умершими не рыдала,
Но уцелевших обогрела.
Зеленым, розовым и алым
Всю землю маревом одела...
И снова мир благоуханен,
И вновь весна царит повсюду...

О труд мой — бог мой! Я дехканин
Пера! Я петь о чести буду!

1968

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Зачем тебя чудесно сотворили
Из ясного, как солнце, вещества?
Зачем в тебе коварно затаили
Могущество и властность волшебства?

Пока ты нашу юность повторяешь,
Вокруг тебя мы вертимся всегда,
А отойдем,— из памяти стираешь
Тотчас же наши лица без следа.

Еще моей крови чужда усталость,
Еще живу кипеньем дней живых,
А ты, стекло, отвергнув резко жалость,
Мне о морщинах говоришь моих.

Мой возраст обнажаешь ты со злобой.
А знаешь ли о возрасте души?
Ты книгу чувств моих прочесть попробуй
И эту книгу мне перескажи.

1968

ХОЧУ НАЙТИ ВЕСНУ

Я в эти дни хочу найти весну,
Чтобы она развеяла усталость.
Как осень, я одета в желтизну,
Как ветка, без плодов теперь осталась.

Мне в эти дни так хочется весны!
Я не одна, друзья со мною рядом,
Они со мной нежны и мне нужны,
Чего ж ищю я долгим, грустным взглядом!

О, как стремлюсь я в эти дни к весне,
Как песен жажду я самозабвенно!
О том, о чем молчу я в тишине,
Перо мое расскажет откровенно.

О, как нужна мне в эти дни весна,
Подобно той, что в юности шумела!
Но снегом я теперь занесена,
Я — ветвь, подрезанная неумело.

А так нужна мне в эти дни весна!

1968

НЕ ОТНИМАЙТЕ У МЕНЯ ПЕРА

«Когда-нибудь у вас я украду
Перо». —

Вы мне сказали это в шутку,
Но в шутке вашей слышу я беду,
Грозящую и сердцу и рассудку.

Не отнимайте у меня пера,
Не делайте меня глухоневою!
Другого много у меня добра,
Возьмите все, свой выкуп я утраю, —
Не отнимайте у меня пера!

Я не Хафиз, и я дарить не буду
Вам города!

Поэзию мою
И пламень сердца вам я отдаю,
Чтобы для вас он запылал повсюду.

Как любящая, верная сестра,
Я посвящу вам ночи и утра,
Исполнить вашу волю я готова,
Но только мне мое оставьте слово,
Не отнимайте у меня пера!

Не хватит хлопка вам? Я хлопком стану,
Зерна не хватит? — Стану я зерном.
Болезнь начнете? Исцелю я рану,
Настанет праздник? Разольюсь вином.

Я воспую ваш путь нелегкий, правый,
Я расскажу, как ваша мысль остра,
Я стану летописцем вашей славы,
Я опишу ваш подвиг величавый,—
Не отнимайте у меня пера!

Мое служенье вам — стихосложенье.
Перед родным народом я в долгу,—
Так дети пусть продлят мое служенье,
Когда перо держать я не смогу.

Я счастьем насладилась небывалым,—
Я присягнула детям и перу.
Когда без них останусь,— я умру,
Мое лицо закройте покрывалом,
Но если вы хотите мне добра,—
Не отнимайте у меня пера!

1968

ПОЧЕТНОЕ МЕСТО

«Вот место вам почетное», — не раз
Хозяева твердили мне в усладу.
Друзья, не все равно ли, где я сяду,
Лишь место я б нашла в сердцах у вас.

Коль вижу я себя во взгляде друга,
Себе кажусь я выше всех царей.
Чем должность друга, средь земного круга
Что может быть почетней и светлей!

Мой край родной, за ласку благодарствуй,
Тружусь я для того, чтоб ты расцвел.
Поэзия — единственное царство,
Где я занять хотела бы престол.

1968

В сердце много песен — я пишу
По стихотворенью ежедневно.
Как земля, работаю, дышу,
Но слова звучат ли задушевно?

Жизнь вобрав, на миг я к ней глуха,
Я не вижу и не слышу мира,
Лишь граню, граню алмаз стиха
С яростью и страстью ювелира.

Написав последнюю строку,
Я уже стихам своим не рада,
Но свою надежду иль тоску
Всей вселенной мне поведать надо.

1968

ТЕПЛОТА

Что ты есть,— теплота?
Где начало тепла?
В той стране, что меня с малолетства
вскормила,
В той весне, что нежданно снова пришла,
Или в музыке мира?

Что ты есть,— теплота?
Жаркий, любящий взгляд,
Чьим огнем одинокое сердце согрето,
Или это сердца многих тысяч горят
Ярким жаром рассвета?

Где начало тепла?
В пониманье людей —
Что мы вместе живем, что за всех мы
в ответе,
Или в древе людского добра, что сильнее
Ураганов столетий?

Что ты есть,— теплота?
Не моя ли ты кровь,
Не дитя ль мое милое в пору расцвета,
Не любовь ли, чудесно рожденная вновь,
Не строка ли поэта?

И куда ни пойду, и куда ни взгляну,
Подружусь ли с горами, с морскою
ли глубиью,—
Одиночеству ты объявляешь войну
И войну себялюбью.

А когда мы с врагами сраженье вели,
Ты вошла, теплота,
В каждый лист, в каждый колос,
И была ты и болью, и силой земли,
Как боец, ты боролась.

Охраняла ты сон стариков и детей,
Сочиняла стихи и оружие ковала.
Ты — начало победных и трудных путей,
Нашей жизни начало!

Что ты есть,— теплота?
Не дутар ли в тиши?
То ль цимбалы в саду,
То ль каналы в пустыне?
То ли поезд в глуши,
То ли поиск души,
Восхожденье к вершине?

Что ты есть,— теплота? —
Предков древний огонь,
В настоящем хранящий дыханье былое?
Ты — строка со строкой,
Ты — с ладонью ладонь,
С сердцем — сердце родное.

Где начало тепла?
В нашей общей судьбе,

СЕРДЦЕ ОСТАЛОСЬ У ВАС

Я ваши сердца увозила с собой,
Свое — оставляла у вас.
О нем я стихи сочиняла порой,
О нем на земле тосковала родной.
Но где ж мое сердце сейчас?

Я шла по уступам высокой гряды.
С трудом одолела гранит.
Дождями давно мои смыты следы,
Но, словно свеченье далекой звезды,
В горах мое сердце горит.

Я в шахту спускалась, где пыльная мгла,
Где ценной породы жильё.
Тропинка моя становилась светла:
Как лампу шахтерскую, в руки брала
Я жаркое сердце свое.

Подснежники, вишни во всей новизне
Глазами светились детей.
Я сердце увидела в их глубине,—
То сердце, которое бьется во мне
Все чаще, смелей и звучней.

Я знаю, что счастью не будет конца,
Покуда сердца горячи.
С тех пор, как я выбрала жребий певца,
Ко мне устремляются ваши сердца,
Как в реку — ручьи и ключи.

Я вас узнаю по приливу тепла,
По звездам сияющих глаз.
Не ваши ль сердца я в стихах принесла?
А к вам я за собственным сердцем пришла,
Оно ведь осталось у вас.

1968

КАПЛЯ

Тебе сегодня пятьдесят, мой друг.
Ты далеко сейчас, но тем заметней,
Что солнцу тоже пятьдесят, что луг
Покрыт травой пятидесятилетней.

Перу, бумаге тоже пятьдесят,
И жизнь такая в строчках загорелась.
Что листья дышат и дожди шумят,
А грусть и радость обретают зрелость.

Арабы нам сказали всех ясней —
Они слывят недаром мудрецами, —
Что расстояний в мире нет длинней,
Чем расстояние между сердцами.

Но если расстояние велико —
Мне мысль арабов кажется бесспорной. —
От сердца к сердцу, что не так легко,
Я мост прокладываю стихотворный!

Я тайно не приду. Я не войду
В твой дом, в твою судьбу, подобно клину.
Я не накличу на тебя беду
И то, что ты воздвиг, не опрокину.

Но в день, когда придут и друг и враг,—
Как свет, как первое стихотворенье,
Как сказка, появлюсь, раздвинув мрак,
Твое смятенье и твое горенье!

Мне, кашле, что почет и непочет!
Для капли место — на листе и в чаше.
Тебя восторг веселья увлечет —
За тостом тост, один другого краше.

Но вдруг поставишь ты пустой бокал,
Окинешь всех отсутствующим взглядом,
Как бы чего-то, что всегда искал,
Недостает, а быть могло бы рядом.

Исчезнет все, чем жизнь была полна,
Себя почувствуешь ты одиноким.
Протянешь руку, чтоб испить вина,
Но не зажжешься пламенем высоким.

Измучает тебя тоска твоя,
Она тебя иссушит, отрезвляя,
Подобная слезинке соловья,
На дне бокала капелька живая!

Пусть эта капля горяча, светла,
Она огня хмельного не дарует,
Но без огня испепелит дотла,
А наслаждением не очарует.

Кто эта капля? Воспаленных глаз
Слеза, от мира скрытая вначале?
Мечта, что слабой искоркой зажглась,
Когда воспоминанья зазвучали?

Иль то любви пугливой робкий дар,
Давно забытый и оживший снова?
Иль сердца женского желанный жар,
Коснувшийся дыханья ледяного?

Что б ни было, но эта капля — я,
Я, я сама. И ты себя не мучай,
Ты берегись прозрачного питья.
Не пей: нет счастья в этой капле жгучей.

1969

ПАМЯТНИК

В колхозе имени Хамида Алимджана Ак-Курганского района Ташкентской области сооружен памятник поэту.

Снова люди движутся к поэту,
Где, среди просторов полевых,
Виден памятник добру и свету,
Виден камень, превращенный в стих.

Люди говорят ему, как сыну:
«Встань, Хамид, в сиянии зари,
Посмотри на гору и долину,
На поля, на нас ты посмотри.

У тебя в глазах — горенье слова
И бумага в каменной руке,
Словно жизнь вернуть решил ты снова
Звонко оборвавшейся строке...»

Здравствуй! Как должна благоговеть я
Перед теми, кто воздвиг тебя.
Четверть мы не виделись столетья.
О, как я состарилась, любя!

А тебя, как прежде, молодого,
Эти не состарили года,
И твой стих звучит свежо и ново,
Он — как свет, как хлеб и как вода.

Ты, как прежде, нашей далью дышишь,
И дыханьем нашим ты согрет,
И сейчас живую жизнь опишешь,—
Ту, что ты не видел столько лет.

Как стихи, лелеет здесь хлопчатник
Славный соименник твой — колхоз.
Ты сюда вернулся как соратник,
В помощь людям песню ты принес.

Новые родились поколения,
Но не стал ты и для них чужим,
Их свершенья, как стихотворенья,
Сочетались с именем твоим.

На родной земле, как зрелый колос,
Ты стоишь с бессмертием вдвоем.
Голосом долины стал твой голос,
В сердце не смолкающий моем.

1969

радуга

БЕССМЕРТНАЯ МОЯ...

Мама, слышу издалека
Голос твой...
                                Но сама ты — где?
Сквозь какие идешь века?
Держишь путь
                                по какой звезде?

Открываешь какую дверь,
Чтоб взглянуть на дела детей?
Человечество, ты теперь
Так из космоса
                                ждешь вестей.

Степь,
                        гора,
                                пещерный очаг...
Где ж впервые
                                в заветный миг,
Возвестив начало начал,
Детский крик в тишине возник?

Но мгновений тех давних жар
И в мою проникает кровь.
Материнство дано мне в дар —
Драгоценнее нет даров!

Своему я долгу верна,
Гордый дух во мне несломим:
Я со смертью
                                во все времена
Спору всем существом своим.

Что есть тело мое? —
                                Сосуд,
Жизнью налитый по края:
Хворых — руки мои спасут.
Несчастливых — утешу я.

Двуедина — и мать, и дочь, —
В год любой и в любом краю,
На пороге встречая ночь,
Колыбельную я пою:

«О мать моя — мое дитя,
Белы и розовы сады...
Тебя так рада видеть я
В расцвете сил и красоты.
Твой жребий тяжек и высок:
Я повитухой послужу...
Потом к созвездью Весов
Две колыбели привяжу.
В одной
                                младенец твой уснет,
В другую
                                ляжешь ты сама.

Пусть будут сладкими, как мед,
Тягучие минуты сна!
О, разреши себе прилечь,
Давно утих полдневный зной.
Пусть снимёт с этих нежных плеч

Свои заботы
                                шар земной!
Мне время отдано во власть,
Я день и ночь перекрою,
Чтоб только выспалась ты во власть
Под колыбельную мою...»

Без присмотра мир — сирота,
Вдруг да он собьется с пути?

Ну, тогда отдохни слегка,
Мама, сядь в тени у ручья.
Жилки темные на руках,
Хочешь, сердцем поглажу я?

Знай, готов мой лучистый взгляд
В седине твоей гребнем стать.
Все морщинки твои подряд
Дай губами пересчитать!

Непокорный дочерний нрав
Прочертил из них не одну...
Лишь тебя навек потеряв,
Поняла я свою вину.

Не устану молить: «Прости!»
Слез раскаянья не утру.
Но смотрю:
                                улыбнулась ты,
Словно солнышко поутру.

«Успокойся, не надо слез,—
Голос тихо звучит в ответ,—
Тяжкий гнет покаянья сбрось!
Где любовь — там виновных нет...»

Твой покой нарушать
грешно:

Я вопросов не задаю.

Вот перо.

Воспоет оно

И дела, и душу твою.

1970

БОЛГАРИЯ

Оттого, что здесь розы,
  так нежно и властно пылая,
Расцвели, словно милые розы узбекской земли,
Показалось мне, будто земля твоя —
  с детства родная,
Показалось мне, будто
  с тобою мы с детства росли.

Разделенные далью пространств,
  оказались мы рядом,
Возле улиц ташкентских
  отныне ты в сердце моем.
О Болгария, кажется мне,
  что над розовым садом
Сочиняешь ты песню,
  волшебно звенишь соловьем.

И так счастлива я
  узнавать твой напев соловьиный,
Что мне кажется, будто
  я — ветру и свету сестра,
То ловцом жемчугов
  проникаю в морские глубины,
То как птица парю
  на безоблачном небе добра.

И от музыки этой,
услышанной мною впервые,
Вдруг рождается наново чувство,
что жизнь хороша,
Что не умерли мертвые,
что молодеют живые,
И прекрасного
самоотверженно жаждет душа.

И становится ясно:
мы, новые люди,— крылаты,
Мироздания тайны
для наших распахнуты глаз...
О, симфония гор,
о, долин многозвонких кантаты,
О, Болгария — музыка, околдовавшая нас!

Я пила твою воду из Витоши —
чаши хрустальной,
Утолить я хотела высокую жажду мою.
Мне казалась вода
первосозданною, изначальной,
А себе я казалась
беспечным джейраном в раю.

Море с небом слились
и блестят голубеющим сплавом,
И навряд ли отыщутся краски
сочней и светлей,
Но я знаю, была ты, Болгария,
полем кровавым,
И все розы вобрали в себя
кровь твоих сыповей.

Край болгарский, я знаю,
ты долгой борьбой не состарен,
Приподняв над землей,
пронеси ты меня сквозь года,
Там, где с воином русским
покоится рядом болгарин
И твоя соловьиная песнь молода, молода...

Эту песню мы всем существом,
всей душой своей слышим,
О Болгария, все, что я раньше прочла о тебе,
Было только зачином,
всего лишь коротким двустипьем,
А теперь —
ты великая песнь о великой судьбе.

Были годы твои —
как тяжелые камни,
Но свобода была
и камням твоих гор дорога.
О балканское чудо, Болгария,
как ты близка мне,
Как сверкают каменя —
каменьев твоих жемчуга!

Как привольно и весело
зори твои разгорелись.
В торжестве твоём нынешнем
дедовский слышен завет.
Соловьиная песня — Болгария,
вешняя прелесть,
Крылья строчек дочерних моих
и очей моих свет!

1971

ОЖИДАНИЕ

Мучительная тайна ожидания,
Протянутые в будущее руки...
Терзайся, приобщенный к этой тайне,
И не спеши избавиться от муки,
А день за днем
Огнем надежды грейся,
Вверяя ослепленно, но не слепо
Себя всему, чем иступленно грезил,
Что — боль живая, а не мертвый слепок.

1972

ДОРОГИЕ ЧУВСТВА

ВЕСНА

Где снег? Бесследно звездочки его
Исчезли, как мгновения былого...
Младенческого света торжество
Душа весною излучает снова.

Шалят, как дети, в небе облака.
Ну, а земля чарующе нарядна,
Душе подростка, сердцу старика,
Поверьте, одинаково отрадна.

Разбиты зеркала — ни льдинки нет.
И возраст человека в день весенний
Определяется не мерой лет,
А мерою счастливых потрясений.

Нас радует и розовый миндаль,
И птаха неказистая, и даже
Вплотную приближается к нам даль,
Опережая ожиданья наши.

Весна! И каждый хлопковый росток,
Мне кажется, взойдет не только в поле,
Но и в моей груди — на грядках строк,
Исполненных и нежности и воли.

Весна у нас в глазах отражена,
Ее волна втекает в наши вены,
Когда бы в мире не цвела весна,
Весну мы сотворили б непременно!

ВНУК

Черноглазый внук влетел, точно вихрь,
ко мне,
Вырвал лист из-под пера, змея смастерил,
И уже бумажный змей реет в вышине,
Тянет в небо малыша изо всех он сил.

Но не выпускает внук летуна из рук,
Хоть бечевку на себя дергает с трудом.
Оторвавшись от стихов, я гляжу, как внук
Твердо на земле стоит в дворике родном.

Он, точь-в-точь как дед его, боек и смышлен,
И черны до синевы и вихор и бровь,
Вечным, кажется, огнем переполнен он,
Точно в жилах у него солнце, а не кровь.

Оставаясь на земле, рвется в небо змей,
Словно мысль моя, малыш, о твоей судьбе:
Что за дерзкая мечта есть в душе твоей?
Что ты будущему дашь, что оно — тебе?

Если б не было у нас дорогих внучат,
Мы не знали бы, как жизнь и любовь звучат.

ПЛАКУЧАЯ ИВА

Среди голых деревьев — плакучая ива,
Как поэта мечта, и ярка и вольна,
И кудрями Меджнуна она справедливо
Названа, — так любви одержимо верна.

Здесь какой-то старик, красотой упоенный,
Отдыхает от тягот зимы и утрат:
На плечах — то ли дождик прозрачно-зеленый,
То ль весны изумрудно-прозрачный халат.

Это нежная ива в нижайшем поклоне
Тянет губы и руки к земле дорогой,
Чтоб губами прильнуть к ее щедрой ладони,
Чтоб погладить кормилицу влажной рукой.

Жизнь дарует земля и деревьям и людям.
Разве землю свою покидает народ?
И в раздумьях о мире, о боли и чуде,
Верность почве храня, эта ива живет.

Разве верность нуждается в чьем-то участье?
Если б не было верности — не было б счастья.

САДЫ

Сады моей родины в дружном цветенье:
У каждого дерева — повесть своя,
Свой опыт и нрав. Но любое растение
Живет, от другого забот не тая.

У веточки каждой свой путь непреложный,
У каждого цветика свой аромат,
Но служат друг другу опорой надежной
Деревья, как брату любимому брат.

В садах моей родины дружные весны —
Не знаю, какой мне милей уголок!
Здесь каждая пядь, как сосуд кровеносный,
Питающий каждого сердца цветок.

Тревожится брат — и не спится другому,
Без хлеба один — не поест и другой.
Свет этому саду! Мир этому дому,
Где нет ни души без опоры благой!

Все судьбы — единого целого части,
Я знаю: без дружбы немислимо счастье.

МЕЧТЫ

Мне кажется порой: мои мечты
Никак не могут воплотиться в дело,—
Так мало времени, так много суеты,
И так я недостаточно успела!

Я вышила, взболтав, словно кумыс,
Земного счастья и несчастья море,
Но не насытилась,— моя витает мысль,
Словно корабль, в космическом просторе.

То на Чарвакской ГЭС звенит мой стих,
То сею хлопок я в Талимарджане,
И хлопок вырастет,— белей белков глазных,—
Не это ль исполнение желаний?

Но никакой мечте предела нет,
Она всегда, как горизонт в дороге,
И равен вечности желаний наших свет,
И нет конца живительной тревоге!

Когда бы не было взыскующей мечты,
Не достигало б счастье высоты.

ТРУД

Временами и спится мне худо,
И волнуюсь из-за пустяка,
В голове возникает запруда,—
Загрязняется мысли река.

Я в обиду вхожу, словно в тину,
Захлебнусь, но припомню опять —
Над железом отцовскую спину
И всегда терпеливую мать.

Точно так, как отец мой когда-то
Отливал наконечник сохи,
Вновь тружусь от зари до заката,
И слагаются в строфы стихи.

Что ни слово — то пласт мой целинный,
Что ни строчка — то снежный обвал.
Но уже молодой, соловьиный
Сад вращенный восторжествовал!

Труд — дитя нашей мысли и страсти,
Без него мы не ведали б счастья.

РОДИНЕ

Учила ты: в слезах нет прока,
Строга, как с дочерью, со мной,
Но не слышала и поправка,
Как и от матери родной.

В беде и в счастье я с тобою,
И песнь моя — тебе родня.
Воспламенюсь — зальешь водою,
Угасну — вновь зажжешь меня.

Дивилась всякому я чуду —
Чужой листве, реке чужой,
Но отовсюду, отовсюду
К тебе стремилась всей душой.

О родина, я, как заклятье,
Твержу один и тот же стих:
Не отвергай моих объятий,
И не лишай меня своих!

Без родины нет на земле
Ни солнца, ни звезды во мгле.

1972

Только бы знать, что где-то ты существуешь в мире,
В жизни — той, что дарит нас или томит, казня,
Знать, что шаги твои стали еще уверенней, шире...
О, почему при жизни ты не бросил меня?!

Ревность меня душила бы, мучило оскорбленье,
Я бы кляла другую... Да и тебя, со зла...
Но за тобою все же не побрела бы тенью,
А, по праву любви, молча тебя ждала.

В снах моих — самых тайных! — были б мы все же
вместе,
И от тебя, живого, я поджидала б вести!

...Счастье творить все труднее сердцу, уму моему,
Слитыми нераздельно с черной твоей судьбой...
О, почему, любимый, о, почему, почему
Ты меня не оставил?..

Или не взял с собой?!

1972

ЯБЛОКО

Течет вода вся в разноцветных бликах,—
Со светом перемешана она
И, как тропа в грядущее, ясна.
Эй, девушка, не покидай арыка!

Гляди-ка: яблоко несет волна,
Подбрасывая ртутною ладонью:
Как розов бок один и желт — другой!
Как хочешь, но обычай есть такой:
Скорей пустишь за яблоком в погоню
Да брось в того, кто отнял твой покой.

А если плод заветный не добудешь,
Умчится яблоко в водоворот,
И тщетно вслед ему глядеть ты будешь,—
Само к нам счастье в руки не плывет.

1972

РОДНЫЕ

Без родины дышать бы не могла я,
Была бы беспросветной жизнь моя,
Но, если б из отеческого края
Не видела далекие края,—

Я не нашла бы близкое в далеком
И стала бы душа моя бедней,
Не зная счастья: двигаться к истокам,
Чтоб на чужбине находить друзей,

Чтоб узнавать, что есть большое в малом,
Что человек сильнее из года в год...
Давно ль он высекал огонь кресалом?
А ныне молнию он создает

Из гнева своего.

Он ищет друга,
Ему моя отзывчивость лужна!
О время, ты — натянутая туго,
Стремительно звенящая струпа.

Но музыкант не должен быть бездушен,
Он должен слушать боль и страсть земли,
Иначе будет звонкий строй нарушен
И задохнется музыка в пыли.

Земля, тебя любить не перестану,—
Ты нас связуешь испокон веков,
А жизнь я уподоблю каравану:
Как дорог мне призыв его звонков!

Земные сотрясаются пределы,—
Бушует меж добром и злом война.
Становится багряным лотос белый,
Густою кровью даль напоена,

Но эта кровь горит и на знаменах
Бесстрашных воинств мира и труда.
Я — лишь крупинка сил разноплеменных,
Но быть такой крупинкою горда.

Свобода — солнце:

я — его частица.

Свобода — пламя:

я — лишь часть огня,

Но, часть, я страстно жажду с целым

слиться,

И выше нет удела для меня.

Мне надо каплей влаги стать в пустыне,
Орленку — материнским стать крылом,
И я молюсь,— но лишь одной святыне:
Добру, ведущему борьбу со злом.

На свет родившись в доме многодетном,
Я знаю братьев и сестер тепло,
Внимать училась голосам всесветным,
И чувство близости во мне росло.

Вы — белые,

вы — черные,

цветные,

В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

В день моего рождения опять,
как ежегодно, ночь без сна промучась,
я мать свою, страдая, вижу — мать
в тот час, когда моя решилась участь.

И крови ток, и сердца робкий стук
безмолвно вопрошают без ответа:
великих ли я стоила ей мук,
как долго длилось ожиданье это?

Читаю в прошлом — трудно, по складам.
Там мать моя — чтоб боль уменьшить болью,
прижав руками к животу сандал¹,—
оплачивает жизнь мою собою.

По-детски безмятежный лоб в поту,
и, как с прабабок принято в народе,
конец ее косы — в иссохшем рту;
так все должно быстрее свершиться вроде.

Пять дней, пять мук глядят в ее окно.
На лошади соседской виновато
отец мой поскакал уже давно
за повивальной бабкою куда-то.

---

¹ С а н д а л — род домашнего очага.

От мук извечных мать еще юней.
Один комок огня и льда — мы обе,
но волей бытия мне тесно в ней,
как некогда горам — в земной утробе.

Страшит мгновенье каждое, как взрыв.
Но знает мать, причастна к древней тайне,
что, только дверь в мученья отворив,
войдешь туда, где больше нет страданий.

Ждал мир весны, страстей и тишины
меня, и ждали, замерев, как тени,
пять сыновей, что были рождены,
чтоб и мое отпраздновать рожденье.

И, словно колосок, мой голосок
рванулся в жизнь, и я на свет явилась,
чтобы губами отыскать сосок,
дарящий упоительную милость.

Все лаской, удивлением, игрой
со мною и во мне самой рождалось,
но это были плоть ее и кровь,
жизнь матери, любовь ее и жалость.

Когда же подошла пора уйти,
как испокон веков, взрослея, дети,
отпасть, отринуть от ее груди,—
казалось, что липнусь всего на свете.

А мать? Как отлучить ей от себя —
пускай и понимает: не удержишь! —
кровинку, в чьей улыбке — вся судьба,
все мужество ее и вся надежда...

Теперь, перебирая струны строк,
хочу ей благодарно поклониться
за них, благословляя их исток,
я, сердца материнского должница.

Ничем вернуть свой долг я б не смогла:
нет средств таких и нет такой науки,
Но жизнь сама ребенку я дала,
узнавши цену ей ценою муки.

1972

ТОСКУЮ СНОВА ПО ВЕСНЕ

Тоскую снова по весне,
как этот куст, как эта почка.
Тоскую снова по весне
душой, иссохшейся, как почва.

Еще ты у зимы в плену,
земля, но лоном жарким, нежным,
как сердцем жадным — я, весну
зовешь с цветеньем яблонь снежным.

И, песней плен зимы круша,
даря земле ее впервые,
на крик срывается душа,
приемля муки родовые.

Весна! Устав от зимних снов,
от беспощадности суждений,
хочу весенних легких слов,
где безобидный свет без тени.

О, закрути, разбереди,
весна, как в юности, в начале!
И от меня отгороди
собой все мои печали.

1972

ЗАКАТ

Говорят, что прекрасен закат.
Вот и я с ним столкнулась в пути.
Говорят невпопад, наугад,
что он лучше рассвета почти,

что он глаз, как рассвет, не слепит,—
отчего же так больно моим?
Говорят, что огонь его спит,—
отчего же пылаю под ним?

Говорят, он, бесстрашный такой,
недоступней заоблачных круч.
Отчего же повсюду щекой
ощущаю живой этот луч?

Говорят, его жизнь коротка.
Говорят, что он — символ конца.
Говорят, что закат и тоска —
два синонима, два близнеца.

Отчего же ты песен полна,
повидавшая виды душа?
В платье осени поздней душа
даже больше еще хороша!

Нет мне дела до прожитых дней,
их оврагов, садов и дорог.
На закате острей и сильнее
рвется сердце опять за порог.

Что прошло, стороной обошло,
что пришло, подытожив пути,
только жизнью меня обожгло
и поможет закат обойти.

1972

ДОСТАНЬ МНЕ СОЛНЦЕ!

— Кусочек солнца я тебе достану,
Как сердца часть дарю тебе сейчас.
Кусочек солнца я тебе достану,
Чтоб знала ты: твой пламень не погас!

Кусочек солнца я тебе достану,
Чтоб взбушевал огонь в твоей крови,
Чтоб ясный взгляд искрился неустанно
И щеки розами цвели твои!

Кусочек солнца я тебе достану.
Да будет яростный твой жемчужный смех!
Ты вспомни путь свой по Узбекистану:
Как сладостно ты окрыляла всех!

Кусочек солнца я тебе достану
(Возможны ли бейты об одной строке?!),
Чтоб сердцу разъяриться, как вулкану,
Дарить огонь и в счастье и в тоске.

Кусочек солнца я тебе достану!
Пусть над тобой струит он теплый свет!
Храни его, подобно талисману,
С частицей сердца моего...

— Нет! Нет!

Не слишком ли мелки твои расчеты?!
Что делать мне с частицею, с куском?..
Уж если велики твои щедроты,—
Так подавай все солнце целиком!

Все, все отдай!.. Слей пламя воедино!
Огонь и страсть не делят пополам!
Однажды приняла я половину,
И на душе навек остался шрам.

Мне мощь нужна для крыльев, для полета,—
Ведь встречных ветров на земле не счесть!..
Уж если ты способен на щедроты,
Так подавай мне солнце — все, как есть!

Достань мне с неба жаркое светило!
Пусть излучает радость каждый стих!..
И да наполнит солнечная сила
Друзей моих, читателей моих!

1972

НА ЗЕМЛЕ Я РОДИЛАСЬ...

Хоть на земле родилась я,
Но птицею меж туч скольжу.
От солнца отделилась я,
Огонь его в руках держу.

Судьба моя зари светлей,
Хотя глаза вобрала мглу.
Перо — оно в руке моей,
Подобно верному веслу.

Стихи, написанные мной,
Парят в стихии, мне родной:
С земли взмывает серебром
Все, что написано пером.

В мир устремил открытый взор!
Заря — как вспыхнувший костер.
Светлее солнца и зари —
Жизнь человека, посмотри!

Не знает жизнь, что значит — день,
Ночь светит звездами, блестя,
И набирает силы день
Во чреве ночи, как дитя.

Кипучи дни и вечера.
«Сегодня» краше, чем «вчера».
И жизни каждая пора —
Как чаша света и добра.

И я, родившись пред зарей,
Благодарю за то судьбу
И не хочу, чтоб мрак седой
Взобрался на мою арбу.

Хоть жизнь моя уже — чинар,
Я преклоняюсь пред травой:
В ней — юности исток живой
И песен вдохновенный дар!

1972

ПРИНЕСЛИ БУКЕТ ЦВЕТОВ МНЕ ДЕВУШКИ

Памяти Айдын Сабировой

Принесли букет цветов мне девушки,—
Хрупких, словно сон у престарелых.
Принесли букет цветов мне девушки,—
Красных, словно кровь, как утро, белых.

В вазу я букет цветов поставила,
Чтоб они как можно дольше жили.
Вижу: стихотворное послание
Девушки в букет цветов вложили!

Добрая строка строкой сменяется,—
Я такое чувствую волнение,
Будто я — земля, и начинается
Неожиданно землетрясение.

Я дрожу, смятением охвачена:
Разве я похвал таких достойна?
Я и смущена и озадачена,—
Ну-ка поразмыслию я спокойно!

Может, потому хожу в любимицах,
Что в грядущее дорога ваша
Мне, как чаша розовая, видится,—
Полная любви и света чаша.

1972

МИРАБ

Светает в поле. Побледнели тени,
Прозрачнее — ночной сурьмы накрап.
Склонился, став на старые колени,
Над водами бурлящими мираб.

Вода, вскипев, прорвала тут преграду.
Он чинит... Глину смыл с усталых рук
И смотрит вдаль. И, кажется, от взгляда
Коробочки набрали силу вдруг.

А на дороге жизнь уже грохочет,
Машины пробегают, что ни миг,
Гудит над ними самолет...

Старик

Не слышит шума. Знать его не хочет.

Он дальше смотрит, по своей привычке.
Как море — поле. Полю нет конца.
Бороздки — словно темные косички
Вкруг внучкиного милого лица.

Что мудрому все это грохотанье?!
Мечта мираба где-то там, вдали.
А здесь — родных сынов его создание,
Просторы обработанной земли.

И вот грядущее его тревожит:
Хорош ли будет в летний зной полив?
Порадует ли осень?

Иль, быть может,
Ударит град, посевы погубив?..

Не о своем он думает почете —
Что старику награды и почет?
Душа его — в единственной заботе:
Что весь колхоз детей и внуков ждет...

Печется он об этом ежечасно,
Работает, грядущее любя.
...И что еще на свете столь прекрасно,
Как мысль о будущем — не для себя?

1972

ДОРОГА В ПОЛЕ

Когда ты, впечатленьями полна,
Легко идешь дорогой полевойю,
Твоя душа — степная целина —
Так страстно хочет зашуметь листвою.

На целину, как бы на полотно,
Художник — жизнь — кладет такие краски,
Что солнцем все в тебе озарено
И время движется быстрее, чем в сказке.

Вилась дорога раньше среди скал,
Ты шла, пространства прелести не зная,
Внезапно горный прогремел обвал
И широко открылась даль степная.

В тебе сверкнула утренняя рань,
Вода в твоих каналах заблестала,
Ты вновь легка и молода, как лань,
И вновь пора цветения настала.

Изменчив осенью полей наряд:
То темным, то зеленым был давно ли?
А нынче он как снег. И говорят,
Что поле хлопка — это битвы поле.

С природой человек вступает в бой,
И чем сильнее и грознее схватка,
Тем ярче и вольнее мир живой,
И дышится нам весело и сладко.

Порою с морем поле мы сравним,
Гиперболу, наверно, допуская,
Но мы глядим: простор необозрим
И ширь степная — словно ширь морская.

Куда ни глянь — белым-бело окрест,
И голубые корабли так шумно
Вываливают за один заезд
Бесчисленное золото на гумна!

Гумно. Хирман. Когда-то здесь гора
Белела — добрый знак рабочей чести.
Теперь ссыпают хлопок в бункера,
Не оставляя ни на миг на месте.

Под каждый бункер (время-то не ждет!)
Автомашина подставляет кузов
И доставляет прямо на завод
Белейший, драгоценнейший из грузов!

...Ступай, дыши прохладой полевой,
Учись, чтобы твой разум не заржавел:
Здесь человек вступил с природой в бой,
Но и себя и землю он прославил.

Из хлопковых коробочек вокруг
Выглядывает жемчуг — крупный, цельный,
И ты с восторгом постигаешь вдруг,
Что выработка дня равна недельной!

Тогда-то цену познаешь труда,
Задав себе вопрос, ты ждешь ответа:
Всем существом знавала ль ты всегда
Зимы суровость и жестокость лета?

Пусть на родной равнине долог зной,
Пусть холод леденит ее дыханьем,—
Мы обладаем чудною казной —
Тем золотом, что дарит нам дехканин!

О Зухраджан, на корабле твоём,
На голубом, позволь и мне трудиться,
Тебе я буду подражать во всем,
Твоя помощница и ученица.

Увидев брови сросшиеся, пыль
На косах, отливающих каштаном,
Пойму я: открывается, как быль,
Нам красота в сиянии нежданном.

И хлопок, озаренный светом фар,
Тобой зажженных в тихий час заката,
Я соберу, как ты, и вспыхнет дар
В душе, и стану я стихом богата!

1973

НЕВЕСТУ ПРИВЕЗЛИ

В соседский двор невесту привезли.
Весь день звучат сурнай и карнай,
Два юных сердца жителей Земли
В единую мелодию сливая.

То старина, то Индия слышна
В прозрачно-тонком голосе свирели.
Во двор влетела свадьба, как весна,
Цветы весны в душе зашелестели.

Да славятся невеста и жених!
Прекрасна тяжесть свадебного трона...
...Все тяготы пусть делят на двоих!
Да будет радости вдвойне у них!
Да длится миг свиданья окрыленный!

1973

О ВАС ПОЮ, ЗЕМЛЯКИ

Опять слова певучие легки,
Поля просторны, солнцем залитые.
О вас пою, батыры-земляки,
Трудящиеся руки золотые!

Украшена земля цветами глаз,
И горы хлопка в пору плодородья
Среди долины окружают нас,
Провозглашая вызов непогоде.

Благословен на лбу рабочий пот,
И платья холст, темнеющий от пота.
Щедра земля... Не счесть земных щедрот!
Но ведь и руки щедры на работу!

Я вижу столько загорелых лиц,
А белый хлопок —
Он белее соли!
Мне кажется, что взмахами респд
Подметено светящееся поле.

Так безмятежна эта красота,
И осень так полна успокоенья,
Как будто и не знала никогда
Страды, напоминающей сраженья.

Не в их ли честь карная рог трубил
И славословья слышались раскаты,
Когда с могучих гэсовских турбин
Пошел в работу первый ток Фархада?

Не ими ль эта начата пора,
Когда, задачу главную решая,
Узбекские прославились поля
Величественным хлопка урожаем?

Их молодость...
Да вот она, смотри:
Повторена в такой же гордой стати!
То внуки их стоят, богатыри,
Скульптурами темнея на закате.

В них та же страсть!
Что холод им и зной?
Они, как мы, готовы сдвинуть горы.
И там, где строить начали весной,—
Там к осени возникнет новый город.

И отдыха мне песня не дает
Под этими родными небесами.
Какое поколение встает,
Какая ширь перед его глазами,
Какие в ней дороги пролегли!..

О юноши, кому дано так много,
Через страну волшебную любви
Еще должна вас повести дорога.

Что исподволь накоплено в груди,
И смысл, и формы обретет иные.
Такое счастье ждет вас впереди,
Какого не изведали доньше.

Тем счастьем, юность, не пренебреги,
Не разбазарь, не растеряй случайно.
Не лги в работе
И в любви не лги.
Прекрасен труд.
Любви прекрасна тайна.

О молодость, когда насытит дни
Любовь твоя или твоя работа,
Всю, всю тебя потребуют они,
Всю, всю как есть,
без вычета и счета.

Ты счастья не стыдись перед людьми.
Воспламенясь его высокой искрой,
Равно будь верной девичьей любви
И трепетной тревоге материнской.

О, как уходит тема из-под рук!
И все же не боюсь я укоризны:
Я не забыла вас, моих подруг,
Люблю вас, женщины моей отчизны!

Все начиналось, кажется, вчера,
Но годы мчат, назад уходят сроки.
Свою я вами песню начала
И вновь о вас выграниваю строки.

И что за диво? Музыка и стих —
Ничто без вас!

Без вашего участия,
Без ваших рук, без ваших глаз живых —
Живое просто невозможно счастье!

Вы суть семьи.
Вы преданы стране.
Где б ни трудились,

Вы — основа дома.
Стараетесь с мужчиной наравне,
Познав и тяжесть и восторг подъема.

Шелк или хлопок,
Руль или станок,—
Беретесь властно за любое дело.
Порой, глядишь, и парень сбился с ног,—
А женщина работает умело.

Секрет ваш прост:
Пусть труден день забот,
Стремительно, нерастяжимо время,
Но там, в дому, заботы вашей ждет
Грядущего родное поколенья...

Вдоль осени шаги мои легки.
Свободны мысли, солнцем залитые.
О вас пою, подруги, земляки,
Трудящиеся руки золотые!
Судьбу стихов кто знает наперед?
Кто песни путь предсказывает верно?
Но я свою дарю тебе,
Народ,
Твоей судьбе,
Работе вдохновенной.

1973

КАПЛИ БЕСКОНЕЧНЫЕ

Камилю Яшену

Почь.
И снова — бессонница.
Нервы напряжены.
Что-то вот-вот тронется...
Что-то стучит в оконницу,
Рвется из тишины.

Что там?.. Хочу понять.
В слух обращаюсь... Так ли?..
Вот опять и опять
Точат ночную гладь,
Падают мерно капли.

Прядает тишина.
Падают семена,
Каплют в ночное лоно,
Чертят за кругом круг.
Темен их перестук,
Но подчинен закону.

Этот закон — ритм.
Время его творит...

Капли все полновесней,
Ярче, звонче, крупней,
В двери души моей

Дерзко стучатся песней.
Повелевают круто:
— Шире открой тетрадь!

Слушай! Пиши!.. Не трать
Золотые минуты.
В каждой — времени зов...
Время властно и жестко,
Ждет от тебя — хоть горстку! —
Достойных его плодов!

1974

ДОКТОР!..

Доктор! Вы сказали: в легких дело,
Легкие простужены, больны...
Чтоб в груди стихотворенье зрело,
Легкие, конечно, мне нужны.

Что ж, на медицинском небосклоне —
Много звезд... Является сюда,
Что ни день, то новая звезда,
Смотрит, изучает всесторонне.

«Шумы в легких!.. Да и кровь, на горе,
Слабовато борется сама...»
Доктор!.. А быть может, корень хвори
В том, что в жилы ворвалась зима?..

Если кровь бурлит и жаром пышет,—
Легкие легко и вольно дышат...

Доктор!.. Что там ни вливайте в вены —
Снадобья, надежду... даже кровь,—
Все ж законы жизни неизменны,
Молодость к нам не приходит вновь.

1974

ЛОДКА ЖИЗНИ

Лодка жизни моей все плывет, все плывет,
Если даже я весла брошу,—
За вершиной — вершина, за годом — год
Позади остаются все же.

Что узнала, что видела — все дела —
Захлестнуло время волною.
Нет, недаром в весну мою осень вошла,
Простушила в лице желтизною!

И однако же кровь — как была, горяча,
И челнок мой песется ходко.
Нынче чья-то радость,— кто знает, чья? —
Точно кормчий, ведет мою лодку.

Судьбы многих людей, моей силою став,
По волнам несут белогривым...
Тот, кто счастлив, тот сам и силен, и прав,
Но расстаться ли с несчастливым?!

— Горе сбрось,— говорю,— если с горем пришел!
Все на плечи завалю, одолею!
Кормчий! Видишь, груз теперь не тяжел:
Двое нас! Полный ход!.. Смелее!

1974

ПРИРОДА, Я ПРОТЕСТУЮ!

Зачем, породив меня слабым созданием,
Еще и любовь ты дала мне такую?!
Нигде не найдя исцеленья страданиям,
С израненным сердцем жила, протестуя.

Зачем, одарив меня счастьем когда-то,
Да так, что вздыхали от зависти люди,
Мгновенным ударом все, все отняла ты
По воле своей, по жестокой причине?!

Что тягостней смерти?! Владычит над нами!
Рошчи, протестуй, а печаль не стареет...
Как долго я шла сквозь холодное пламя,
Сквозь пламя печали, что душу не греет!

Былой красоты не увижу опять я...
Безмерное счастье, безмерная мука —
К обоим меня ты швырнула в объятия,
Дивясь, что меня не убила разлука...

Да, сила сильнее твоего удивленья,
Спасает меня и ведет сквозь невзгоды:
Я радость чужую вырастила в терпенье,
Терпения ты не дала мне, природа!

Сто счастлих чужих я в душе возрастила,
Судьбою других я дышу неустанно!..
И в этом — мое исцеленье и сила,
И жизнь моя снова — полна и желанна.

1974

БУДУЩЕЕ

Будущее!

Ты пред глазами моими.
Спешу,
ухватясь за подол мечты,
Навстречу тебе...

И все уловимей
Твои громоздящиеся хребты.
Все ощутимее, все родней
Гордые выси
грядущих дней.

Завтра!

Кто в прошлом тебя не звал,
Радуюсь дням счастливым заранее?!
Бегу.

Взбираюсь на перевал,
Не складывая
крылья желания.

Завтра!

Чудеснейшая из стран!
Тайна для нас —
твоя стать, твоя суть.

Знаю одно:

ни мудрец,
ни тиран
Не пресечет твой победный путь!

Завтра!

Вижу твой мощный кряж.
Чем одаришь ты людей, ликуя?..
Что возрастишь?

Какая из чап
Все-таки перевесит другую?
Что одолеет,
что встанет над всеми? —
Непогрешимое
взвесит
Время.

Наше Сегодня!

— Нов его лик! —
Блеском открытий озарено.
Прошлое — только букварь...
Оно —
Азбука лишь к мудрейшей из книг.
Мне бы читать ее и читать,
Не отрывая влюбленного взгляда,
Песни б слагать
Нашим дням под стать.
Славить красу, пред которой померкло
То, что когда-то ловило зеркало
В руках Фархада.

Наше Сегодня —

народов пир,
Где за труды воздают с лихвою.
Светел и ярок сегодняшний мир.
Завтрашний мир —
лучезарней вдвое!

Завтра!

Спешу за тобой..
Куда ты?..

Повремени!..
Хоть минутку побудь
С нами,
детьми эпохи крылатой,
К звездам
впервые наметившим путь!
Нет, убегает, огнем паля...
Вечно в пути оно — как Земля.

Завтра!
Постой!
Осени мой стих!
Крыльев твоих ловлю серебро.
В небе парят они...
Все же с них —
Нет-нет,
на дорогу
слетит перо.

Вон, серебрится издалека...
Где я следов твоих не нашла?!
На рукавах,
На концах платка —
Перышки твоего крыла.
На беспредельном, как мир, дастархане,
Завтра, я чую твое дыханье.
Пусть я тебя не схвачу. Пусть!
В песню не заключу,— пусть!
Пусть моя жизнь — лишь одно мгновенье,
И, зацепившись за выси гор,
Все ж не рассмотрит тебя в упор
Мое вдохновенье,
Пусть воспоют тебя в песнях иных —
Короток существования миг! —
Те, что юнее нас, дерзновеннее,

Все же, о Завтра, тебе — хвала!..
Радуюсь, будто сама создала
Новых, великих стихов сияние.
Юность вернулась к душе моей,
И все звучней, все сильнее в ней
С Временем нашим, с людьми слияние!

1974

В ГЛАЗАХ — ЗВЕЗДЫ...

«Твой лик — лучисто-светел, как восход.
Но солнцем ли твое лицо омыто?..
Чуть только взгляд красавицы блеснет,
Душа надломленная оживет..
Не звезды ли в очах твоих сокрыты?»

Здесь, в Азии, лучи растят дитя,
Девчурке с детства радости пророча,
И вот она цветет, как день, света
И ночи двух миров вбирая в очи.

Чтоб подчеркнуть со звездами родство,
Зовут ее в газелях — «луноликой»,
Красавица являет колдовство,
Любовью обвита, как повиликой.

О, эти очи!.. В них — и свет, и тьма!
Их чары — не обман, не наважденье!
Здесь ни при чем индийская сурьма,—
Нет, волшебство дано им от рожденья!

Огонь врожденный!.. Может быть, в ночи
Две звездочки в зрачки упали с детства.
Сожгли коварство звездные лучи,
Лишь верность им оставили в наследство.

Как зеркало, как чистое стекло —
Блестящий взгляд красотки смуглолицей.
Что на сердце — все отблеск в них нашло:
Печаль туманится, восторг искрится...

Но есть во взоре этом рубежи,
За ними — боль, обиды, зло земное,
Вращенное во мраке паранджи.
Глубины глаз — что озеро ночное.

О сокровенных тайнах тех глубин
На разных языках поэты пели.
Проникнуть в них пытался не один,
Но лишь немногие достигли цели.

...Ласкал азийских девушек рассвет,
Он целовал их теплыми лучами,
Но лишь теперь, с приходом новых лет,
Красавицы забыли о печали.

Народ — хозяин на земле своей,
И наши дочки — яблони весной.
Огонь в очах горит еще сильнее,
Струит сиянье «озеро ночное».

И впрямь — как звезды девичьи глаза,
Они превыше всех похвал поэта,
А если в них порой блеснет слеза,
То разве без дождя бывает лето?..

1974

В ОБЪЯТЬЯХ БУРИ

Однажды я была в объятых бури
И опьянела, будто от вина,
Одним крылом плескалась там, в лазури,
Другим купалась в дикой, гневной хмури,
Душою смятена, восхищена.

То, словно лодочка, ища приюта,
Дрожала у высоких берегов,
То бурю я приветствовала, будто
Всю суть мою взбурлил мятежный зов.

О ветры, поднимите, оторвите
Прочь от земли, несите ввысь, во тьму!
С землю связанная сотней нитей,
Я молнию по-братски обниму!

И, песню пламенем ее наполня,
Тебя восславлю, бури красота!
Пусть ветви острые деревьев-молний
Покроют ранами земли уста!

О, грохочи!.. Пылай все неизбывней!
Греми по телу огненной арбой!
Стегай плетями бешеными ливней,
О буря, ставшая моей судьбой!

Рви, раздирай от головы до пяток,
И я пойму, велик он или мал —
Цветущей юности моей остаток,
Что к небесам когда-то поднимал.

Могу ль еще сравниться в первородстве
С тобою, буря?.. Чтоб — глаза в глаза!..
Я чую: под моей рукою гнется
Все грозы перенесшая лоза...

Когда б не буря,— я не знала б света!
Как молния — священный дар стиха.
Когда б не буря, не удел поэта,—
Была бы жизнь моя пуста, глуха.

1974

НАПРАСНО ПРОЖИТЫЕ МГНОВЕНЬЯ ДАВЯТ...

На небесах, на суше, в океане —
Повсюду жизнь... Шумит ее родник.
И, совершая нужное деянье,
Мы сами украшаем каждый миг.

А день, который бесполезно прожит,
В ночной тиши нас тяготит и гложет.

Ну, что ж, пусть гложет!.. Выдержим и это!
Без недовольства ведь и жизни нет.
Не будет мрака — не оценим света,
Не обойтись без горестей и бед...

Лишь пустота — смертельна для поэта!

1974

Кипят в ее душе и радость, и восторг,
Пускай от детскости былой следа нет,
Но жизнь опять полна, но жизнь, как прежде,
манит.
Блистая и бурля, влечет ее поток.

О люди!..

Вновь душа ее — сильна, тепла.
Она бы не смогла и помышлять о чуде,
И радость возвратить вовеки б не смогла,
Когда б не мать-земля.
Когда б не вы, о люди!

1974

НЕВЫСКАЗАННОЕ

В смущенье видишь: их осталось много —
Тех слов, что высказать не удалось.
А может, их-то жгучая тревога
Пронзила бы сердца людей насквозь!

Тебе мешала робость или вялость...
Неужто все с собою унести?
Но, если слово людям не досталось,
Как ты отыщешь новые пути?..
О чувства!.. Ураганы и буруны!
На миг притихните в груди моей!
Чем шире ты объездишь мир подлунный,
Тем смелость проявлять тебе трудней.

Все ж для сомнений истекает время:
Окрепли чувства, рвутся на простор.
Пусть слово скрытое сверкнет пред всеми,
Пусть воспыхает, как во тьме костер!

Тебе дано все щедро, кроме века.
И годы говорят тебе: — Спеши!
Отмерен скупо век у человека.
Жизнь входит, как весна, в глаза души.

1974

НЕНУЖНЫЕ ВОЛНЕНИЯ...

Ненужные волнения рассей.
А не рассеешь — подчинюсь покорно.
Со дня разлуки столько долгих дней,
А я все жду, все жду тебя упорно.

Ты, словно мною выращенный сад,
Меня плодами наградивший втрое.
За муки, радости (не счесть наград!)
Навеки я в долгу перед судьбою.

От лишнего волнения огради,
Отраву жгучую не лей мне в жилы!
И от обид ненужных пощади,
Чтоб снова я стране моей служила.

1974

РАСПУТЬЕ

Писала я.
И мыслей вереницу
Подстегивал бичом горячий стих.
Но есть в тетради у меня страница
Пустая
Меж других страниц моих.

Она зияет где-то посредине
Между зарей и угасаньем дня.
Она подобна выжженной пустыне.
Она — как рана в сердце у меня.

Распутье...
Влево повернуть иль вправо?
А путь уже немалый — позади.
Там долгие труды мои, там — слава
И боль загубленной любви в груди.

Распутье.
Сколько здесь оттенков всяких:
Успокоенье.
Горечь.
Властность.
Честь.
Хоть на стихах слезы горячей накупь,

Но рваться вверх
Стремленье
Тоже есть.

Распутье.
Гибель счастья и усталость.
Руины. Пламя вечного огня.
И рану, что в душе навек осталась,
Лечить подделками — не для меня!

Но возникает, душу освежая,
Зиянье заполняя до конца,
Сознание, что радость есть чужая,
Что я людские радую сердца!

Как не бывает пустоты в природе,
Так в жизни нет бессмысленных помех.
Вовеки не наполнится колодец...
Боюсь, не хватит мне распутий всех!

1974

ЭТЮД

А. С.

Зима.
Снега белы — что облака.
Снега белее материнской груди.
Зима ласкает — празднично-легка.
Прозрачность. Свежесть. Девственность.
Безлюдье.

Тончайшим снегом опушенный сук —
Как веточка вишневая в апреле.
И, как весной, душа проснулась вдруг,
И весело ей на чужом веселье.

1974

РАДУГА

Иду по дороге
В дыханье весны.
Тюльпаны вокруг
Разбрелись просторно.
Горят,
Переливчаты и красны,
Как будто
Спелых гранатов зерна.

Внезапно туча —
Литой стеной.
Ветер. Ливень
В полный рост.
Но тут же природа
Рукой озорной
Цветной
Предо мной
Изогнула мост.

Мост?!
Да ведь мост мне нужнее всего!
Тюльпаны,
Веснх,
Как запас хлеба,

С собою беру,
И — о торжество! —
Дорогою песни —
Радугой
В небо!

С цветного кольца
В самый жар чудес —
В людские сердца,
В глубину небес!

Радуга!
Ты — словно Завтра великое!
О долгожданная!
О семиликая!
Точно из сказки
Предстала, пресветлая,
Новые краски
Сулиць, семицветная!
Сердцем ликую, дышу, живу
И по тебе плыву
Наяву —
Коли такое мне счастье дано! —
Вверх,
Как в замедленной съемке кино.

Иду.
Каждый шаг мой
Волшебно нов.
Иду сияньем
Семи поясов.
Плавню ступаю
По самому краю,
Всем существом своим
Счастье вбирая.

Радуги радость,
Живую струю,
Будто бы младость
Глотаю, пью
Сердцем,
Губами сухими,
Глазами...
Чувств молодых
Разгорелось пламя!

Вверх поднимаюсь
Почти без усилий.
Чую: бесследно исчезли,
Сплыли
Годы былые
В лучах семицветных...
Пусть исчезают навек,
Хоть нет в них
Лжи,
Очерственья,
Жестокости,
Все же
Есть в них печали,
Что душу гложут...
Прибыло силы.
Пут не осталось.
Радуга смыла
Грусть и усталость.

Иду.
Сверкают мои пути.
Путем народа
Хочу идти.
Как солнце, путь моего народа.
Деянья его — словно звезд лучи.

Не им ли множатся
Год от года
В зданье бессмертия кирпичи?!

Счастье,
Печали
С народом слиты.
Жить бы и дале,
Как мне велит он!
Только бы мне наконец удалось
Жизни его ощутить ось,
Песен гирлянду сплесть
В его честь...

Что ж, у народа сердце не счесть!
Может, войду не в одно, так в другое...

Благо, перо не просит покоя.
Отдых мне чужд, как старость чужда.
И не семью,— семьюстами сияний
Радуга в дали влечет и манит
К тайнам,
В неведомые места.
Одoleвать велит перевалы:
«Дальше еще шагни, поспеши!
Обогатись красотой небывалой,
Да утолится жажда души!
Глубже вдохни семицветный пламень!
Сплavь его в звонкое стихотворение!
Знаешь сама: лишь пустое мгновение
Сердце томит, словно тяжкий камень.
Знаешь сама, что людское признание,
Каждое к людям дошедшее слово
Душу от зла ограждает заранее
И горячит ее снова и снова».

С миром слияние — колдовство...
Не упустить бы мне ничего!
Мне бы изведать, измерить ныне
Силы, живущие в человеке:
Видеть, как золото ищут в пустыне,
Как приручают дикие реки...

Радуга!
Выше меня подними!
Я — среди сияний твоих семи,
Все же дорога моя — прямая.
Небо в нее вошло
И Земля...
Иду,
В потоках твоих бурля...
О, сколько песен собрать должна я!

1974

Я О ЖИЗНИ ПРОШЕДШЕЙ...

Перелистав прошедшего тетрадь,
Я поняла, что не жила вполсилы:
В дни счастья не боялась хохотать,
Когда любила — всей душой любила.

Во что одета — в ситцы иль в шелка, —
Признаться, не тревожилась нимало.
Любовь погибла, и пришла тоска,
Я от нее спасения искала.

Припоминая жизнь за годом год,
Не предаюсь ненужной укоризне.
Утратам и дарам потерян счет.
Изведала я горе и почет...
И я за это благодарна жизни!!

1974

МОРЩИНКАМИ МЕНЯ НЕ ПОПРЕКАЙ...

Морщинками меня не попрекай,
Весна моя! Цвети как можно доле,
Но знай: морщинка — что полоска в поле
Принесшая богатый урожай.

За ней, морщиною — огонь и лед,
Ведь наша жизнь — не только ликованье
И ты, дитя, времен изведав ход,
Иначе отнесешься к увяданью.

В плену у красоты своих детей,
И ты не будешь замечать морщины,
Не осознаешь старости своей,
Гордясь расцветом дочери и сына.

Морщинки — это песни и труды.
Ты не должна за них корить беспечно!..
То — поколенья смелого следы,
Наследье дедов, их судьбы извечной.

1974

* * *

Послушно сердце лишь одной любви.
Земля и небо — все ничто пред нею.
Он взглянет — и огонь в твоей крови,
Язык твой онемееет, леденея.

С любовью ты не сладишь ничем,
Ты цепью не скуешь ее железной
И золотым не отомкнешь ключом,
И гнев, и уговоры — бесполезны.

В осколки душу разбивает взгляд,
И все ж любовь хранит осколок каждый.
Два берега как два крыла летят,
Два сердца мучатся единой жаждой...

1974

Стихи, со мною бывшие в больнице,
С удушьем и ознобом наравне,
«Спасибо» молвить помогите мне
За доброту, что может только сниться.

Мы вместе с вами скажем «благодарствуй»
За легкие прикосновенья рук,
Они, как наилучшее лекарство,
Сладчайше исцеляли злой недуг.

О, как порой дышалось тяжело!
Лежу недвижно в душевной полудреме,
А голос рядом — все нежней, знакомей...
И, словно сквозь прозрачное стекло,
Там, в вышине,—

я ощущаю это! —

Пробилась струйка воздуха и света,
И, дрогнув, отступили страх и зло.

...В палате спят.

У самых трудных даже —

Хоть ненадолго — боль приглушена.
Лишь вы одни, не знающие сна,
Лишь вы, о сестры, день и ночь на страже.

Не только шприц и белая таблетка,—
Оружье ваше — нежность и тепло...
Вот и мое страданье отошло,
Я поправляюсь... Опустеет клетка,
И я на волю вылечу... Пора!
Спасибо, милосердная сестра,
За то, что, сидя здесь, у изголовья,
Вы, не смыкая воспаленных глаз,
Вернули мне сокровище здоровья,
Что я могу стихи слагать сейчас
Любви, терпенью вашему во славу...

Да будут, сестры, ваши сны легки,
Как наша благодарность, как стихи,
Что вам одним принадлежат по праву!

1974

СОЛНЦУ

Солнце!

Из когтей жестокой ночи —
Вырвалась я к милости твоей.
За окошком все нежней, все кротче
Гулит пара сизых голубей.

Жизнь блистает в красках небывалых
Предо мной, томившейся впотьмах...
Солнце, ты играешь на руках,
От болезни бледных, исхудалых,

Овеваешь волосы и лоб
Золотыми, теплыми крылами...
А давно ль терзал меня озноб,
Изо льда меня бросало в пламя?!

Но, опять признав меня как друга,
Солнце, ты даруешь благодать
И остатки моего недуга
Обещаешься уврачевать.

Дышит аромат фиалок слабый,
Комната сияет белизной...
Друг мой Солнце!..

Уступить могла бы
Я тебя лишь вечности одной!

1974

ГОСТИ ЯВИЛИСЬ...

Откройте,
Откройте окно перед ними,
Чье имя
Не сразу найти мне дано...
Весенние вестники?
Гости залётные?..
Вот они! Вот они!
Сестра, распахните пред ними окно!

Весна чуть намечена голубизною
На тонких сучках, на земле, на карнизах,
В сиреневых почках, очерченных хрупко...
Откройте окно
Перед парю сизых,
Пронизанных светом, любовью, весною...
Воркуют они — голубок и голубка.

Откройте окно!.. Я услышу их ближе,
Весну ощущающих раньше нас всех,
Их грудки крутые, их перья увижу...
Я вторгнусь в их мир! Разгляжу обличье...
Откройте окно!
Не такой уж грех
Упиться весенней радостью птичьей!
Быть может, за легкими их крылами —
Желанной, единственной песни пламя,
Той песни, что я ожидаю давно?

Откройте окно!
Или нет... Погодите!
А вдруг мы спугнем это вешнее диво?..
Любовь, как весна, и дерзка, и стыдлива
У всех на земле и во все времена...
Не надо!.. Их нежное счастье — в зените...
Не надо, сестра, открывать окна!

1974

ПУШКИНУ

Знаете, я — женщина Востока,
А у нас законы таковы:
С тем, кого мы любим столь глубоко,
Говорить положено «на Вы».
Пушкин!.. Люди разных поколений
Чтут у нас ваш лучезарный гений!

И Восток поэтами гордится.
Он многообразен, наш диван:
Раб в оковах,
Пленная вдовица,
А случалось, и могучий хан,
Утомясь от безграничной власти,
Предавался стихотворной страсти.

Издавна Восток с искусством дружен.
Столько роз вместил наш старый сад,
Столько ослепительных жемчужин
Росами на лепестках блестят!
Звезды яркие у нас взошли:
Навои, Хафиз и Физули..
Быть меж ними на почетном месте
Не обидно и для вашей чести.

Можно, я на миг в тот сад войду?..
Скромной тенью проскользну по следу
И послушаю, о чем в саду

Старцы мудрые ведут беседу,
Окружив кудрявого певца,
Чей глагол людские жег сердца.

Вот они под ароматной сенью
Не спеша беседуют в тиши.

Молвит Навои:

— Стихотворенье —
Это спутник жаждущей души...

Я сказать ни слова не посмею,
Но, признаюсь, в детстве и позднее —
Да, в течение всех дней моих! —
Верным спутником души был стих:
Навои родного лад высокий,
Ваши, Пушкин, огненные строки.

В нашем солнечном Узбекистане,
От Пальмиры Северной вдали,
Так же, как с печальной Лейли,
Я сдружилась, Пушкин, с вашей Таней,
В чьей судьбе — как я постигла это! —
Верность наша женская воспета.

Пушкин! Вы когда-то предсказали,
Что к народам вы придете всем,
Но о них вы думали едва ли,
Кто при вас был глух еще и нем
И кого топтал ваш век жестоко —
О безгласных женщинах Востока.

А теперь... О как вы нам близки
В дни веселья, в смутный час тоски!

Знаете, ведь правнучки Заремы
И Земфиры тоже, может быть,
Ваши сказки, песни и поэмы
Наизусть не устают учить,
И находит племя молодое
В ваших строках не одно бывшее.

Тем-то гениальность и сильна,
Что в одно связует времена.

С нашим днем вы слиты нераздельно,
Но, когда над сыном мать поет,
То она протяжной колыбельной
Будущим векам передает
Вашу мудрость, ваше милосердие,
Ваше, Пушкин, гордое бессмертье!

1974

БЕССОННИЦА

Ночей и дней добрососедство...
Но где-то затерялся сон,
Ушел в песок, и мне в наследство
Бессонницу оставил он.

О ночь, я у тебя в неволе,
Меня твоя пытается тень,
Но о моей не знает боли
С тобой соседствующий день.

Кляню тебя и умоляю,
Гоню тебя из дома прочь,
И все-таки благословляю
Тебя, мучительница-ночь!

Мне за мое долготерпенье
Даруешь — что ни говори —
И радостное вдохновенье,
И предвкушение зари.

Ты достаешь из тьмы природы
Все драгоценности свои,
И вижу я былые годы
Незабываемой любви.

Легко ли, если ночь бессонна?
Но, час рассветный обретя,
Я улыбаюсь изумленно,
Как выспавшееся дитя.

Мне всякий раз, когда светает,
Блаженно чудится в тиши,
Что тьму не утро оттесняет,
А тихий свет моей души.

1974

ГОДЫ, ГОДЫ...

Вот и осень моя убывает.
Зимний холод сжигает меня.
Я не знала, что холод бывает
Ненасытней любого огня.

В дни, когда моя жизнь пламенела,
Разве знала подобную боль?
Белый иней ложится на тело,
Как на рану открытую соль.

Я с холодной зимой в поединке,
Плачу, слезы мои не текут,—
Превращаются в острые льдинки
И лицо постаревшее жгут.

Годы, годы... И я содрогаюсь,
Как побитая градом листва.
Неужели я с жизнью прощаюсь
И душа моя тлеет едва?

Или все мне приснилось в больнице,
И цветут за окошком сады,
И со мной никогда не случится
Этой самой последней беды?

Ах, больничная белая койка,
И озноб, и тоска... Все равно,
Хоть и сердце не камень, а стойко
Эту боль перетерпит оно.

1974

ОТКРОЙТЕ ОКНО

Только снег на вершинах отсюда я вижу.
Пододвиньте кровать к голубому окну!
Белый снег, белизну я уже ненавижу,
Дайте я на зеленую землю взгляну!

Все деревья, как девушки, чисто умылись,
Причесались, надели наряд из парчи,
Руки-веточки солнечно зазолотились,
Словно к небу с земли потянулись лучи.

День весенний идет, как художник
всесильный,

На урюк он легчайший румянец кладет,
А гранату он дарит багрянец обильный,—
И меня пусть вниманием не обойдет.

Пусть к лицу не пристанут веселые краски,
Пусть — хотя бы дыханье... В сквозной вышине
Мной воспетые птицы поют без опаски,
Не они — так ворвутся их песни ко мне!

Сердце музыки просит — окно распахните!
Жаждут легкие ветра — раскройте окно!
Ничего нет целебней весенних событий.
Ах, простите, окошко раскрыто давно.

Это душно и тягостно мне от болезни,
И постель — то как снег, то как белый огонь.
Залетают в окно соловьиные песни,
И цветы осыпаются мне на ладонь...

1974

П О Э М Ы

ФАРХАДОМ ЗВАЛСЯ ОН

1

Прозрачно небо. Ветер с гор
Долины освежил простор.
Вершины снежной белизна,
А у подножья гор — весна.

Среди утесов по тропе,
Навстречу солнцу и судьбе,
Мечтой о девушке объят,
Шел смелый юноша Фархад.

В его глазах — любви недуг.
Но где бальзам от этих мук?
Он среди гор, среди долин
Идет искать свою Ширин.

Волненьем встречи дышит грудь,
Способен горы он свернуть.
В пустыне б, верно, сад расцвел,
Когда бы он Ширин нашел.

Тогда, водой напоена,
В сад превратится вся страна.
Фархад любимую найдет,
Он силы у любви берет.

Ширин придет, придет она,
Как в небо светлая луна.
И скажет: «Дал ты жизнь стране.
Ты стал, как счастье, дорог мне!»

О, если б видела Ширин,
Как он тоскует здесь один.
Она узнала бы, что он
Навечно с нею обручен.

Он пел о солнцеликой, той,
Что блещет дивной красотой.
Ему внимают горный край,
И вторит песне звонкий най.

И этой песней опьянен,
Его мелодией пленен,
Неся прохладу, ветерок
В лицо джигита дул. Цветок —

Его у нас зовут райхон —
Раскрыл свой розовый бутон,
И в голубые небеса
Нежнейший запах полился.

Внимая песне, тростники
Качнулись в лад ей у реки.
Внимая песне, соловей
Забыл мгновенно о своей.

И, песню слушая, родник
Свой бег остановил на миг.
Когда Фархад влюбленный пел,
Весь мир, казалось, онемел.

И лань, готовая к прыжку,
Застыла вдруг. Свою тоску
Он, в песню вылив, изнемог
И тихо на землю прилег.

И позаботились о нем
Цветы, роскошным став ковром.
Колючка на сухом песке
Желала стать цветком в руке.

И, как заря в горах, багрян,
Расцвел для юноши тюльпан.
Весь воздух, что звенел вокруг,
Желал унять его недуг.

Певец влюбленный замолчал.
И голос эха зазвучал:
— Тебя Фархадом нарекли
Во славу матери-земли.

Пусть это имя повторят
Леса и горы все: «Фархад!»,
Что означает с давних пор
«Великий победитель гор».

Чтобы свою Ширин найти,
Ты сроешь горы на пути.
Смелей иди, гор властелин,
И ты найдешь свою Ширин!

...Аплодисментов мощный вал
Собой заполнил светлый зал.
Стоял артист, и торжество
Во взгляде было у него.

Опущен занавес. И вновь
Он поднят. Будоражат кровь
Аплодисменты без конца,
Цветы летят к ногам певца.

Стоял артист. Как был он рад,
Что людям по сердцу Фархад,
Что песня для людей как свет,—
Ему награды большей нет.

И долго, долго не стихал
Искусством покоренный зал.

II

Жизнь, как долинная весна,
Была безоблачно ясна.
Пестрели на лугах цветы,
Смеялось солнце с высоты,
Под этим солнцем жил народ,
Смотря уверенно вперед.

Но, небо счастья затемнив,
Весну в ненастье превратив,
На родину напал фашист...
Тревогу протрубил горнист.

И пожилой и молодой
С оружием встали в грозный строй.
Ни сил, ни жизни не щадя,
И день и ночь бои ведя,
Мы шли к победе. Хлопкороб,
Простой рабочий, землекоп,

Художник — все богатыри,
И среди них — Кабул-кари.
Искусству он сказал: «Прощай!»
И в бой пошел за отчий край.

III

Кабул-кари пришел в себя,
Глаза сиянием слепя,
Стояло солнце в вышине.
Он поразился тишине.

Лежал он в поле недвижим,
Его оружие — рядом с ним,
И, как струна, напряжена,
Давила уши тишина,

Вот, пронизав его насквозь,
Дыханье боя донеслось.
Он поднял голову, взглянул,
И взгляд в просторе утонул.
Степная Украины даль
Лежала как сама печаль,
И канонадой ухал фронт,
И весь в огне был горизонт.

Где ни ступил проклятый враг —
Разграблен дом, разбит очаг,
«Пускай же жала пуль моих
Разят врагов, находят их!
О месть святая! Ты бойца
Зовешь бороться до конца.
Но ранен я. Я не могу
Идти вперед и мстить врагу.

Бессильный, должен я лежать,
Мне автомат не удержать;
Огонь мою сжигает грудь.
Я продолжать не в силах путь.

Но сердце — хочет жить оно
И жаждою борьбы полно.
И ослабевшая рука
К оружию тянется, пока
В сознание я... Ты прочь, слеза!
И гневом ожили глаза.

Кабул-кари еще живет,
Еще душа его поет:
«Отчизна милая моя,
Мои родимые края!
Чтобы свободу отстоять,
Чтоб водворился мир опять,
Проявим мужество в борьбе,
Отчизна, я служу тебе!
Во имя солнца над тобой
Готов идти я снова в бой».

И к солнцу устремил свой взгляд
Кабул-кари, герой Фархад.
Уже кончался сил запас,
Казалось, он уснет сейчас.

Он в небо чистое глядел:
Прозрачный воздух голубел.
И, словно в зеркале, он в нем
Себя узнал в краю родном.
И смерть, что рядом с ним была,
На шаг послушно отошла.

Увидел он Узбекистан,
Друзей и щедрый дастархан,
Знакомый двор, старушку мать —
Ему ее не обнимать.

В атласном платье, как заря,
Его улыбкою даря,
Навстречу, радости полна,
Идет любимая жена...

Себя на сцене видит он:
Стоит он, рампой озарен,
Фархадом, в муках о любви,
С огнем в глазах, с огнем в крови.

Он видит горы, что крушил,
Весь край родимый, где он жил,
Весь мир, что был на счастье дан,
Любимый свой Узбекистан.
И ощутил он сил прилив:
«Я в бой пойду! Я буду жив!»

Душа огнем опалена,
Его к себе зовет война.
Руины черные сквозь дым
Плывут в молчанье перед ним.
Поля пшеничные в огне,
И тучи дыма в вышине.
Пожары — их теперь не счесть —
Все говорят: «Священна мечь!»
И долетает издали
Тяжелый, долгий стон земли.

Он ясно видит пред собой
Своих друзей, идущих в бой,
И как под натиском атак

На запад покатился враг,
Как с красным знаменем вперед
Победа гневная идет.

Он медленно глаза смежил,
Себя спросил он: «Как я жил?
На сцене я Фархадом был,
Искусство я, как жизнь, любил,

Мне сцена словно дом родной,
А песнь была б моей сестрой.

Когда разгромлен будет враг —
Я знаю, это будет так,—
С тобой я буду, мой народ,
А кто с тобой — тот не умрет!»

* * *

Река спокойная течет,
Арча зеленая растет
На берегу. В тени ветвей
Могила. Надпись есть на ней:

«Лежит здесь тот, кто пал в бою,—
За жизнь он отдал жизнь свою,—
Герой-боец Кабул-кари».
При свете утренней зари
Здесь шепчут травы. Ветерок
Качает розовый цветок —
Райхон у нас его зовут.

Навечно здесь нашли приют
Напев Лейли, тоска Ширин.
Спокойно спи, Отчизны сын!

Луна с заоблачных высот
Серебряные слезы льет.
Она заходит, говоря:
«Заря! Скорей взойди, заря!»

1943

ВСЕ ПОМЫСЛЫ МОИ В ШАХИМАРДАНЕ

Как будто требуя с деревьев дани,
Шумит новорожденная река,
В которой отразились облака.

Все помыслы мои в Шахимардане.
Я среди гор, а горы выше нас.
С охапкою цветов в безмолвный час
Я поднялась к поэту на вершину.
Он спит, учитель мой. А я стою.
Я принесла сюда мою судьбину,
Все, чем живу, что ввек я не покину,—
Мое перо, поэзию мою.

Прислушиваюсь к скорбному затишью.
Ни жалобы, ни вздоха, ни слезы
В природе этих гор. Я только слышу
Живое сердце нашего Хамзы,
И в шуме ливня, в звонком шуме света,
Мне кажется, я слышу разговор.
Мне кажется, вершины снежных гор
Читают облакам стихи поэта.

Мне кажется, идет живой Хамза,
Идет Хамза по травам в свежих росах.
Для бедняка усталого он посох,
Он для слепого зоркие глаза,
Он воля для борца, он для негого
В мучениях родившееся слово.

Он среди тех, кто в царстве лжи унижен,
Кто по законам лжи всегда неправ.
Он извлекает стих из жалких хижин,
Из улиц глиняных, из пыльных трав,
И песню возвращает он узбекам,
И песнь, расправив крылья вместе с веком,
Летит, заветной вольностью дыша,
И революция — ее душа.

Как новый мир, сияет лоб широкий,
Вокруг не молкнут горные потоки,
Неистовых страстей водоворот.
Поэт все чаще, чаще хмурит брови,
Но говорит он каждой каплей крови:
«Пусть Ленин в кишлаках у нас живет!»

И вот я выхожу из мавзолея,
Где боль далеких лет, где спит поэт,
А в сердце возникает, пламенея,
Свет Ленина, неугасимый свет.
И голоском таким же серебристым,
Как стих певца, чарующий сердца,
Рассказывает девушка туристам
О гибели поэта и борца.

И все идут в музей, полны раздумий,
Здесь нет голов отрубленных и мумий,
Изображений шахов и князей,
Не блещет и кольчугами музей.
Но здесь Хамза: то с Куйбышевым рядом,
То посреди подруг, в кругу сестер,
Что сбрасывают паранджу в костер,
То он творит стихи, глядит в простор
Задумчивым и напряженным взглядом.
Здесь песня есть с ее высоким ладом.

Всю обстановку воссоздал музей:
Любовь и верность боевых друзей,
Народный гнев, что низвергался градом,
Здесь все, но мы не видим черной тьмы,
Увенчанной обманами чалмы,
Напитанной смертельным, мерзким ядом,
Не видим тьмы, что, прячась там, внизу,
Убила — чалмоносная — Хамзу.

Он молод был, так незащитно молод!
Утес, что черной молнией расколот,
Степь, на которой длился долгий бой,
Песнь, удивленная своей судьбой,—
Вот так на фотографии темнело
Убийцами истерзанное тело,
Листок сжимает смуглая рука,
И не допета на листке строка.

Мне кажется, вовек я не устану
Бродить по новому Шахимардану.
Он назван в честь певца — Хамзаабад.
Стихотворение напоминая,
Бежит родник, бежит струя сквозная,
И падают слова, как водопад.

Я книгу раскрываю на припеке...
Ужели воздух раскален, как печь,
Ужели это солнце хочет сжечь
В моих руках трепещущие строки?
Но нет, прохладой веет на востоке,
И каждый луч летит, летит скорей
К приволью пионерских лагерей.

Смотрю: отряд цветов голубоокий
Выходит из-под снежных покрывал,
Чтоб стать среди долины на привал,

И радости взмывает вал высокий.
И кажется, что день зашировал.
А я иду и знаю: не устану
Я учинять допрос Шахимардану.

Земля моя! Пред каждую твоей
Пылинкою склониться я готова,
Но ты ответь мне, боль мою развей:
Ужель его не услышала зова?
Ужель к добру ты приравняла зло?
Как ты могла дарить свое тепло
Исчадьям тьмы и песнопевцу света?
Иль ты была чужда судьбе поэта?
Иль ты была, родная, так слепна
Безумной материнской слепотою,
Что, этой кровью жертвуя святою,
В тот миг ты не разверзлась, чтоб толпа
Фанатиков во мгле твоей сокрылась?
Зачем волкам ты оказала милость?
Волков уничтожают — вот закон,
Который светом и добром рожден!

Вы, горы, выше нас. Ветрам и бурям
Дорогу преграждали вы не раз.
Когда на вас глядим, глаза мы щурим:
Ведь солнце дремлет на плечах у вас!
Так почему ж, услышав бурь свирепость,
Глухими вы остались, точно крепость
Трусливого и слабого царя?
Когда ночная тьма, разбой творя,
Свободу и поэзию душила,
Куда девалась, горы, ваша сила?
Пусть вы его оплакали потом,
А стали вы тогда ему щитом?

Вода, вода! Как песня, ты желанна,
Свободна, как душа Узбекистана,
Могуча, как законы светлых книг.
Зачем не защитила ты родник
Кипучих песен, чистоты душевной?
Зачем ты не размыла берега,
Зачем ты не низверглась на врага
Всей мощью светоносною и гневной?
Нет, я такой обиды не снесу!
Зачем, река Ак-су, зачем, Кок-су,
К поэту вы не протянули руки
И не спасли его от смертной муки?

Вы, ураганы, бури и ветра!
Зачем вы не вопили до утра,
Зачем тогда всю ночь не завывали,
Зачем с вершин вы камни не срывали,
Чтоб их обрушить на свирепый сброд?
О, если бы к народу вы воззвали,
Певца сумел бы защитить народ!

А ты, мой стих? Родился ты певучим,
Ты звонким окрыляешься созвучьем,
Летишь ты по земле, не зная сна.
Но ты — известный иль не знаменитый —
Запомни: чтобы правде стать защитой,
Тебе отвага воина нужна.

Трудись, мой стих, для истины и света,
Дыши весенней яростью грозы,
Трудись и знай, что будет песнь допета.
Что в мире есть наследники Хамзы!

1965

ПОЭМА ОГНЯ И ДОРОГИ

I

Дальний путь, ближний путь, бесконечный
путь...

То шоссе, то проселок, а то тропа.
Ты в любом пути терпеливым будь.
Не спеши, мгновения торопя.

Сложным шел ли путем ты или простым,
На земле следы твоих ног лежат.
Без следов

мир пустынное всех пустынь:
Ни борьбы, ни открытий, ни миража...

По дорогам прокатится жизнь твоя
И упрется в конечное небытие.
Но бывает, что мудрость, тропу торя,
Через вечность протягивает ее.

Мастер умер,
но огненной жизни след
Не подвластен времени и ветрам.
И тревожит и греет нас дальний свет.
Мы склоняемся пред алтарем добра,

Прижимаем колени к земле святой
И ресницами пыль сметаем с камней.
И былое —

не отделено чертой,
И грядущее видится нам ясней.

Размышлений и образов ценный клад
Лишь перу умножать и хранить дано.
И, на верность испытанное стократ,
В целом мире знало только оно,

Как поэта томит и терзает труд,
Чем оплачен страниц стремительный счет.
Не чернила порою с пера текут:
Слезы капают, жаркая кровь течет...

Что опять за дверцами темных век
Копит взгляд глубоких и жадных глаз?
Путь раздумий

в какой устремился век?

Тихо там или буря вдруг поднялась?
Это знает поэт.

Это скрыто от нас.

Да, художник на вечный труд обречен,
Нескончаем мыслей его полет:
Уподобившись дружному рою пчел,
С нивы жизни они собирают мед.

А машина летит. Продолжает путь.
Солнца желтый тюльпан над нами повис.
И Айбек сжимает руками грудь,
Словно сердце удерживает:

«Не взорвись!»

Седина непослушных густых кудрей
Тюбетейку оковывает серебром,
Он глядит все пристальней и добрей
На поля, проносящиеся за стеклом.

Неустанная труженица земля,
Распушившая хлопка веселый снег,

Подарившая колосу груз зерна...
Как, писатель,
судьбою ты сходиен с ней!

Доброй матерью кажется нам она,
А тебя —
мы духовным отцом зовем.
Как земля ярким солнцем озарена,
Так вниманьем народа
ты озарен.

«Наш Айбек творит...» —
нежен взгляд жены.
Оказалась жизнь к поэту щедра,
Одарила сокровищем без цены!
Сердцем ласкова,
чуткой душой мудра.

Трудолюбием мужу она под стать,
Доброта ее там, где нужней всего.
Сыновей Айбека — нежная мать,
В дни болезни — язык и посох его.

Благороден облик ее и прост,
Обаятелен острый и гордый ум!
Ведь в науке
не из последних звезд
Несравненная Зарифа-ханум.

Словно бейта согласные две строки,
Были жизни их счастливо сплетены.
Речи мужа, тихое слово жены
Повторяют с почтением ученики.

III

Если взял ты в удел писательский труд,
Навсегда, как Айбек,

с землею сроднись:

Почки замысла дрогнут,

и зацветут

Гроздья слов, и нальются плоды страниц.

И запомни, что прошлое — океан,
Тьму сокровищ скрывающий в глубине.
Собирает события оно, как дань,
А жемчужины прячет на самом дне.

И писатель — настойчивый водолаз —
Не из прихоти в дальний ныряет век:
На вопрос, что волнует его сейчас,
Он в былом иногда находит ответ.

Для Айбека прославленная Бухара,
Как учебник, знакома любой строкой.
Но одной

Бухару он видел вчера,

А сегодня увидел уже другой...

И мелькает опять за главой глава
В многолистой книге ее судьбы,
И звучат неслышные нам слова:
Угнетения стоны и клич борьбы.

Древний Арк — побелевший старый верблюд,
Как под бременем времени он устал...
Здесь бы каждому камню кричать:

«Скорблю!»,

Но безмолвны каменные уста.

Не нарядны здесь кружева резьбы,
Здесь и в зной холодна любая стена:
Здесь трудились измученные рабы,
Обреченные под плетью стонать.

В этом городе, выросшем на костях
Тех, кто вечную славу ему принес,
Не глазурью цветной мечети блестят,
А рубинами крови, алмазами слез.

Что ж владыки?

Исчез в песках караван,
По дорогам столетий тащивший их,
Имена и обличья укрыл туман.
Шум шагов в пыли забвенья затих.

А сейчас нам Айбека шаги слышны:
Мерно, гневно — иначе здесь не пойдешь.
И откликнулось эхом из тишины
Шелестенье давно истлевших подошв.

Сколько душ, сколько тел!

Этот полз, тот летел
В славе, в сраме, за платой, под плеть.
Скользкий камень вот так же хищно
блестел,

И слетали головы с плеч...

Как печаль вековая, густа тишина.
Звука, вдоха никто не издаст.
И пустыми глазницами

обхона

Свет и радость высасывает из нас.

Обхона, обхона, не твоя вина
В том, что стала ты памятником беды.

«Здесь, в зиндане,
во тьме и гнилой воде,
Он грядущую радость в себе хранил.

Сила духа и мужество жили в нем.
Закаленные муками,
вновь и вновь
Полыхали строки живым огнем,
И бунтарская в них клочкотала кровь»,—

Размышленьями делится с нами Айбек.
Зреют образы в недрах его ума.
А над Арком парит золотой туман,
Словно дух Айни реет там, в тиши,
Говоря:

«Против света бессильна тьма.
Сколько тем нераскрытых...
Айбек, пиши!»

Мы вернулись в гостиницу нашу.
А тут
Две смущенных студентки, юнец-студент:
Их прислал за нами весь институт.

Зал заполнен!
И все с нетерпеньем ждут!
И пока стихи на губах цветут,
В темноту незаметно ныряет день.

IV

От черты горизонта, полна, вольна,
Животворную воду несла река.
И по сердцу Айбека плеснулась волна

Новых чувств.

И взлетела его рука
Окрыленно к вершине гордого лба.

Он подался вперед.

И цветущий мир
Перед ним, не таясь, распахнул себя,
Гордый тем, что желанен, доступен, мил.

Может, мнился поэту новый герой?
Или пение пери услышал он?
Или видел:

играет лань под горой
С добрым солнцем, покинувшим небосклон?

Словно легкая дрожь прошла по спине,
Нервно вскинулась крупная голова...
И жена Айбека, склонясь ко мне,
Прошентала догадливо:

«Ты права —

Он работает.

Именно в этот миг
Новый замысел возникает в нем.
Происходит рождение новых книг.
Глеет искра, что сделается огнем».

Как голодный сметает крошки в ладонь,
Так я в память свою пытаюсь собрать
Слово каждое,
чтобы вкушать потом
Твою мудрость, прославленный мой собрат!

А долину прорезавшая река
И течет, и сверкает, как Млечный Путь.
В ней пасутся отарами облака,
И торопится солнце в волне сверкнуть.

И чем ближе, тем ярче слепит глаза,
И чем ближе, тем слаще прохлады вздох.
А потом уж и вовсе понять нельзя:
Блики брызг или звезды радуют взор.

Рассыпающий золото — Зерафшан,
Посмотри, как свиданию рад Айбек:
Вышел он из машины, и грузный шаг
Странно стал похожим на детский бег.

О река, материнская полная грудь,
Поднесенная к жадному рту земли!
Через многие жизни пролег твой путь,
И усладу люди в тебе нашли.

Бурно струи закручивает Зерафшан,
Словно ждал этой встречи немало лет.
И, свое отражение с водой смешав,
Очарованный, тихо стоит поэт.

И певучие строки трудно сдержать —
Пусть летят они над волной золотой!
Зерафшан,
тебя славил Хамид Алимджан,
Тоже мудрый, вечный и молодой.

А теперь Айбек подбирает слова,
Что величье твое в веках сберегут,
Как верблюды, собранные в караван,
Ивы старые сторбились на берегу...
Два поэта, сумевшие слить в стихах
Шепот сердца и времени грозный гул!

А моим сомнениям —

не стихать.

Все, что в сердце живет,

описать смогу ль?

Но заботам, усталости вопреки
Острой радостью кружат головы нам
Шорох ветра, плеск, свеченье реки,
По земле шагающая весна.

И поэт расправляет могучую грудь,
Он целительный воздух всей плотью пьет.

А в ушах его

нежность, веселье, грусть

Вечной песни — ее Зерафша поет.

Белой пеной взбухая, бурлят сады,
Как внезапно вскипевшее молоко.
Наклонился поэт, зачерпнул воды
Неожиданно молодо и легко.

К чаше смуглых ладоней потом припал.

А сквозь пальцы

на травы к его ногам

Уронил звонкий маленький водопад

Крупных капель, алмазы и жемчуга.

«Пейте! — мне, обернувшись, он говорит, —

Воду каждой реки надо знать на вкус!»

У меня, должно быть, смущенный вид:

Как студент на экзамене, я боюсь.

«Пейте!» — требует строго учитель мой,

На меня устремив напряженный взгляд,

Зачерпнув, пью из горсти.

Странно самой,
Сколько смысла таит в себе этот обряд.

«Хорошо, хорошо!» — повторяет он,
Будто мне удалось на диво стихи,
Или добрый поступок мной совершен,
Или сроки учения истекли...

Счастье: быть поэтом в родном краю,
С мудрым другом делить дорогу одну,
И раздаривать людям любовь свою,
И навечно быть у стихов в плену.

V

Вновь дорога.

Давно позади Бухара.
Почему ж до сих пор задумчив поэт?
Неужели, исполненный зла и добра,
Голос города что-то кричит ему вслед?

Я ведь видела: шли к нему люди в дом,
Чтобы память свою расстлать пред ним,
Чтоб исполнить свидетелей честных долг.
И в работе смешались ночи и дни.

И листал он судьбы, годы листал,
Осторожной рукой касаясь страниц.
Карандаш над бумагой тогда летал,
Умоляя усталость:

«Посторонись!

Бухара, ты — не пленница под чадрой:
Облик твой деловит, опрятен, толков.
И домов твоих светлых веселый строй,
Словно по небу — шествие облаков.

Всюду властно господствует новизна:
Новый дом, новый сквер и новый завод...
В древнем городе новая жизнь видна,
С новой силой гостей он к себе зовет,
Прославляет новые имена.

Новой гордостью полная Бухара —
Драгоценная брошь на груди земли!
С недоступных когда-то слоев добра
Поколения новые пыль смели.

Схожи с сердцем пульсирующим города:
До селений дальних текут от них
И плоды промышленного труда,
И наук уроки, и мудрость книг.

А недавно открытый бухарский газ,
Точно речи звук или зов письма,
Незнакомые люди, дойдет до вас
И живое тепло принесет в дома.

И талант — он не замкнут в себе самом,
Не стреножен словами «сейчас» и «здесь»:
Он, сердца разбудив и согрев собой,
Из эпохи в эпоху летит, как весть.

Тех, кого старый строй угнетал, душил,
На страницах книг воскресит Айбек.
Освещенные светом его души,
Средь живых пребудут они вовек.

VI

Как бурно мчащийся арык
Дорога резко рассекла
Бесплодную Чули-Малик
И прямо в сказку нас ввела.

Прекрасный город Навои,
Волшебный сад в степи сухой,
Похожи улицы твои
На строки радостных стихов!

Ты свеж, как вешний шум дождя,
Твоя листва нежна, как шелк,
Живой поэт как будто ждал
Нас в гости и навстречу шел.

Кто говорит, что пять веков
Меж ним и нами пронеслось?
Не пять веков, а пять венков
Из алых, неувядших роз!

Звучит благоуханный бейт,
Где буква каждая ценна,
И услаждает, как шербет,
Язык,
и греет сердце нам.

С народом вместе шел поэт
На труд, на праздник и в бои.
А нынче источает свет
На карте
имя Навои.

Айбек шагает вдоль домов,
Словам хвалы теряя счет.
И как бы видит ряд томов,
Что не прочитаны еще.

Он говорит:

«Смотрите, тут
Чудесно соединены
Полет фантазии и труд
И новь с дыханьем старины».

Здесь мудро водчий сочетал
Проспектов праздничный простор,
И зелень строгою чинар,
И белый контур дальних гор.

А площадь — та лугам сродни:
Купается в лучах она.
И в сладкой прячутся тени
Кафе, цветник и чайхана.

Хрустальный плещется фонтан...
«Где ж комбинат? —

Айбек спросил.—

Я побывать хотел бы там,
Хватило б времени и сил».

И тут же, тяжело дыша,
Умерил он шаги свои.
Но слышала его душа
Живое слово Навои.

Звучал повсюду детский смех,
Как сотни звонких родников.
И юный город, горд и смел,
Сверкал и цвел среди песков.

VII

Он нас торопил, в нетерпении весь...
Любые дороги ему хороши:
«Поедем на Талимарджанскую ГЭС!
Я должен немедля увидеть Карши!»

Все люди ему интересны, нужны,
Все что-то должны показать, рассказать...
И, жгучей бессонницей опалены,
Темнели всевидящие глаза
Поэта.

И чувствовал каждый из нас,
Здоровьем и жизнью его дорожа,
Что нынче работает он на износ.
Но можно ли горный обвал удержать?

И вот, проявляя законную власть,
Любезный хозяин воскликнул:

«Домла!

Чтоб к чаше покоя устами припасть,
Прошу вас на время оставить дела.

Ваш труд благороден.

Страницами книг

Умеете вы, зажигая сердца,
Связать поколения, чтоб в сына проник
Огонь, вдохновлявший на подвиг отца.

Но я многословен...

Простите меня.

Пожалуйте в ващу машину, домла).
И снова дорога змеилась, маня,
Куда-то звала и куда-то вела.

И возле ущелья два черных жука —
Два ЗИЛа притихли, застыв на траве.
Прохлада, как ласковая рука,
Поэта погладила по голове...

Лежат одеяла на белой кошме.
Кошма, словно лодка на море цветов.
Любезный хозяин сидит на корме:
Беседой и пиром он править готов.

«Товарищ директор, начните рассказ!
Совхоз ваш в республике славен давно.
Айбек с интересом послушает вас
И мы, недостойные, заодно».

Смеется директор:
«Для длинных речей
Как будто не время.
Взгляните сюда:
Лепешки пока что огня горячей,
Свежи, ароматны питье и еда».

И вправду —
на скатерти виноград
Просвечивал яхонтом и янтарем,
Пиалы с кумысом построились в ряд,
Дымилась баранина,
и озарен

Полуденным солнцем был сотовый мед,
И масляной грудой лежал богурсок,
Айбек же
не сладости в руки берет,
Но алый гранат, источающий сок.

И мне, разломив, предлагает гранат:
«Вот чудо-лекарство.

Секрет его прост».

И доброй усмешкою светится взгляд.
И в шутку ему задаю я вопрос:

«Но вылечить может гранат от чего?»
А он отвечает:

«От прожитых лет.

Вам станет опять восемнадцать всего!
Хотите?» —

«Конечно, хочу!

Впрочем, нет...

Я стану моложе?

Но, значит, бедней!

Ведь годы — не только источник седин...
Нет, милый учитель,

из прожитых дней

Забвенью отдать не могу ни один.

Как можно забыть все, что было со мной,
Весь путь, что в страданиях и счастье
пролегал?

Себе я судьбы не желаю иной,
Хоть, может, закат мой не так уж далек».

В ответ мне ни слова никто не сказал.
Хозяин неловкую тишину
Парушил:

«Попробуйте «кора жанжал»!» —

И мне виноградную гроздь протянул.

Айбек восхищен:

«Ах, узбекский язык!

Велик словотворец, художник народ,

Один виноград для него «озорник»,
Другой же он «сердцем голубки» зовет.

Кишлак вдруг назвал «радость сердца» —
Вадиль.

Так жажда прекрасного в нем велика!
И, словно алмазы чистейшей воды,
Сияют слова сквозь года и века.

А мысль о закате — ненужная мысль...»
И, чтобы волнение унять, охладить,
Он жадным глотком выпивает кумыс
И долго в глубоком молчанье сидит.

А мимо, как белые облака,
Овечьи отары неспешно бредут.
Узорчатым поясом вьется река.
На ближней поляне ветрами раздут

Пожар ярко-алых тюльпанов.

И гость

Сидит, опьяненный дыханьем весны.
Директор ему говорит про совхоз —
Поэзией цифры сухие полны!

Узбекский каракуль...

Вам скажет знаток —

И головой поручится за то —
Что каждый плоёный его завиток
Сегодня воистину золотой.

А вот и чабан. Он подобен орлу:
Остер его взор и фигура стройна.
И просит Айбек:

«Позовите к столу,

Пожалуйста, этого чабана».

Чабан в две руки взял поэта ладонь
И сел, проявив благородство и такт.
И снова кумыса белесый огонь
В пиалах забился и заклокотал.

И снова беседа лилась от души:
К вопросу вопрос, за рассказом рассказ.
Родная земля, точно щедрый бахши,
Всё новые песни слагала для нас.

Какие тона по воде растеклись!
А травы
атласными стали на вид...
Урал Тансыкбаев,
нужна твоя кисть,
Чтоб это мгновение остановить!

«О женщины,— к нам обратился Айбек,—
Любое желание ваше — приказ.
Скажите ж часам, чтоб умерили бег,
Они не посмеют ослушаться вас!

Жестока упорная гонка часов.
Как часто от времени мы отстаем!
А этот грабитель бессовестный — сон:
Треть жизни почти мы ему отдаем».

«К себе вы излишне суровы, домла:
Вы ж только к утру задремали слегка!» —
«Мне жаль и минуты, что зря протекла.
Жить надо бессонно, как эта река.

Саксон-дара!
Боже, еще бы сто лет
Любить этот край и бродить по нему.

А после пусть гаснет приветливый свет:
Без грусти я принял бы вечную тьму...»

И он замолчал.

И вторично в тот день,
Хоть радостно было кругом и светло,
На солнце надвинулась черная тень
И нас опажнула тяжелым крылом.

Но тут же растаял тревоги туман,
Сожженный веселым весенним огнем.
Цветной и зеленый шумел океан...
Айбек предложил нам:

«Поплаваем в нем!

От дивных красот я едва не ослеп,
Хочу колдовство их развеять чуть-чуть.
Вон едет старуха верхом на осле.
Куда и откуда лежит ее путь?»

Идет он по травам, как вброд по реке
Идут, позабыв про ладью и весло,
И звездочкой светит ему вдалеке
Нечаянной встречи живое тепло.

И возле старухи замедлил он шаг,
Склонился пред ней, как почтительный сын.
Поношенным был ее красный мурсаг.
Весь облик печать увяданья носил.

Но рядом

нарядно, безопасно, легко

Светилось лицо всех бутонов нежней!

«Как звать тебя, девочка?» —

«Хурилко...»

И смотрит: а кто же стоит перед ней?

Я краткое имя шепнула ей.

Вдруг

Счастливым румянцем она расцвела!
В глазенках восторг, изумленье, испуг:
«Да нет же... Как можно...

Тот самый домла,
Который... «Священная кровь!» «Навои!»
Читаешь — и радость, и слезы рекой...»
«А может быть, глядя косички твои,
Он пишет поэму и «Хурилико»...

Красавица, я за тебя не боюсь:
От зла и от сглаза тебя сбережет
Не в косы влетенная ниточка бус,
А свет, что над нами свободой зажжен».

Так молча я думала.

Время текло,
И делались тени синей и длинней.
Уж солнце, как соком налившийся плод,
Готово сорваться с небесных ветвей.

«Простите, что мы задержали вас, мать,
Должно быть, делам вашим я помешал.
А вам не трудиться,

а есть бы да спать,
Да сказки рассказывать малышам.

«Давно вы покой заработали свой».
И, рот прикрывая концами платка,
Смеется старуха, трясет головой.
Глаза ее — меркнущих два уголька...

И нас приглашает в свой дом заглянуть,
Отведать вечерней чабанской еды.
Потом они обе продолжили путь.
Дорожная пыль приняла их следы...

И, как «послезавтра», и «позавчера»,
Прабабка и правнучка шли над рекой.
И ночь на одну надвигалась, черна...
И солнечный день расцветал для другой!

VIII

Он хотел Шахрисабз посетить —
и не смог.
Он хотел в Пачкамар заглянуть —
не успел.
Торопясь, приближая свой радостный срок,
Майский праздник в кумач наряжался и шел.

И, конечно же, три поколения семьи,
Словно ветви, листвою увенчавшие ствол,
Отложив все дела и заботы свои,
Без Айбека не сядут за праздничный стол.

Но потом, когда праздник уйдет со двора,
Схлынет шум многолюдья и пиршества
зной,—

За работу пора!
Без чернил и пера
Истомилась бумага пустой белизной.

Он прощается, к сердцу ладони прижав...
Он идет...
Под ногами — асфальт и бетон.
Плечи сгорблены.
Нам его словно бы жаль,
Хоть совсем не нуждается в жалости он.

Как мы были беспомощны и слабы
Меж больничных стен и недужных тел!
Опрокинутый факел в руке судьбы
Не пылал, а дымился и еле тлел...

Смерть, коварный разбойник, немой палач,
Почему ты безмерно сурова к нам?
Вот ушли Шейхзаде, Каххар и Гулям,
А теперь по Айбеку несется плач...
Что оставишь ты будущим временам?

Выбираешь ты лучших.

Таков Айбек!

Хоть была нелегка дорога его,
Никому не завидовал он вовек,
Не унизил за жизнь свою никого.

Остановлен стремительный бег часов.
Замыкая дорог и путей кольцо,
На поэта надвинулся вечный сон.
Но взгляните, взгляните в его лицо!

Он — не мертв.

Он как будто слегка устал.

Это — тень покоя, не смертный мел!
Так ложится пахарь под тень куста,
Или путник вытягивается на кошме.

Он — в плечу у работы.

И смерть слаба,

Чтобы вдруг на молчанье его обречь!
Словно звезды, сияют над ним слова.
Он безмолвен,

и все ж продолжает речь.

Жизнь большого поэта — не краткий миг:
Ей в годах и пространстве границы нет.
Ты листаешь страницы знакомых книг,
Значит, — снова — в дороге, в трудах поэт!

У могучей реки приток не один —
Потому и пески его не сомнут.
Так и отчее дело продолжит сын,
Так и дедово имя прославит внук.
Откровением новым глаза слепя,
Вновь поэма страницами шелестит...
Мы глядим в нее — узнаем себя.
Значит, жив Айбек.

Значит, он — в пути!

1969

МУШОИРА

Уже пришла вечерняя пора.
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира,
Мушоира!
Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются и строки,
И чувства, и слова.
Чьи краски ярче? Глубже описание?
Чья мысль остра?
Звенит, гремит поэтов состязанье —
Мушоира!
Для цветника поэзии восточной,
Для звонкого созвучья, мысли точной
Не нужен пышный или душный зал:
Поэт, придя сюда, с собою взял
Лишь песню, песню Нила или Ганга,
И только удивительный навес
С плодами нарисованными манго
Слегка нас отделяет от небес.
И вечер, голубей Бенгальского залива,
Нас окружает с четырех сторон,
И в блеске звезд, вдали горящих горделиво,
Свет наших ламп чудесно повторен,
А ветерок приносит с побережий

То запах трав, пронзительный и свежий,
В котором есть вечерняя роса,
То песню девушек индийских,
То птиц, неведомых, но близких,
Пленительные голоса.
Вы вдохновенья слышите приказ?
Веленье смелого пера?
Друзья, идите к нам, идите к нам! У нас
Мушоира!
На возвышении, украшенном ковром,
Что радугу напоминал по цвету,
Своим душевным делятся добром
Все те, кто к правде тянется и к свету.
Да, в этом поэтическом саду
Есть малые цветы и мощные чинары,
Но вижу я: сейчас и молодой и старый —
В одном строю, в одном ряду.
Обычай Востока строги,
И в Индии мы их нарушить не хотим:
На радуге-ковре, скрестивши ноги,
Хозяева и гости, мы сидим.
И обувь разноцветная у входа,
Что сняли мы, когда сюда пришли,
Напоминает нам: так вот следы земли,
Где труд, где слава каждого народа!
Индийские сандалии видны
С подошвой деревянной из сандала.
Искусная рука их создавала
Умельца этой сказочной страны,
И если путешествовать я стану —
Надену их, пойду по Индостану!
Они явились из различных стран:
Ботинки эти сделаны Багдадом;
На этих — пыль Китая; а Иран
С Цейлоном оказались рядом;

Монгольский сапожок — с пенджабским
каблучком.

Невольно обвожу я взглядом
Те туфли, что моим пошиты земляком,
Ташкентским мастером Ахмадом.
Благодарю тебя от всей души,
Сосед, твои изделия хороши,
И, может быть, сапожник из Кашмира
С тобою соревнуется, мой друг,
Во имя изобилия и мира
И тоже входит в наш звенящий круг.
Седоволосый, с юными глазами,
Что помнит Индию, облитую слезами,
Что видит радостный ее расцвет,—
У микрофона встал поэт,
Старейший в нашем состязанье,
Его участник и глава...
К чему певцу иносказанье?
Текут в душе рожденные слова,
В которых — воля и дерзанье.
Язык находят общий мастера
В такие вечера.
Идите к нам. У нас мушоира,
Мушоира!
Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих — нет, не звучит

он слабо,

В нем сила матери и честь борца...
Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.
Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни,
Сливались в карту Азии они

И Африки, великой, древней.
И ветры, вырывая из сердец
Созвучья, уносили их далеко,
И Запад к миру звал певец
И счастье возвещал земле Востока.
С поэтов сикхи не сводили глаз,—
Богатыри, что в битвах тверже стали;
Как пламя черное, их бороды сверкали;
Бенгальцы слушали с волнением нас,
В одежды белоснежные одеты...
Все новые и новые поэты
Нам поверяли думы и мечты.
Стихи вставали, как мосты
Для нашей дружбы, нашего сближенья —
Мосты любви и уваженья,
Мосты народной красоты.
О, вечер Индии! О, песен уносенье!
Неотделим от слушателя чтец.
И кажется: биенья всех сердец
Слились в одно сердцебиенье!
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все пире, пире.
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая,
В боренье закалив слова свои,
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...
Ты — весть о хлебе, благе и покое.
Не шутка, не игра —
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!
Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Кто суть поэзии, душа ее, источник.

Они творят в ином, прекрасном роде.
Стихи не часто входят в их жилье,
Их книги — жаркая любовь к свободе.
Их вдохновенье — битва за нее.
Пусть примут все, кто трудится, участие
В соревнованье наших голосов;
Пусть все, кто сеет, все, кто строит
счастье,

Услышат этот зов.

Друзья, поэзии живой и дерзновенной
Пусть блещет всюду огненный накал,
Чтоб мирный человек владел вселенной,
Чтоб только миру песни он слагал.
Друзья, идите к нам под сень шатра.
Под сень добра.
Идите к нам! У нас мушоира,
Мушоира!

1958

СОДЕРЖАНИЕ

К. Кулиев. О Зульфии и ее поэзии 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗДЕСЬ РОДИЛАСЬ Я

Песня. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	23
Здесь родилась я. <i>Перевод Вл. Державина</i>	24
Садовник далеко. <i>Перевод С. Сомовой</i>	27
Сюзане. <i>Перевод С. Сомовой</i>	29
Золотая осень. <i>Перевод С. Сомовой</i>	31
Мое дитя. <i>Перевод М. Борисовой</i>	33
С оружием в руках и в шинели. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	35
Мы встретимся! <i>Перевод Вл. Державина</i>	37
Таает снег... <i>Перевод А. Кочеткова</i>	39
Отважным (Делегатам-фронтовикам). <i>Перевод А. Кочеткова</i>	41
Отомсти! <i>Перевод Вл. Державина</i>	43
Признание. <i>Перевод С. Липкина</i>	45
Два стихотворения. <i>Перевод Л. Кондырева</i>	47
Звезда. <i>Перевод С. Липкина</i>	50
«Мой друг, ты спишь в земле...» <i>Перевод С. Липкина</i>	51

Моя печаль, твоя беда... Перевод <i>С. Липкина</i>	52
«Счастливую любовь он воспевал...» Перевод <i>Ю. Нейман</i>	53
Пришла весна, спрашивает о тебе. Перевод <i>М. Алигер</i>	54
Зацвел урюк. Перевод <i>К. Симонова</i>	57
Навстречу. Перевод <i>С. Сомовой</i> . . .	59
Зебо. Перевод <i>Ал. Ревича</i>	61
Мотылек. Перевод <i>С. Липкина</i> . . .	64
Невеста. Перевод <i>Н. Гребнева</i> . . .	66
Дыхание жизни. Перевод <i>М. Бори- совой</i>	68
Сирень. Перевод <i>Н. Гребнева</i> . . .	70
Мечта. Перевод <i>С. Липкина</i>	71
Здесь будет дорога. Перевод <i>Н. Греб- нева</i>	73
На мосту. Перевод <i>С. Сомовой</i> . . .	75
Стихи о Таджикистане. Перевод <i>С. Сомовой</i>	77
В поле. Перевод <i>С. Сомовой</i>	82
Соловей. Перевод <i>С. Сомовой</i> . . .	85
Моей подруге. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	86
Две подруги. Перевод <i>С. Сомовой</i> .	89
Доброго утра, люди Мира! Перевод <i>С. Сомовой</i>	93
На озере. Перевод <i>М. Борисовой</i> . .	95
Вечер на реке. Перевод <i>Ю. Нейман</i>	97
Южная ночь. Перевод <i>Ю. Нейман</i>	98
Женщина в парандже. Перевод <i>Н. Гребнева</i>	100
Возле фонтана. Перевод <i>М. Бори- совой</i>	103
Мать. Перевод <i>С. Сомовой</i>	104

«Все прекрасное, святое...» Перевод С. Липкина	106
В сосновом лесу. Перевод С. Сомовой	107
Победительницам. Перевод С. Сомо- вой	109
Весна. Перевод Н. Ушакова	111
Чабан. Перевод Р. Морана	113
Девушка-зоотехник. Перевод Р. Мо- рана	115
Снег. Перевод С. Сомовой	117
Краткая встреча. Перевод С. Лип- кина	119
Иду я городом родным. Перевод С. Липкина	121
С Новым годом! Перевод Р. Морана	124
Мартовским утром. Перевод С. Сомо- вой	126
Кого ты ждешь? Перевод Ю. Нейман	128
Не пройти войне! Перевод С. Лип- кина	130
Свет. Перевод С. Липкина	132
Великое рождение. Перевод Н. Греб- нева	134

РАЗДУМИЯ

Тебе, Египет! Перевод С. Липкина	137
Частица солнца. Перевод Н. Гребнева	139
Зависть. Перевод С. Липкина . . .	141
«Я двигаюсь...» Перевод С. Липкина	143
Читателям. Перевод С. Липкина . .	144
Портрет, который я еще должна на- писать. Перевод С. Липкина	145
В океане. Перевод С. Липкина . . .	147
«Давно твой взгляд я не ловила...» Перевод С. Липкина	149

Навстречу песне Алатау. Перевод <i>С. Липкина</i>	150
Кокчетау. Перевод <i>С. Липкина</i> . . .	151
Чародейство облака. Перевод <i>С. Лип- кина</i>	154
Тюбетейки с пушистыми султанами. Перевод <i>С. Липкина</i>	156
Вечер на Балхаше. Перевод <i>С. Лип- кина</i>	158
Удочка. Перевод <i>Б. Пармузина</i> . . .	160
Дерево. Перевод <i>С. Липкина</i>	161
Раздумия. Перевод <i>С. Липкина</i> . . .	162
Небольшое селенье. Перевод <i>С. Лип- кина</i>	164
Такое сердце у меня. Перевод <i>С. Лип- кина</i>	166
Говорят... Перевод <i>Ю. Нейман</i>	168
Садовник. Перевод <i>С. Липкина</i>	169
Молодая вдова. Перевод <i>С. Липкина</i>	172
Вечер. Перевод <i>С. Липкина</i>	173
Любовь. Перевод <i>А. Наумова</i>	174
Вишни, стоящие в одном ряду. Пе- ревод <i>С. Липкина</i>	177
Пловец и мечта. Перевод <i>С. Липкина</i>	178
Зеркало. Перевод <i>С. Липкина</i>	180
Бахшиш. Перевод <i>С. Липкина</i>	182
Чужая ночь. Перевод <i>С. Липкина</i> . . .	185
Звезды Вуадия. Перевод <i>С. Липкина</i>	186
Лукавоокая. Перевод <i>А. Иванова</i> . . .	192
Председатель. Перевод <i>Ю. Нейман</i>	194
Строки памяти. Перевод <i>А. Наумова</i>	197
Весенний водопад. Перевод <i>С. Лип- кина</i>	200
Себе. Перевод <i>Н. Матвеевой</i>	202
Мой рассвет. Перевод <i>С. Липкина</i> . .	204

Осень, Перевод С. Липкина	206
Ветерок, Перевод С. Липкина	207
Зло, Перевод З. Тумановой	209
Лунная ночь, Перевод С. Липкина	211
Гнездо, Перевод С. Липкина	213
Где твой привет? Перевод С. Липкина	214
«Желтый месяц...» Перевод З. Тумановой	216
Снова царит весна, Перевод Н. Марвеевой	217
Перед зеркалом, Перевод С. Липкина	219
Хочу найти весну, Перевод С. Липкина	220
Не отнимайте у меня пера, Перевод С. Липкина	221
Почетное место, Перевод С. Липкина	223
«В сердце много песен...» Перевод С. Липкина	224
Теплота, Перевод С. Липкина	225
Сердце осталось у вас, Перевод С. Липкина	228
Капля, Перевод С. Липкина	230
Памятник, Перевод С. Липкина	233

РАДУГА

Бессмертная моя... Перевод М. Боровой	237
Болгария, Перевод С. Липкина	242
Ожиданье, Перевод Р. Казаковой	245
Дорогие чувства, Перевод И. Лиснянской	246
Без тебя, Перевод Ю. Нейман	252
Яблоко, Перевод И. Лиснянской	254
Родные, Перевод С. Липкина	255

В день моего рождения. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	258
Тоскую снова по весне. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	261
Закат. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	262
Достань мне солнце! <i>Перевод Ю. Нейман</i>	264
На земле я родилась... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	266
Принесли букет цветов мне девушки. <i>Перевод И. Лиснянской</i>	268
Мираб. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	269
Дорога в поле. <i>Перевод С. Липкина</i>	271
Невесту привезли. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	274
О вас пою, земляки. <i>Перевод А. Наумова</i>	275
Капли бесконечные. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	282
Доктор!.. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	284
Лодка жизни. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	285
Природа, я протестую! <i>Перевод Ю. Нейман</i>	286
Будущее. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	288
В глазах — звезды... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	292
В объятьях бури. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	294
Напрасно прожитые мгновенья давят... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	296
Вся жизнь ее была... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	297
Невысказанное. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	299
Неужные волнения... <i>Перевод Ю. Нейман</i>	300
Распутье. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	301

Этюд. Перевод Ю. Нейман	303
Радуга. Перевод Ю. Нейман	304
Я о жизни прошедшей... Перевод Ю. Нейман	309
Морщинками меня не попрекай... Перевод Ю. Нейман	310
«Послушно сердце лишь одной любви...» Перевод Ю. Нейман	311
«Стихи, со мною бывшие в больнице...» Перевод Ю. Нейман	312
Солнцу. Перевод Ю. Нейман	314
Гости явились... Перевод Ю. Нейман	315
Пушкину. Перевод Ю. Нейман	317
Бессонница. Перевод И. Лиснянской	320
Годы, годы... Перевод И. Лиснянской	322
Откройте окно. Перевод И. Лиснянской	324
«Словно снег осыпается с белой луны...» Перевод А. Наумова	326

ПОЭМЫ

Фархадом звался он. Перевод С. Сомовой	331
Все помыслы мои в Шахимардане. Перевод С. Липкина	340
Поэма огня и дороги. Перевод М. Борисовой	345
Мушоира. Перевод С. Липкина	372

Зульфия
ИЗБРАННОЕ

Редактор
Г. Фальк

Художественный редактор
В. Горячев

Технический редактор
Е. Полонская

Корректор
М. Пастер

Сдано в набор 26/XI-1974 г. Подписано в печать 25/III-1975 г. Бумага мелов. 120 гр. Формат 70×90^{1/32}. 12,0 печ. л. 14,004 усл. печ. л. 11,27 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз. Заказ 2142
Цена 1 р. 49 к. Издательство «Художественная литература» Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19 Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, М-54, Валовая, 28